Э. ГЕНКИНА

БОРЬБА ЗА ЦАРИЦЫН в 1918 году

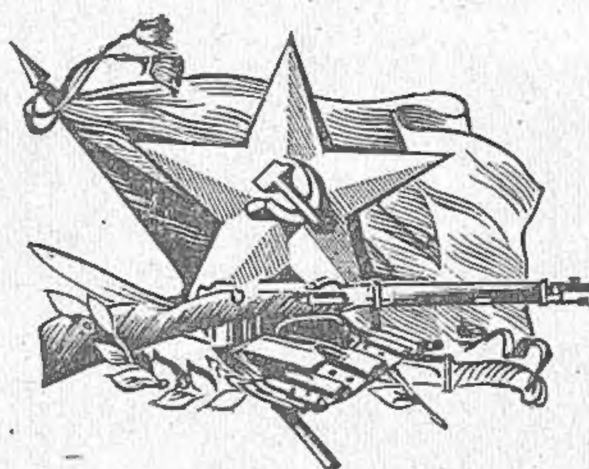
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

СЕКРЕТАРИАТ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ
ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Э. ГЕНКИНА

БОРЬБА ЗА ЦАРИЦЫН в 1918 году

ПОЛИТИЗДАТ при ЦК ВКП(б)
1940

АННОТАЦИЯ

Книга Э. Б. Генкиной «Борьба за Царицын в 1918 году» посвящена героической обороне Царицына от красновских банд в 1918 г. Автор рассказывает, как героическая Красная Армия и царицынские пролетарии под руководством товарищей Сталина и Ворошилова и их ближайших помощников — Буденного, Пархоменко, Кулика, Щаденко и Руднева отразили наступление белых и отстояли советскую крепость на Волге — город Царицын.

Введение

ЦАРИЦЫН, КАК ЦЕНТР УДАРА

Борьба за Царицын в 1918 г. является одной из наиболее ярких и значительных глав истории гражданской войны в СССР. Славная и незабываемая царицынская эпопея навсегда вписана в историю великой нашей родины, историю советского народа.

Почти два года (1918—1919) продолжалась героическая борьба за Царицын. С лета 1918 г. и по лето 1919 г. город выдержал четыре окружения белогвардейских сил.

В истории борьбы за Царицын следует различать два основных этапа. В 1918 г. на царицынском плацдарме шла борьба главным образом с белоказачьей армией Краснова—наемника германского империализма; в 1919 г.—с «добровольческой» армией Деникина, ставленника англо-французских империалистов.

Расстановка сил контрреволюции и интервенции в 1918 и в 1919 гг. складывалась по-разному. В 1918 г. Царицын являлся

центром удара всех контрреволюционных сил, районом, откуда был намечен и проведен под руководством товарищей Сталина и Ворошилова разгром Краснова. Место же Царицына в борьбе с Деникиным в 1919 г. было иное. Деникин, согласно сталинскому плану, был разгромлен не с царицынского плацдарма, а ударом на Донбасс.

В своей статье «Новый поход Антанты на Россию», опубликованной в «Правде» в мае 1920 г., товарищ Сталин, подводя итоги урокам гражданской войны 1918 и 1919 гг. и намечая задачи борьбы с белополяками, сформулировал одно из важнейших положений марксистско-ленинской стратегии о значении выбора *района главного удара*.

«В войне вообще, в гражданской войне в особенности,—писал товарищ Сталин,—успех, решительная победа зависят нередко от удачного выбора района удара, от удачного выбора того района, откуда вы намерены нанести противнику и развить дальше главный удар. Одна из крупных ошибок Деникина состояла в том, что *он избрал районом главного удара полосу Донецкий бассейн—Харьков—Воронеж—Курск*, т. е. район заведомо неблагонадежный для Деникина, район враждебный Деникину, район, где Деникин не мог создать ни прочного тыла, ни благоприятной обстановки для продвижения своих войск. Успехи советских войск на деникинском фронте объясняются, между прочим, тем, что советское командование своевременно перенесло *свой основной удар из района Царицына* (район неблагоприятный) в район Донецкого бассейна (район высоко благоприятный), где население встречало советские войска с энтузиазмом, и откуда легче всего можно было пробить деникинский фронт, расколоть его на две части и продвигаться дальше вплоть до Ростова»[1].

Это важнейшее обобщение товарища Сталина основывалось на всем опыте гражданской войны, на опыте разгрома Деникина, проведенного под непосредственным руководством товарища Сталина, по сталинскому плану. Из этих слов товарища Сталина вытекало со всей ясностью также и то, что в 1919 г. Царицын не являлся уже районом главного удара со стороны Деникина, избравшего полосу Харьков—Воронеж—Курск, и наша Красная Армия наступала по сталинскому маршруту—не через Донскую область и Царицын, а через Донецкий бассейн.

Обстановка в 1918 г., в первый период гражданской войны, сложилась несколько иначе, чем в 1919 г.

После оккупации кайзеровскими войсками Украины, к лету 1918 г. перед Советской республикой стояли два главных врага: чехо-словаки—на востоке, генерал Краснов—на юге. К августу 1918 г., ко времени первого окружения Царицына белыми, чехо-словаки заняли Самару, Симбирск, Казань. Опас-

---

[1] «Правда» № 112 от 26 мая 1920 г. Курсив мой.—*Э. Г.*

ность объединения южной и восточной контрреволюции была неизмеримо велика. Если бы это объединение стало фактом, создался бы единый сплошной фронт белых армий юга и востока. На пути создания этого единого фронта контрреволюции неприступной крепостью стоял красный Царицын. Стальным клином врезывался он между силами южной и восточной контрреволюции, оставаясь в течение всего 1918 г. в руках Красной Армии, вплоть до полного разгрома и Краснова и чехо-словаков, так и не дав им объединиться. Захват Царицына частями Деникина 30 июня 1919 г. не имел уже такого решающего значения для страны, так как Колчак, на соединение с которым шел Деникин, к этому времени был уже разбит и отброшен от Волги на полторы тысячи километров в глубь Сибири.

На Северном Кавказе в течение почти всего 1918 г. власть находилась в руках советов. Екатеринодар и Новороссийск белогвардейцы захватили только в августе 1918 г.; район Минеральных вод, Грозный и Владикавказ перешли в руки деникинцев лишь в начале 1919 г. На Северном Кавказе в 1918 г. находилась почти стотысячная Красная Армия, отрезанная от центра страны, отрезанная от Царицына. Соединение царицынских частей Красной Армии с северокавказскими частями являлось в этих условиях важнейшей задачей. В 1919 г., когда Северокавказская (XI) армия отступила на Астрахань, а Кубань, Терек, Ставрополь, Дагестан и район Минеральных вод находились в руках белогвардейцев, обстановка на юго-востоке страны коренным образом изменилась.

Силы контрреволюции в 1918 и 1919 гг. группировались не одинаково, и в связи с этим неизбежно менялось *направление главного удара* боевых сил Красной Армии.

Значение Царицына в ходе гражданской войны в 1918 г. с исчерпывающей полнотой объяснено товарищем Сталиным.

«Взятие Царицына,—писал он в октябре 1918 г.,—и перерыв сообщения с югом обеспечило бы достижение всех задач противником: оно соединило бы донских контрреволюционеров с казацкими верхами Астраханского войска и Уральского, создав *единый фронт контрреволюции от Дона до чехословаков,* оно закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий, оно оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа... Этим главным образом и объясняется то упорство, с которым тщетно стараются белогвардейцы юга взять Царицын»[1].

Товарищ Сталин подчеркивает здесь три основных момента, которые делали Царицын в 1918 г. центром удара контрреволюционных сил:

---

[1] *Сталин,* О юге России, «Правда» № 235 от 30 октября 1918 г. Курсив мой.—*Э. Г.*

1) Царицын как клин, рассекавший на две части силы южной (Краснов, Деникин) и восточной (чехо-словаки, Дутов) контрреволюции.

2) Царицын как единственное связующее звено (в условиях оккупации Украины немцами и захвата Ростова белыми) между центром страны и всем югом и Каспием, как ключ к богатствам юго-востока, где решалась задача спасения страны от голода. По Волге Царицын связывал страну с Астраханью, Каспийским морем, а через Каспийское море—с Баку, Грозным, Туркестаном. Только через Царицын осуществлялась в 1918 г. связь Москвы со всем югом и Каспием. Поэтому товарищ Сталин и указывал, что взятие Царицына не только создало бы единый фронт контрреволюции от Дона до чехо-словаков, но прервало бы сообщение с югом, «закрепило бы за контрреволюционерами, внутренними и внешними, юг и Каспий».

3) Царицын как центр, откуда шло руководство всеми армиями, сражавшимися на юго-востоке страны (в первую очередь Северокавказская армия). Царицын не только *рассекал* силы восточной и южной контрреволюции, но и *связывал* воедино силы красных армий Южного фронта гражданской войны, действовавших под Царицыном, на Кубани, Черноморье, Тереке, в Ставрополье, Астрахани и Баку.

Краснов, организуя окружение Царицына, мечтал не только об объединении с силами контрреволюции на востоке, но и о том, чтобы отрезать советские войска Северного Кавказа от Царицына и тем помочь интервентам в захвате как Дона, так и Северного Кавказа и Закавказья. Поэтому товарищ Сталин и указывал, что взятие Царицына «оставило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа».

Борьба за Царицын в 1918 г. не была локальной, местной операцией. Сталинская оценка стратегического значения Царицына определяла место Царицына в ходе гражданской войны, как центра борьбы за весь советский юг и Каспий. Именно здесь перекрещивались нити всего хода гражданской войны и интервенции на юго-востоке страны. Борьба, которая шла в 1918 г. на Кубани, Тереке, в Ставрополье, Дагестане, Астрахани, вообще на всем Северном Кавказе и в Баку, не стояла изолировано от всей борьбы за Царицын. Все это звенья одной цепи; руководство всеми этими событиями шло из одного центра—из Царицына, от товарища Сталина.

Эти основные моменты, характеризующие стратегическое значение Царицына в 1918 г., определили и те главные задачи, которые ставились и разрешались под руководством товарища Сталина в Царицыне в период борьбы с красновщиной (1918 г.).

Первая задача сводилась к тому, чтобы удержать Царицын во что бы то ни стало в наших руках и не дать соединиться на линии Волги южной и восточной контрреволюции. Именно в июне 1918 г., когда Краснов готовил окружение Царицына,

чехо-словаки ближе всего подошли к Волге, захватив Самару, Вольск, Хвалынск.

Разгромить до конца Краснова, ликвидировать донскую контрреволюцию, являвшуюся проводником захватнических планов германских империалистов,—такова была первая задача, решавшаяся под Царицыном в 1918 г.

Вторая задача заключалась в том, чтобы спасти страну от страшного бича голода и направить в голодающие центры из Царицына сталинские эшелоны с хлебом.

«План врагов Советской России,—говорил товарищ Сталин 29 октября 1918 г. на заседании Московского совета,—оторвать от нее наиболее богатые хлебные окраины и заставить ее сдаваться без боя. Месяцев 5—6 назад они для осуществления своего теперешнего плана избрали Самару и Сибирь.

Последние два месяца показывают, что это не осуществилось.

Теперь они стараются возобновить эту авантюру на юге. Юг представляет большую притягательную силу... Там лежит не менее 110 мил. свободного хлеба. Угля там десятки тысяч пудов...» [1]

В обстановке оккупации Украины и захвата Сибири решающим источником снабжения страны хлебом становились Дон и Кубань. После захвата белогвардейцами совместно с австро-германскими оккупационными войсками Ростова (8 мая 1918 г.) Царицын являлся единственной связью этих хлебородных областей с центром страны. Царицын по своему географическому положению был *ключом ко всему юго-востоку*, ключом к богатствам юга России, к его продовольственным (хлеб, рыба, скот) и топливным (нефть, уголь) ресурсам.

Держать этот ключ всего юго-востока в своих руках было для молодой Советской республики вопросом жизненной необходимости, вопросом ее существования.

Третья задача заключалась в том, чтобы, разгромив до конца силы красновской контрреволюции и иностранной интервенции на юго-востоке страны, оказать помощь народам Северного Кавказа в их борьбе с белогвардейцами и интервентами. Не случайно накануне своего отъезда из Москвы в Царицын товарищ Сталин в своих статьях в «Правде»—«Положение на Кавказе» (23 мая) и «О Донщине и Северном Кавказе» (1 июня) на первый план выдвигает задачу *оказать помощь народам Северного Кавказа в борьбе за их неотъемлемые права против захватчиков и поработителей.*

Все эти три задачи решались как одна, ибо нельзя было решить продовольственного вопроса, не добившись разгрома врага на фронте, а решение последней задачи, в свою очередь, неразрывно было связано с необходимостью создания единого фронта наступления армий Царицынского и Северокавказского фронтов.

---

[1] Доклад товарища Сталина на пленуме Московского совета 29 октября 1918 г. МОАУ, ф. Рогожско-Симоновского райсовета, д. 27, л. 200—203.

Что же представлял собой тот плацдарм борьбы (Царицын и окружающий его район), где должны были решаться все эти основные для страны задачи?

Царицын находится всего в нескольких десятках километров от «тихого» Дона. В нескольких часах езды от города начинаются широкие донские степи, белые мазанки казачьих станиц и хуторов. Царицын граничил с бывшей Донской областью, той областью, которая после октября 1917 г. стала основным центром организации сил всероссийской контрреволюции, базой «казачьей Вандеи». Сразу же после победы Великой пролетарской революции белогвардейцы, группировавшиеся на Дону, передали «всю полноту» государственной власти белогвардейскому «Войсковому правительству» во главе с Калединым.

Когда генерал Алексеев по поручению контрреволюционного «Союза спасения родины» начал сколачивать белогвардейскую «добровольческую» армию, то местом ее формирования была избрана именно Донская область. В декабре 1917 г. в Новочеркасске собралась верхушка царского генералитета—Каледин, Корнилов, Алексеев, Деникин, Лукомский и многие другие. На Дон началось настоящее паломничество: генералы, офицеры, юнкера, кадеты, высшие гражданские чины царского правительства одиночками и группами направлялись на Дон—в Новочеркасск, под крылышко Каледина. Контрреволюция выбрала Донскую область не случайно.

«Еще в начале Октябрьского переворота,—писал товарищ Сталин,—наметилось некоторое *географическое размежевание между революцией и контрреволюцией*. В ходе дальнейшего развития гражданской войны районы революции и контрреволюции определились окончательно. Внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами—Москва и Петроград, с однородным в национальном отношении населением, по преимуществу русским,—превратилась в базу революции. Окраины же России, главным образом, южная и восточная окраины, без важных промышленных и культурно-политических центров с населением в высокой степени разнообразным в национальном отношении, состоящим из привилегированных казаков-колонизаторов, с одной стороны, и неполноправных татар, башкир, киргиз (на востоке), украинцев, чеченцев, ингушей и других мусульманских народов, с другой стороны,—превратились в базу контрреволюции.

Нетрудно понять, что в таком географическом распределении борющихся сил России нет ничего неестественного. В самом деле: кому же еще быть базой советского правительства, как не петроградско-московскому пролетариату? Кто же другой мог быть оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции, как не исконное орудие русского империализма, пользующееся при-

вилегиями и организованное в военное сословие—казачество, издавна эксплоатирующее нерусские народы на окраинах?»[1]

Это географическое размежевание между революцией и контрреволюцией, на которое указывал товарищ Сталин, особенно ярко сказалось именно на примере Донской области. Царские генералы Каледин, Корнилов, Краснов, Деникин попытались создать вооруженные силы белых армий, опираясь в первую очередь на кулацкую верхушку казачества, которая в Донской области была очень сильна. Они превратили Донскую область в центр формирования белогвардейских сил.

Но на пути выполнения этой решающей задачи контрреволюции—задачи консолидации и собирания белогвардейских сил на территории Донской области—серьезным препятствием стоял Царицын.

Ожесточенная борьба между красным Царицыном и «Войсковым правительством» Каледина началась с первых же дней после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Пролетарский Царицын, вклинившийся в глубь, в самое сердце «казачьей Вандеи», мешал собиранию сил донской контрреволюции. Как революционный заслон стоял он на границе Дона, разоружая все пробиравшиеся через Царицын белогвардейские части офицеров, юнкеров, кадетов, не пропуская их на Дон. Сколько негодующих, полных ненависти и угроз писем от донского «Войскового правительства», от казачьих атаманов получал исполком Царицынского совета в связи с тем разоружением белоказачьих частей, которое неустанно проводилось в 1917 г. в Царицыне силами красногвардейских отрядов!

Большевистское влияние Царицына сказывалось в донских станицах и хуторах. Белым генералам не удалось и не могло удаться создание единого фронта казачества против советской власти. Верхи казачества шли с Калединым, Корниловым, Красновым. Но казачья беднота, «иногородние», трудовые казаки тянулись к Царицыну, как к своему естественному центру. Царицын помогал оформить, закрепить диференциацию казачества, он привлекал к себе и сплачивал иногородних, казачью бедноту, все революционные элементы Донщины. Из Нижнечирских станиц, из Сребрякова в Царицын шли просьбы о помощи—на Царицын надеялись, вокруг Царицына собирались все советские элементы Дона.

Царицынские пролетарии, приезжая в станицы, агитировали на сходах, устанавливали советскую власть, организовывали ревкомы и во главе казачьей бедноты и иногородних вооруженной рукой подавляли атаманов и кулацко-зажиточную верхушку станичников.

В рядах боевых защитников Царицына наряду с московскими и питерскими пролетариями, донецкими шахтерами и металли-

[1] *К. Е. Ворошилов,* Сталин и Красная армия, Воениздат, М. 1937 г., стр. 109, 110. Курсив мой.—*Э. Г.*

стами, царицынскими рабочими рука об руку шли иногородние и революционное казачество Дона. Донецко-морозовская дивизия, Доно-ставропольская бригада, революционные отряды северных округов Донской области, конница Буденного—все эти вооруженные силы славной X Красной Армии были сформированы из отрядов революционного казачества и крестьянства.

Центром собирания сил пролетарской революции на Дону, после захвата Ростова и Донбасса немецкими оккупантами, стал Царицын.

Белые хотели взять Царицын также и для того, чтобы уничтожить ненавистный им очаг «большевистской заразы», большевистского влияния. Красной Армии надо было во что бы то ни стало удержать Царицын как пролетарскую базу, опираясь на которую можно было покончить с донской контрреволюцией.

Только в свете этого исключительного значения Царицына в 1918 г. становится полностью понятным, почему Ленин на самый важный, самый опасный и решающий участок направил своего лучшего соратника—товарища Сталина. Как это бывало не раз, партия поручила товарищу Сталину тот участок, который решал судьбы всей Советской страны.

«Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи,—писал т. Ворошилов,—там не было видно Сталина. Но там, где в силу целого ряда причин трещали красные армии, где контрреволюционные силы, развивая свои успехи, грозили самому существованию советской власти, где смятение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофу,—там появлялся т. Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки руководство, он ломал, был беспощаден и—создавал перелом, оздоровлял обстановку»[1].

Во главе борьбы за советский юг и Каспий стал товарищ Сталин. Почти полгода—с 6 июня по 20 октября 1918 г., в самые тяжелые, самые опасные для молодой Советской республики месяцы, товарищ Сталин, находясь на решающем участке гражданской войны—в Царицыне, лично руководил боевыми действиями на Южном фронте. Под руководством товарища Сталина задача обороны Царицына была целиком и полностью выполнена.

Товарищ Сталин стал во главе объявленного партией похода миллионов трудящихся, «крестового похода», как называл его Ленин, за хлебом для голодающей страны.

Товарищ Сталин стал во главе армий Южного фронта на решающем участке обороны страны, в Царицыне, для того, чтобы разгромить донскую контрреволюцию Краснова и защитить молодую Советскую республику в грозные и тяжелые для нее дни.

---

[1] *К. Е. Ворошилов,* Сталин и Красная армия, Воениздат, М. 1937 г., стр. 4.

Вместе с товарищем Сталиным и под его руководством организовывали оборону Царицына лучшие люди партии. Почти весь май и июнь 1918 г. пробыл в Царицыне т. Орджоникидзе, выехавший затем, по поручению товарища Сталина, на Кубань и Терек. В июле того же года в Царицын приехал т. Киров, направленный товарищем Сталиным в Астрахань. Во главе войск Царицынского фронта был поставлен лучший соратник товарища Сталина—т. Ворошилов. Вместе с т. Ворошиловым прибыли в Царицын с Украины такие выдающиеся люди партии и военачальники, как Артем, Пархоменко, Руднев, Щаденко, Кулик.

Совершив героический поход от Донбасса через Донскую область к Царицыну, т. Ворошилов к концу июня 1918 г. приводит на защиту города почти 30-тысячную армию, ядром которой являлись донецкие шахтеры и луганские металлисты. Ровно полгода пробыл т. Ворошилов в Царицыне, руководя всеми военными операциями на этом фронте гражданской войны.

Когда товарищ Сталин приехал в Царицын, он не застал там готовой армии. Эту армию нужно было создавать, и она была организована под руководством товарищей Сталина и Ворошилова. Пример формирования красных вооруженных сил под Царицыном ярко подтверждает, что наша гражданская война была отечественной, народной войной в полном смысле этого слова. Всюду возникали и росли с каждым днем революционные отряды рабочих, крестьян, трудового казачества. Царицынские пролетарии дали в ряды Красной Армии около 10 тыс. рабочих. Подымалось трудовое казачество Дона. В станице Платовской Донской области, на родине С. М. Буденного, стали создаваться под его руководством первые конные части. В станицах Донской области—Каменской, Морозовской, слободе Мартыновке и многих других трудовое казачество, иногороднее крестьянство с оружием в руках подымались на защиту завоеваний Октября.

На помощь Царицыну пришла решающая военная сила—Украинская армия т. Ворошилова. Тов. Орджоникидзе привел на помощь Царицыну отряд ростовских рабочих-красногвардейцев. Москва послала 38-й Рогожско-Симоновский полк, состоявший из пролетариев заводов «Гужон» и «Динамо». Крестьянство и трудовое казачество Дона и Кубани создавали свои революционные отряды, влившиеся в ряды армий Царицынского фронта. Царицынские пролетарии и донецкие шахтеры, московские, киевские, харьковские, ростовские красногвардейцы, революционное крестьянство и беднейшее казачество Дона, Кубани, Северного Кавказа под руководством Сталина и Ворошилова выросли в грозную боевую силу, в героическую X армию, покрывшую славой свои боевые знамена.

Силами одного только царицынского пролетариата нельзя было отстоять не только весь Южный фронт, но и Царицын.

На помощь городу, где решалась судьба Советской республики, пришла вся страна, пришла большевистская партия, послав своего лучшего сына, своего вождя—товарища Сталина организовывать победу над врагом.

Уроки сталинского руководства борьбой за Царицын в 1918 г. имеют огромное историческое значение. Опыт военного руководства товарищей Сталина и Ворошилова на Царицынском фронте был использован для укрепления и организации сил всей нашей Красной Армии.

Каждая страница этой борьбы, каждый участок разносторонней деятельности товарища Сталина—выработка сталинского плана разгрома Краснова и его практическое осуществление, борьба за хлеб и руководство партийно-политической работой, разгром белогвардейских заговоров, создание и сплочение Красной Армии—все это учит искусству большевистской стратегии и тактики, ленинско-сталинскому искусству побеждать врагов.

Глава I

ЦАРИЦЫН В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ[1]

1. Победа Октябрьской социалистической революции в Царицыне и организация вооруженных сил царицынского пролетариата

Как промышленный центр Царицын вырос к концу XIX, началу XX столетия. В XIX в. это был маленький уездный городок, без всякой промышленности, с населением в 6—7 тыс. человек.

Лицо Царицына сразу же меняет проведение трех железных дорог: Грязе-Царицынская линия (1872 г.), Царицын—Тихорецкая (1896 г.), Царицын—Лихая (1900 г.). Население Царицына резко возрастает: 1897 г.—54 454 человека, 1912 г.—80 000, 1915 г.—134 863, 1917 г.—около 200 000 человек. Быстрый рост населения города связан с появлением крупных промышленных предприятий, которых до конца XIX в. в Царицыне совсем не было.

[1] Даты в этой главе даны по старому стилю.

Самой старой отраслью в Царицыне была лесная промышленность. Первые лесопильные заводы возникли в городе в 70-х годах XIX столетия. К началу первой империалистической войны в Царицыне насчитывалось до 45 лесопильных заводов. Самыми крупными из них были заводы бр. Максимовых (ныне заводы им. Куйбышева).

В лесной промышленности к 1917 г. работало около 20 тыс. рабочих (вместе с береговыми рабочими-грузчиками). Примерно три четверти этого числа падает на береговых рабочих. Это была численно наибольшая группа в составе царицынского пролетариата (до 50%), сыгравшая позднее (союз «Грузолес») значительную роль в обороне города.

В 1880 г. в Царицыне был построен нефтеперегонный завод Нобеля (ныне Союзнефть). На этом заводе насчитывалось свыше 500 рабочих.

В конце XIX в. в Царицыне появились также первые заводы металлообрабатывающей и металлургической промышленности. Самым крупным из них был завод «Дюмо» (Донецко-юрьевского металлургического общества, так называемый «французский завод», ныне «Красный Октябрь», построен в 1897 г.). Перед революцией 1917 г. на заводе работало 3—3½ тыс. рабочих. Конечно, бывший «французский завод» ни в какое сравнение не может итти с теперешним заводом «Красный Октябрь», целиком реконструированным и являющимся крупнейшим заводом качественной стали в Союзе. Но по тем временам это было самое передовое предприятие Царицына, давшее кадры революционных, сознательных рабочих.

Кроме «французского завода», в конце XIX в. в Царицыне имелось еще несколько более мелких предприятий металлообрабатывающей промышленности—болтозаклепочный и меднолитейный завод Гардиен и Валосс (до 300 рабочих), гвоздильно-проволочный завод бр. Серебряковых (280 рабочих). Оба эти завода также играли большую роль в революционном движении Царицына и обороне города в период гражданской войны.

В 1912 г. в Царицыне выросло второе крупное предприятие—орудийный завод, построенный фирмой Виккерс и К° и насчитывавший к 1917 г. более 2 тыс. рабочих. Этот завод был основной опорой большевистской организации.

Таково лицо крупнейших предприятий Царицына. Всего в Царицыне в 1915 г. насчитывалось до 454 промышленных предприятий, но, за исключением крупнейших заводов—«французского» и орудийного, железнодорожного депо и железнодорожных мастерских Юго-Восточной и Владикавказской железных дорог (300 рабочих), городской электростанции и трамвая (около 500 рабочих), все остальные были мелкие предприятия легкой промышленности, на которых работало не больше чем по 50—100 человек (мукомольная промышленность, мыловаренный завод, чулочная фабрика, горчично-маслобойный завод и т. д.).

К. Е. ВОРОШИЛОВ

Таким образом, всего в Царицыне в 1917 г. насчитывалось около 30—35 тыс. рабочих.

Если количественно в составе рабочих Царицына преобладали береговые рабочие-грузчики, то зато костяком, наиболее компактной массой, ведущим отрядом в Царицыне выступали металлисты. 7 тыс. металлистов—цифра достаточно внушительная. Причем из этого числа более 5 тыс. человек концентрировалось только на двух крупных заводах («французском» и орудийном). Именно эти два последних завода являлись основными опорными пунктами рабочего движения и задавали тон всей революционной и политической жизни города.

Но рядом с «французским» и орудийным заводами, рядом с максимовскими лесными заводами, рядом с жизнью пролетарского центра была в Царицыне другая жизнь, жизнь маленького уездного города царской России, где после революции 1905 г. процветало мракобесие погромщика в рясе—иеромонаха Илиодора; где перечень всех культурных учреждений города с двухсоттысячным населением ограничивался 2 гимназиями, 1 плохонькой библиотекой, 5 начальными школами, 1 сиротским приютом и... 15 церквами и 400 кабаками.

Начиная с первой русской революции 1905 г. царицынский пролетариат включился в общее революционное движение в стране. Огромное значение для роста революционного движения и формирования большевистской партийной организации Царицына имел тот факт, что в годы империалистической войны на орудийном заводе работал некоторое время К. Е. Ворошилов. Тов. Ворошилов стал организатором большевистских сил, рассеянных по отдельным заводам города, помогая их собиранию и оформлению в самостоятельную большевистскую организацию.

«Освободившись из ссылки в 1912 г.,—писал т. Ворошилов в своей автобиографии,—я поступил служить в кооператив рабочих на заводе «Дюмо», но через 3—4 месяца был арестован и выслан в Чердынский край.

Из Чердыни освободился в 1914 г. и устроился на царицынском орудийном заводе. В Царицыне собираю рассеянных по заводам и предприятиям старых большевиков, но вскоре должен был уехать в Питер, спасаясь от царской армии»[1].

Подлинная революционная биография города по существу началась вместе с революцией 1917 г.

За 8 месяцев февральской революции царицынский пролетариат прошел серьезную школу революционной классовой борьбы. К Октябрьским дням рабочий класс Царицына, царицынский гарнизон в своей подавляющей массе шел за большевиками. После июльских дней влияние меньшевиков и эсеров в совете катастрофически упало. В сентябре начались перевыборы

---

[1] *К. Е. Ворошилов*, Автобиография. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, ч. 1. Приложение, стр. 95—96.

совета. Большевики получили на выборах подавляющее большинство.

Вооружение рабочих Царицына приняло массовый характер после корниловщины. Застрельщиками создания Красной гвардии были рабочие двух ведущих заводов города—орудийного и «французского». Накануне Октябрьской революции в рядах царицынской Красной гвардии насчитывалось не менее 750 человек. Отряды Красной гвардии обучались владеть оружием. В руках вооруженных рабочих находилась охрана порядка в городе, охрана предприятий. Пролетарский Царицын был готов к выступлению, к завоеванию власти.

Но Царицынский совет принял решение о взятии власти в свои руки лишь 4 ноября 1917 г., через 10 дней после победы Октябрьской социалистической революции в Петрограде. Все условия для взятия власти были налицо, но 10 дней было потрачено на бесплодное «выжидание», на переговоры с меньшевиками и эсерами. Причина этого гибельного для революции «выжидания» заключалась в том, что отдельные члены царицынской большевистской партийной организации (Минин, Павлюков) заняли предательскую каменевско-зиновьевскую позицию. С. Минин, являвшийся в 1917 г. председателем Царицынского совета, вел преступную линию на соглашение с меньшевиками и эсерами. Будучи избран в сентябре 1917 г., после победы большевиков на выборах в городскую думу, председателем городской управы (городским головой), Минин всячески покровительствовал буржуазным элементам города. В период Брестского мира Минин был «левым коммунистом», а в 1925 г. окончательно скатился в контрреволюционное болото, примкнув к троцкистско-зиновьевскому антипартийному блоку.

Непосредственно в октябрьские дни 1917 г. Минина в Царицыне не было, он уехал в Петроград на съезд городских голов.

Штрейкбрехерскую каменевско-зиновьевскую линию пытался навязать в это время царицынской партийной организации сторонник Минина—предатель Павлюков. Однако ни Минину, ни Павлюкову не удалось повести за собой большевиков Царицына. Царицынская большевистская организация дала отпор зиновьевско-каменевским предателям и пошла по ленинско-сталинскому пути.

В первых числах ноября в Царицын вернулся со II съезда советов руководитель местных большевиков и председатель исполкома Царицынского совета Яков Ерман. 4 ноября был созван пленум Царицынского совета. Ерман сделал на пленуме доклад о II съезде советов, рассказал о вооруженном восстании петроградских рабочих, о том, как был захвачен Зимний дворец и арестовано Временное правительство. Он нарисовал подробно обстановку заседаний II съезда советов, говорил о выступлении Ленина, о декретах II съезда советов.

Затаив дыхание, слушали царицынские рабочие и солдаты простые слова ленинских декретов о мире, о земле. Из-за са-

ботажа телеграфа декреты II съезда советов не были ещё полностью известны в Царицыне, они не были опубликованы в царицынских газетах. Только из отчета делегата II съезда советов поняли рабочие действительный размах, действительную суть событий в Петрограде.

«Те, кто против советов, тот против революции и, если кто не с нами, тот против нас, тот вместе с контрреволюцией, вместе с Калединым»[1],—бросал большевистские слова в притихший зал делегат II съезда советов Яков Ерман. Он требовал решительных мер для борьбы с контрреволюцией.

«Если на своем пути мы встретимся с саботажем, то мы примем самые решительные меры, вплоть до ареста капиталистов...»

«Если в местных газетах также будут призывы к мятежу, если они будут сеять панику, мы будем закрывать их...»[2]

«Вся земля разделилась на два лагеря,—заканчивал свой доклад Ерман,—с одной стороны совет, с другой—контрреволюция... Все, кто не с нами, тот против нас, тот с изменниками и предателями революции»[3].

После Ермана один за другим выступали представители заводов, представители полков, расположенных в городе, приветствуя решения II съезда советов.

Будущая роль Царицына как центра собирания революционных сил в Донской области, как центра борьбы с калединской контрреволюцией со всей силой сказалась уже на этом решающем заседании совета. Перед царицынскими рабочими выступал представитель Екатеринодара, рассказывая о положении на Кубани, о контрреволюционных действиях Кубанской рады. Вслед за ним выступил и представитель Александро-Грушевского угольного района, представитель от слободы Николаевской и представитель Харьковского совета. По сообщению делегата Александро-Грушевского района, пленум Царицынского совета принял специальное решение, в котором протестовал против введения Калединым военного положения в Донской области и требовал его немедленной отмены, обещая александро-грушевским горнякам оказать в их борьбе с Калединым «всяческую поддержку, которая потребуется от совета, вплоть до вооруженной силы».

Принимая это решение, совет уже хорошо знал, что вооруженные силы в Царицыне, царицынский гарнизон целиком на его стороне. 4 ноября, до заседания совета, состоялось соединенное заседание полковых, ротных и командных комитетов и районных военных революционных штабов всех расположенных в Царицыне воинских частей (92, 93, 172 и 241-го пехотных запасных полков). Собрание признало «Комитет спасения

---

[1] Сталинградское архивное управление. Протоколы Царицынского совета за 1917 г. Заседание совета от 4 ноября 1917 г.

[2] *Там же.*

[3] *Там же.*

революции» органом контрреволюционным и потребовало от совета «немедленного разгона этой кучки предателей и коптильников революции и ареста их лидеров»[1].

По докладу Ермана, почти единогласно, при одном против и пяти воздержавшихся, Царицынский совет принял 4 ноября следующую резолюцию:

«Власть Керенского—Кишкина привела страну к развалу, она грозила затяжкой войны, она противилась передаче земли крестьянам. В результате предательской политики этого правительства, произошло восстание рабочих, солдат и крестьян, объявивших единственной властью «Рабочее и крестьянское правительство», ответственное и вышедшее из рядов совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Царицынский совет заявляет:

1) что он поддерживает всей своей мощью народное правительство,

2) что единственной властью в городе Царицыне отныне объявляется совет рабочих и солдатских депутатов,

3) что всякое противодействие установившейся власти как в центре, так и в Царицыне будет подавляться вооруженной рукой,

4) что все органы печати, которые будут сеять панику в городе и призывать к активному противодействию власти совета, будут закрыты,

5) Царицынский совет будет всеми мерами содействовать новому правительству в его стремлении в срок созвать Учредительное собрание»[2].

В соответствии с этим решением несколько дней спустя (7 ноября) Царицынский совет издал приказ № 1, в котором объявлял всему населению города Царицына и его уезда, «что волею 2-го Всероссийского съезда советов раб., солд. и кр. депутатов вся власть в городе передается отныне в руки Царицынского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», что «все лица, уличенные в неисполнении постановлений и приказов совета, будут караться со всей строгостью революционной власти», а «организации и учреждения, кои будут отказывать в признании комиссаров совета, будут распускаться, служащие лишаться жалования и права получения продуктов по карточкам и заменяться лицами, поставленными советом».

«Население города призывается к соблюдению полного спокойствия и поддержке установившейся революционной власти рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[3],—так заканчивался приказ № 1 Царицынского совета от 7 ноября 1917 г.

---

[1] «1917 год в Сталинградской губернии. Хроника событий», Сталинград 1927 г., стр. 143.

[2] Сталинградское архивное управление. Протоколы Царицынского совета за 1917 г. Заседание совета от 4 ноября 1917 г.

[3] «1917 год в Сталинградской губернии. Хроника событий», Сталинград 1927 г., стр. 229—230.

Власть советов в Царицыне победила. Предательская линия Минина—Павлюкова, защищавших штрейкбрехерскую, изменническую позицию Каменева и Зиновьева, была окончательно преодолена и разоблачена. Об этом ярко свидетельствует письмо Царицынского комитета большевиков, написанное 14 ноября и опубликованное в «Правде» 25 ноября 1917 г.

«Мы узнали из газет,—говорилось в письме,—о выходе группы товарищей из ЦК и из состава Народных комиссаров, мы узнали об этом в тот момент, когда, напрягши все свои силы, мы укрепляли советскую власть, шатаясь под тяжестью безлюдья, всеобщего саботажа, неуменья сразу наладить работу и все растущего расстройства государственного механизма. Мы были одни, окруженные со всех сторон явными и тайными врагами, мы боролись своей сплоченностью, своим единством, отчаянием масс, слившихся в один гранитный монумент.

И в это время мы узнали, что часть товарищей, доверием партии выдвинутых на передовые посты, дрогнула и дезертировала из борющихся рядов.

Мы узнали, что ко всеобщему саботажу новой власти присоединился еще саботаж наших товарищей, давших себя запугать своим классовым врагам и их мелкобуржуазным прихвостням.

И в душу борющихся рабочих начало вкрадываться сомнение. К нам приходили рабочие, нам задавали недоуменные вопросы, от нас требовали ответа, что означает поведение Каменева, Милютина и др.?..

Это было преступлением.

Преступлением тем более, не знающим себе оправдания, что оно является только в худшей форме дополненным и исправленным изданием того «опыта», который был уже проделан накануне октябрьского восстания Каменевым и Зиновьевым...

Мы глубоко порицаем их дезорганизаторское поведение.

Мы заявляем, что если в Учредительное собрание мы проведем меньше кандидатов, чем это можно было бы ожидать от нашей губернии, то вина за это в огромной части падет на тех товарищей, которые поколебали наши ряды своими необдуманными, дезорганизаторскими поступками.

Мы требуем, чтобы подчинение партийной дисциплине было обязательно и для членов ЦК и для тех, кто поставлен у ответственных постов, в такой же мере, как и для самого рядового члена партии.

Только предатели рабочего класса могут держать теперь курс на раскол партии. Партия должна быть единой.

Поэтому мы категорически настаиваем и требуем, чтобы был брошен этот путь раскола, единственно полезный только злейшим врагам нашей партии.

Царицынский комитет РСДРП (большевиков).

14 ноября 1917 г.»[1]

[1] «Правда» № 199 от 8 декабря (25 ноября) 1917 г., стр. 4.

Так оценили царицынские большевики предательство, гнусную измену Каменева и Зиновьева. Так были преодолены отголоски этой преступной, штрейкбрехерской позиции в Царицыне, где ее представляли Минин и Павлюков. Только разоблачив до конца эту предательскую линию, царицынский пролетариат и его большевистская партийная организация смогли победоносно завершить Октябрьский переворот в Царицыне.

* * *

«Волею II-го Всероссийского съезда советов»,— как говорилось в приказе № 1 Царицынского совета от 7 ноября 1917 г.,— в городе была установлена советская власть. Трудные и ответственные задачи стояли в это время перед царицынской большевистской партийной организацией, перед трудящимися Царицына.

Открытых контрреволюционных выступлений, заговоров, восстаний в городе в первые месяцы советской власти не было, но буржуазия собирала и готовила силы. Была установлена связь контрреволюционных элементов города с «Войсковым правительством» Каледина. В течение двух месяцев—ноября и декабря 1917 г.—шла борьба советской власти с организованным меньшевиками и эсерами саботажем. Царицынский телеграф, вследствие саботажа почтово-телеграфных служащих, бездействовал свыше трех недель, и связь Царицына с центром почти весь ноябрь 1917 г. была прервана. Зато телеграф передавал телеграммы, директивы Каледина о собирании сил контрреволюции.

17 декабря по призыву совета была организована демонстрация протеста рабочих города против саботажников. 18 декабря было созвано широкое совещание всех общественных организаций по ликвидации саботажа. Но саботажники, руководимые меньшевиками и эсерами, все еще не сдавались. Только принятие решительных мер положило конец саботажу. 23 декабря на чрезвычайном собрании, созванном исполкомом совета, было принято решение: «26 декабря все саботажники должны стать на свои места и приступить к работе. Если это сделано не будет, то они будут объявлены врагами народа и все без исключения уволены со службы». Это решение оказало свое действие, и, так как телеграф был укреплен к этому времени рядом партийных работников, с саботажем к концу декабря 1917 г. было покончено.

На заседании совета 21 ноября Ерман со всей остротой поставил вопрос об удалении из совета эсеров и меньшевиков.

«Принимая во внимание хроническую забастовку,—говорил он,—выразившуюся в том, что фактически они в совете не работают, в совет не являются, следует считать их выбывшими

и предложить заводам переизбрать дезертировавших из совета»[1]. Совет полностью согласился с мнением Ермана.

Разоблачая меньшевиков и эсеров, громя саботажников, Царицынский совет и царицынская большевистская партийная организация одновременно проводили огромную работу по организации новой власти.

Перечень вопросов, которые обсуждались в декабре, январе, феврале на заседаниях совета, исключительно разнообразен. Он показывает, как шаг за шагом руководство совета проникало во все области жизни города, как возникали тысячи новых сложных вопросов, как овладевали большевики сложными вопросами строительства нового государства, как выполняли они лозунг Ленина—научиться Россией *управлять*. О союзе безработных, об организации совета народного хозяйства, о контроле над банками, о помещении для беженцев, о национализации банков, о бонах, о гимназиях, об аптекарском комиссариате, об автомобилях, об извозчиках, о спекуляции, о борьбе с безработицей, о смете на содержание тюрьмы, о зарплате делопроизводителю совета, об эпидемических заболеваниях, о положении на фронте, о строительстве Красной Армии, о продовольствии города—таковы те большие и мелкие вопросы, которые обсуждал и решал Царицынский совет в декабре 1917 г. и январе и феврале 1918 г.

Первым долгом надо было обеспечить бесперебойную работу промышленности, организовать рабочий контроль над производством. 3—4 декабря 1917 г. на первой городской конференции фабзавкомов была выделена комиссия по организации рабочего контроля.

В ответ на установление контроля буржуазия и объединявший ее торгово-промышленный комитет приняли специальную резолюцию, в которой признали контроль «актом незакономерным». «Контроль, проектируемый исполнительным комитетом совета Р. С. Д., проводимый в жизнь явочным порядком,— говорилось в резолюции,—принимает формы желания трудящихся масс построить свое благополучие на разорении других классов, а это неминуемо повлечет за собой полнейшее крушение экономической жизни страны. На этом основании торгово-промышленный мир города Царицына, протестуя против введения контроля, ответственность за последствия, могущие возникнуть на этой почве, принять на себя не может. И отказываясь в работах в этом направлении при проведении в жизнь Исполнительным комитетом совета Р. и С. Д. контроля, торговцы и промышленники *оставляют за собой свободу действий*»[2].

---

[1] Сталинградское архивное управление. Протоколы Царицынского совета. Заседание совета от 21 ноября 1917 г.

[2] «1917 год в Сталинградской губернии. Хроника событий», Сталинград 1927 г., стр. 259. Курсив мой.—*Э. Г.*

Эта «свобода действий» выразилась, во-первых, в том, что буржуазия спешно переводила свои денежные средства из Царицына в другие города (преимущественно Ростов), оставив, таким образом, предприятия без всякой финансовой базы. Вслед за этим буржуазия сама спешно выехала из города навстречу Каледину, а на предприятиях оставляла следующие «распоряжения» и «объявления»:

«Ввиду общего застоя дел и отсутствия денег все заводы закрываются. Всем рабочим и служащим выдать расчет». Следует подпись бр. Максимовых, владельцев крупнейших лесных заводов. Такое же объявление вывесили владельцы чулочной фабрики Меркуловых: «Ввиду невозможности пополнить запас пряжи, иголок и прочего, акционерное общество вынуждено уволить работниц отделов: мотального, ластичного... автоматического, заделочного и приемщиц этих отделов». Аналогичные действия против рабочего контроля предприняло и правление крупнейшего в Царицыне орудийного завода. Поэтому уже в декабре 1917 г. с большой остротой встал вопрос о национализации ряда предприятий. Первыми в Царицыне были национализированы максимовские лесные заводы. 31 декабря 1917 г. на заседании совета было решено в связи с бегством Максимовых заводы национализировать. В этот же день на общем собрании рабочих было выбрано новое правление завода. Правление завода послало специальную делегацию в Петроград для получения официальной санкции на национализацию завода. В середине января делегация возвратилась с извещением, что, по постановлению ВСНХ, заводы и лесоматериалы, находящиеся в верховьях Волги, впредь до декрета о национализации, закрепляются за Царицынским советом.

Вслед за максимовскими заводами были национализированы чулочная фабрика бр. Меркуловых и в марте 1918 г.—орудийный завод. Национализация орудийного завода произошла при непосредственном вмешательстве Владимира Ильича.

Правление завода еще до Октября и особенно после Октября почти полностью прекратило всякое кредитование. Завод переживал острейший финансовый кризис. В ноябре 1917 г. в Петроград были посланы члены заводского комитета для изыскания средств. В марте 1918 г. вопрос о необходимости национализации завода встал с особой остротой. На общем собрании рабочих было принято решение о посылке в Москву специальной делегации для выяснения этого вопроса в центре. В делегацию рабочие избрали председателя завкома орудийного завода Сапожникова И. П. и члена завкома Рябова И. С. Примерно в середине марта делегаты приехали в Москву. Сначала они отправились в Народный комиссариат по военным делам (завод был военный).

«Там сидели люди,—рассказывал т. Сапожников,—которые только сняли свои эполеты, а петлицы еще были оставлены. Они приняли нас очень сухо, нам приходилось ходить от

одного к другому, от другого к третьему... Мы там три недели обивали пороги, и нам все время указывали на дверь...»[1]

После посещения ВСНХ, когда о приезде делегации рабочих орудийного завода было сообщено Ленину, Владимир Ильич тотчас же отдал распоряжение, чтобы делегаты явились к нему на прием. Ленин принял делегатов 24 апреля 1918 г.

«Мы прямо всю ночь не спали и ждали, когда уже, наконец, наступит 10 ч. утра и мы увидим товарища Ленина,—рассказывал в своих воспоминаниях т. Сапожников...—Утром мы взяли пропуска в здание Кремля. У нас спросили документы и дали нам пропуск на второй этаж. Посидели мы там минут тридцать и нас вызвали к тов. Ленину. Входим, смотрим—большая комната—это была канцелярия, справа тоже комната—там стучали машинки. В этой комнате были ковры. Мы думали, что у тов. Ленина вся комната в коврах, но когда мы вошли в эту комнату, то мы глубоко ошиблись, там совершенно не то—скромный кабинет, стол стоял наискосок и три телефона. Тов. Ленин сидел в кресле за столом. Мы к нему подошли, поздоровались, он стал нас расспрашивать, что у нас там делается, и с чем мы к нему пришли. Мы ему говорим, что по такому-то вопросу мы нигде не могли основательно ничего добиться. Тов. Ленин позвонил, и к нему вошел его секретарь. Мы сказали тов. Ленину, что необходимо национализировать завод... Он тогда стал нас расспрашивать более подробно об этом заводе и обо всем, что у нас там происходит. Мы говорим, что мы сейчас добиваем... Каледина и наши отряды отправились к Нижнему Чиру. Владимир Ильич все это выслушал... он спрашивает—семейные ли мы? Мы утвердительно сказали. Тогда он нам говорит: вам нечего здесь оставаться, вы можете вернуться к своей семье, а вопрос этот будет сообщен Совнаркомом через Царицынский совдеп. Владимир Ильич с нами попрощался и мы ушли. Мы уже почти вышли на улицу, вдруг мы подумали, с чем мы уезжаем—с пустыми руками, и вернулись обратно к товарищу Ленину. Мы говорим, что как же нам ехать обратно с пустыми руками. Мы с собой никакой бумажки не захватили. Тов. Ленин позвонил снова своему секретарю тов. Фотиевой и сказал ей, что вот, мол, такие-то представители орудийного завода и что им нужно написать бумажку о том, что вопрос о национализации завода будет разрешен в ближайшие дни и сообщен через Царицынский совдеп»[2].

Сохранилась запись этого разговора Ленина с царицынской делегацией[3]. Эта запись показывает, как подробно Ленин выяснял положение на заводе, интересуясь и количеством рабочих и запасами металла, наличием топлива, качеством

---

[1] Материалы секретариата ИГВ. Воспоминания т. Сапожникова, стр. 131, 132.
[2] *Там же,* стр. 132, 133.
[3] «Ленинский сборник» XXI, стр. 127, 128.

технического оборудования и т. д. Ильич записал фамилии делегатов, их адрес в Москве, записал у себя, что на заводе большая разруха, что военный завод, начиная с февраля, изготовлял плуги (сделал 150 штук) и ремонтировал паровозы.

Свое обещание Ленин выполнил. В конце апреля 1918 г. было получено официальное подтверждение ВСНХ о национализации завода, а также присланы денежные средства.

Только исключительные меры и необыкновенный героизм царицынских рабочих обеспечили возможность относительно бесперебойной работы промышленности в тяжелейших условиях нарастающей гражданской войны. Но и эти исключительные меры не спасли Царицын от роста безработицы, которая еще более усугубила и без того тяжелое положение города. В марте—апреле в Царицыне насчитывалось свыше 8 тыс. безработных, причем безработица возникла и развивалась не за счет остановки царицынских заводов, а за счет притока извне, за счет огромной массы беженцев, которые буквально переполняли город в весенние месяцы 1918 г.

13 апреля по городу проводился «день безработных». Рабочие отчисляли в помощь безработным свой полдневный заработок. По всем заводам города принимались решения об отчислении полпроцента ежемесячного заработка для создания фонда безработных.

Организовывались общественные столовые, строились бараки для безработных, но этого было мало. Желая кардинально покончить с безработицей, совет подготовил план организации общественных работ.

Специально созданный комитет по организации общественных работ проектировал: постройку шоссе от города до пушечного завода протяжением 8—9 верст; строительство набережной по Волге; замощение улиц; строительство каменного двухэтажного здания школы «французского завода», устройство новых садов; расширение детского приюта, детский санаторий на 100 детей; строительство новой трамвайной линии и, наконец, *постройку Волго-Донского канала.*

Вопрос о постройке Волго-Донского канала был поставлен Царицынским советом на разрешение Совнаркома. Совнарком вынес следующее решение:

«Совет Народных Комиссаров в заседании 14 мая 1918 г., признавая в принципе необходимость производства новых работ на водных путях... ассигновал на приступ к работам и разработку проектов по Волго-Донскому каналу 6.500.000 р.»[1]

После решения Совнаркома в Царицыне начала работать изыскательная партия по прорытию Волго-Донского канала.

Значительно меньше занимался Царицынский совет продовольственным вопросом. Продовольственное дело целиком было передоверено продовольственной управе при городской думе.

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 7, д. 46, л. 87.

Серьезных продовольственных трудностей Царицын не испытывал. В городе процветала свободная продажа хлеба и неизбежно связанная с нею в тех условиях спекуляция. Городская управа всецело этому потворствовала, совет не противодействовал. Лишь 9 апреля, впервые после Октябрьской революции, совет принял решение о создании чрезвычайной продовольственной комиссии, задача которой ограничивалась одним «*обследованием* запаса муки в городе».

По отношению к городской думе с самого же начала советом и в частности предателем Мининым как «городским головой» была занята явно примиренческая, либеральная линия. Решено было ликвидировать городскую думу «тихой сапой». У думы постепенно отнимался отдел за отделом. 22 апреля Исполком совета принял решение о принятии от городского самоуправления отдела призрения. Затем такое же решение было принято в отношении жилищного отдела. 16 мая на заседании совета впервые встал вопрос о ликвидации городской думы. Было принято принципиальное решение о необходимости ликвидации думы и дан недельный срок для проведения этого мероприятия. Но 21 мая совет опять продолжал свою линию ликвидации думы по частям и принял решение о переходе милиции от городского самоуправления к совету. Только 26 мая совет решился ликвидировать продовольственный отдел городской управы, а 6 июня, в день приезда товарища Сталина в Царицын, было заслушано, наконец, сообщение о роспуске думы и об образовании комиссии городского хозяйства при совете.

Таким образом, последовательность «отмирания» функций городской думы—результат преступной политики Минина—была такова: первым отобрали отдел призрения, последним—продовольственный отдел. Это была крупнейшая ошибка совета и партийной организации. Эта ошибка объяснялась прежде всего тем, что к разрешению продовольственного вопроса подходили с узко «местной» точки зрения. Над вопросами снабжения страны хлебом, помощи Царицына центру, не задумывались. А со снабжением города—плохо ли, хорошо ли—продовольственная управа справлялась; этого было достаточно, чтоб ее не трогали. Буржуазия, с которой либеральничал Минин, наглела.

Царицын был переполнен контрреволюционными элементами, белым офицерством. В начале марта 1918 г. в Царицын приехал генерал Лукомский, бывший начальник штаба у Корнилова, пробиравшийся по поручению Корнилова на Кубань для установления связи с Кубанской радой. В Царицыне генерал Лукомский встретил адъютанта Корнилова—Толстого и мужа дочери Корнилова—моряка Маркова. Таким образом, Корнилов имел своих агентов в Царицыне, которые открыто проживали в городе, и никто их не трогал. Сам Лукомский прожил почти две недели в Царицыне у знакомых Толстого.

«Постоянного террора еще не было» [1],—писал в своих воспоминаниях Лукомский, характеризуя обстановку в Царицыне. А ведь это было время, когда Корнилов после занятия Ростова Красной Армией направился в свой «первый кубанский поход», когда за лазутчиками Корнилова надо было особо следить, когда бдительность к врагу должна была быть особо повышенной.

Все это создавало благоприятную почву для процветания и выращивания контрреволюционных организаций, которые, открыто не выступая, создавались именно в это время.

Меньшевики и эсеры пользовались всяким поводом для призыва к антисоветским демонстрациям, для организации контрреволюционных сил. Во время выборов в Учредительное собрание меньшевики и эсеры призывали к контрреволюционной демонстрации против советской власти. Правда, выборы в Учредительное собрание по Царицыну и Царицынскому уезду были более чем неблагоприятны для эсеров и меньшевиков. 17 ноября 1917 г. был закончен подсчет голосов по выборам в Учредительное собрание по городу. Всего по городу голосовало 32 984 избирателя. Большевики по городу получили больше половины всех поданных голосов—16 613 голосов; эсеры—4 468, меньшевики—2 669, кадеты—2 889. Особым успехом пользовался большевистский список № 10 по пятому участку (поселок «французского завода»), где за большевиков было подано 3 357 голосов из 4 689 голосовавших, а также в полках 93-м (1 452 голоса из 1 735 голосовавших) и 241-м (698 из 995).

Преобладающее большинство голосов большевистский список получил и по Царицынскому уезду. Из поданных 41 761 голосов большевики получили 19 333 (почти половину), эсеры—18 318, меньшевики—580, кадеты—394.

На заседании совета 2 декабря 1917 г. рабочие Царицына совершенно недвусмысленно определили свое отношение к Учредительному собранию.

«Что народ сделал—Учредительное собрание не переделает»,—заявила на заседании совета грузчица Савилова, известная в Царицыне под именем «Саши-трубки». «Мы требуем, чтобы Учредительное собрание утвердило все законы, изданные после Октябрьского переворота,—говорилось в резолюции, принятой единогласно советом 2 декабря...—Мы заявляем, что если Учредительное собрание в большинстве или в известной части будет контрреволюционно и будет выступать против народных интересов, мы примем все меры для защиты народной революции» [2].

В Царицыне, где с первых же дней советской власти нависла угроза калединской контрреволюции, вопрос о создании вооруженной силы для защиты города был решающим вопросом строительства новой власти.

---

[1] Ген. *А. С. Лукомский,* Воспоминания, т. II, стр. 41.

[2] Сталинградское архивное управление. Протоколы Царицынского совета за 1917 г. Заседание совета 2 декабря 1917 г.

Как же складывались, из кого состояли в первые месяцы советской власти вооруженные силы, защищавшие Царицын?

Основным ядром этих вооруженных сил была Красная гвардия.

После Октябрьской революции Красная гвардия оформилась организационно. Был создан Центральный штаб Красной гвардии и пять районных штабов. На заседании совета 21 ноября 1917 г. было вынесено решение об увеличении численности Красной гвардии. Если накануне октября ее численность не превышала 750 человек, то уже в декабре 1917 г. в ее рядах насчитывалось свыше 3 тыс. человек.

В конце декабря, по постановлению совета, в Центральный штаб Красной гвардии было введено по одному представителю от всех царицынских воинских частей. В начале января 1918 г. Красная гвардия имела уже несколько пехотных частей, кавалерийскую часть и была создана артиллерия. 18 декабря орудийный завод принял решение произвести всеобщее вооружение всех рабочих завода. 23 декабря рабочие и служащие Волжского депо постановили всем вступить в ряды Красной гвардии. Такие же решения выносили и другие предприятия города. Рабочий класс Царицына усиленно вооружался и обучался военному делу.

Вокруг этого костяка—царицынской Красной гвардии надо было объединить все революционные элементы казачества, крестьянства и организовать только что демобилизованных солдат.

Царицынская большевистская организация и Царицынский совет с самого же начала существования советской власти развернули большую работу среди крестьянства, среди казачества.

«Трудовое казачество пробуждается,—говорилось в воззвании к казакам, принятом единогласно на заседании Царицынского совета 2 декабря 1917 г.—...Трудовое казачество идет навстречу рабочим, солдатам и крестьянам... Когда мы были разрознены, мы были слабы... Сплотившись же в один крепкий, могучий союз, мы не дадим себя в обиду, мы будем непобедимы. Товарищи казаки, выбирайте депутатов из станиц, из воинских частей и проходящих эшелонов и посылайте их к нам для совместной работы по укреплению народной свободы. Товарищи казаки, мы, солдаты, мы, рабочие и крестьяне, крепко жмем вашу протянутую руку и просим передать в ваши части наш горячий, братский, революционный привет»[1].

На заседаниях Царицынского совета часто выступали представители казачьих революционных частей, они просили помощи для борьбы с Калединым, просили присоединить их к Царицынскому гарнизону. Царицынский совет посылал в казачьи станицы своих агитаторов, большевистскую литературу, листовки, воззвания.

---

[1] Сталинградское архивное управление. Протоколы Царицынского совета за 1917 г. Заседание совета 2 декабря 1917 г.

В начале января 1918 г. при Царицынском совете была создана казачья военная секция. Казачья секция поставила перед собой следующие задачи: 1) организация помощи совету в борьбе с Калединым; 2) содействие в организации советской власти в хуторах и станицах, прилегающих к Царицыну.

В середине января 1918 г. был сформирован в Царицыне первый «Социалистический казачий летучий отряд» в количестве 100 человек.

В дальнейшем под руководством казачьей секции совета были созданы следующие отряды: 1) Суровикинский революционный советский казачий отряд, 2) Громославский объединенный казачье-крестьянский донской советский полк, 3) 1-й Донской казачий советский полк защиты прав трудящихся всего мира, 4) Казачий советский стрелковый полк, 5) Титовский донской полк и т. д. Секция прекратила свою работу только тогда (1 ноября 1918 г.), когда организованные под ее руководством отряды значительно окрепли, когда они стали соединяться в регулярные войсковые части. Вместо казачьей секции при Царицынском совете был создан отдел «Донской бедноты».

Таким образом, рабочая Красная гвардия, с одной стороны, вновь созданные революционные полки иногородних, трудового казачества и крестьянства, с другой стороны,—вот кто составлял основную массу защитников Царицына в этот первый период (январь—март 1918 г.) гражданской войны.

Кроме этих вновь созданных отрядов огромное значение имели, конечно, старые воинские части, входившие в состав Царицынского гарнизона.

После демобилизации армии вставала ответственнейшая задача сохранить наиболее революционную часть солдат, не дать им разойтись по домам и полностью разоружиться.

Кроме того, надо было одеть, накормить, вооружить вновь формирующиеся части, обеспечить должное военное и политическое руководство. Вначале все руководство этими вопросами сосредоточивалось преимущественно в «штабе обороны», который был создан по постановлению исполкома совета 19 декабря 1917 г. Но на основании декрета советской власти, на заседании совета 27 апреля 1918 г. при обсуждении вопроса об организации Красной Армии было принято решение о создании Царицынского военного комиссариата.

Таковы были первые шаги по организации советской власти в Царицыне.

К лету 1918 г. в рядах царицынской большевистской партийной организации насчитывалось свыше полутора тысяч членов партии.

В декабре, январе, феврале почти на каждом заседании городского комитета партии обсуждались организационные вопросы.

10 декабря обсуждался вопрос об организации молодежи, и

одному из членов комитета было поручено руководство этой работой. Вскоре был создан в Царицыне Союз молодежи имени III Интернационала, ставший важнейшей опорой партийной организации.

14 декабря горком партии обсуждал вопрос о районных комитетах партии и о вооружении членов партии.

В Царицыне организовалось пять райкомов—«французский завод», пушечный, городской райком, царицынский, бекетовский.

Первое время на заседаниях партийного комитета стояли вопросы исключительно партийной работы: об агитаторах, о библиотеке, о праздновании Первого мая, об организации районов, об организации молодежи, о партийной конференции и т. д. Вопросы социалистического строительства почти не обсуждались. Взаимоотношения совета и партийной организации не были налажены. Это вызывало ряд разногласий. Советские работники не отчитывались в партийной организации. Партийная организация недостаточно контролировала работу совета. Не случайно протоколы заседаний партийного комитета упоминают о «государственниках» (так «окрестили» советских работников на заседании партийного комитета). В этом сказывалось непонимание и игнорирование новых задач работы, а в самом названии звучал как будто явный упрек товарищам, которые ушли на работу «не свойственную», «не подходящую» для коммуниста.

Но наряду с этой ошибкой была и другая, значительно более серьезная. В протоколах партийного комитета, начиная примерно с мая 1918 г., рядом с вопросом о «государственниках» все чаще и чаще обсуждался вопрос об «иногородних». Причем речь шла об особого рода иногородних. Это совсем не иногородние крестьяне, это иногородние члены партии, приехавшие в Царицын из других городов, преимущественно из Ростова и с Украины. Уже в самом этом прозвище звучала неприязнь, звучал местный сепаратизм, недовольство местных товарищей приездом «чужаков». Эти местнические настроения были очень сильны в царицынской большевистской организации. Сколько энергии, сколько сил, сколько времени было потрачено на заседаниях партийного комитета на распри между «местными» и «иногородними» большевиками! Опасность этого местного сепаратизма была тем более велика, что разгар борьбы падал именно на май-июнь, когда Царицыну начала все более угрожать непосредственная опасность наступления контрреволюционных банд. Эти местнические настроения—показатель слабости организации, показатель недостаточной ее большевизации, результат просачивания мелкобуржуазных влияний в ее среду. Требовался самый решительный удар по этим местническим настроениям для укрепления организации, для усиления ее боеспособности. Это было сделано только в июне-июле 1918 г., когда в Царицын приехал товарищ Сталин.

Мелкобуржуазные влияния в царицынской партийной организации сказались и в другом.

По вопросу о войне и мире 22 февраля 1918 г. Исполнительный комитет Царицынского совета большинством в 42 голоса против 15 вынес решение против заключения Брестского мира. Через несколько дней пленарное заседание совета большинством 129 голосов против 18 при 8 воздержавшихся подтвердило линию, взятую исполкомом. Условия мира были признаны неприемлемыми.

Но уже 3 марта совет изменил только что принятое решение. Стало известно о том, что ВЦИК и Совнарком приняли условия мира. И совет немедленно, без всяких колебаний, принял следующую резолюцию:

«Решение Совета народных комиссаров по вопросу о мире разошлось с решением нашего совета. Мир подписан. В тяжелую годину, которую переживает социалистическая родина наша, мы призываем всех трудящихся сплотиться вокруг советской власти. Мы выражаем полное доверие ЦИК и выбранному II съездом Совету Народных Комиссаров. Мы продолжаем готовиться к борьбе с мировыми угнетателями. И на всякое покушение на советскую власть мы ответим организованным грозным отпором»[1].

Резолюция была принята абсолютным большинством при четырех воздержавшихся. Попытка протащить предательскую «лево-коммунистическую» позицию в вопросе о Бресте была бита.

Но нужна была еще суровая школа гражданской войны, нужна была подлинно большевистская закалка организации, нужна была сталинская выучка, сталинская школа, чтобы мелкобуржуазные влияния в царицынской партийной организации были разбиты до конца.

Царицынская партийная организация крепко стала на ноги только тогда, когда в Царицын приехал товарищ Сталин.

2. Дон как плацдарм организации сил всероссийской контрреволюции

В мае 1917 г. на заседании Большого войскового круга в Новочеркасске было избрано «Войсковое правительство» во главе с атаманом Калединым. Каледин активно готовился к борьбе с нарастающей революцией. Как только в Ростове были получены известия об октябрьской победе в Петрограде, Каледин послал в центр контрреволюционным организациям следующую телеграмму: «С 25-го октября Войсковое правительство приняло на себя полноту исполнительной государственной власти в Донской области».

---

[1] «Борьба», Царицын, № 6 от 6 марта 1918 г.

25 октября Каледин объявил Донскую область на военном положении и отдал приказ иметь наготове войска в случае выступления рабочих.

В начале ноября Каледин объявил «Войсковое правительство» единственной властью на Дону и призвал казачество к борьбе с большевиками. Но Каледин не ограничивал свои действия пределами Донской области. 31 октября 1917 г. Каледин отдал приказ начальнику 7-й Донской кавалерийской дивизии, стоявшей на севере Донской области, захватить Воронеж и двигаться на Москву.

«Начальник штаба Верховного главнокомандующего,—говорилось в приказе,—просит содействия Донского войска к подавлению большевистского мятежа. По последним сведениям, города Саратов, Воронеж, Царицын в руках большевиков. В Москве, Петрограде и Киеве идет вооруженная борьба с восстанием...

В таких чрезвычайных обстоятельствах Войсковое правительство решило для спасения гибнущей родины перейти к активной борьбе с большевиками *вне пределов Донской области* и первой задачей ставит овладение Воронежом и восстановление в нем порядка для открытия прямого движения с Москвой и по Волге...»[1]

Этот приказ Каледина не был выполнен, так как части 7-й Донской дивизии отказались итти на Воронеж; но характерно в нем то, что уже 31 октября 1917 г. Каледин открыто призвал казачество выступить за пределы Донской области и организовать контрреволюционный поход на Москву. Когда эта первая попытка кончилась крахом, началась планомерная работа по организации и собиранию сил контрреволюции. С первых же дней после победы Великой пролетарской революции Каледин и приехавшие в Новочеркасск царские генералы Алексеев, Корнилов, Деникин вкупе с лидерами кадетской партии (Милюков и др.), меньшевиками и эсерами пытались превратить Дон в плацдарм для организации сил *всероссийской* контрреволюции. Борьба сразу же, с первых же дней далеко выходит за границы «тихого» Дона. Именно на территории Донской области, под крылышком Каледина и при его помощи—и «моральной» и материальной—формировались части так называемой «добровольческой» армии под командованием генерала Корнилова.

Здесь же на Дону культивировалась и идея создания «Юго-восточного союза», вырабатывался проект его организации, по которому в «Союз» должно было входить войско Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, калмыки, горцы Кавказа и т. д. Совершенно ясно, что в основе самой идеи создания

---

[1] «Пролетарская революция на Дону», сборник II. Ростов н/Д, 1922 г., стр. 110. Курсив мой.—*Э. Г.*

«Юго-восточного союза» лежала задача объединения сил контрреволюции во всех казачьих областях для борьбы с советской властью.

Донская и «добровольческая» белогвардейские армии, начиная активную борьбу с пролетарской революцией, установили сразу же тесную связь и обеспечили себе поддержку Кубанской и Украинской контрреволюционной рады. «Связистом» между Кубанской радой и донским «Войсковым правительством» являлся вначале Савинков, который в конце декабря 1917 г. приехал в Новочеркасск; для связи с Кубанью был послан в Екатеринодар генерал Эрдели, а позже генерал Лукомский.

Не менее близкая связь установилась у донской контрреволюции с Украинской радой. 6 декабря 1917 г. Украинская рада в своем ответе на ультиматум Совнаркома отказала в пропуске через свою территорию советских войск на борьбу с Калединым. 13 декабря 1917 г. в «Правде» за подписью народного комиссара по делам национальностей товарища Сталина был опубликован «Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте», в котором говорилось о прямом соглашении между калединской контрреволюцией и Украинской радой.

Отвечая на вопрос о причинах конфликта с Украинской радой, товарищ Сталин писал:

«Конфликт дошел до высшей точки, когда Генеральный секретариат наотрез отказался пропустить революционные отряды против Каледина. Отряды Генерального секретариата останавливают поезда с революционными войсками, разбирают путь, угрожают выстрелами, заявляя, что они не могут пропустить через свою территорию «чужие» войска. Это русские солдаты, вчера еще боровшиеся вместе с украинцами против вешателей-генералов, старавшихся раздавить Украину—это они, оказываются теперь «чужими»! И это в то время, когда тот же Генеральный секретариат свободно пропускает в Ростов через свою территорию казацкие части и контрреволюционных офицеров, со всех сторон стекающихся к Каледину! Ростовских красногвардейцев подымают на пики корниловцы и калединцы, а Генеральный секретариат Рады мешает помочь нашим товарищам в Ростове! Наших товарищей в рудниках расстреливают казацкие офицеры, а Генеральный секретариат мешает нам подать руку помощи товарищам шахтерам! Можно ли удивляться, что вчера еще разбитый Каледин, сегодня продвигается все дальше на Север, захватывая Донецкий бассейн, угрожая Царицыну? Разве не ясно, что *Генеральный секретариат состоит в союзе с Калединым и Родзянко?* Разве не ясно, что *союз с корниловцами предпочитает Генеральный секретариат союзу с Советом народных комиссаров?*» [1]

---

[1] «От народного комиссара по делам национальностей. Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте», «Правда» № 23 от 26 (13) декабря 1917 г.

Калединско-корниловская контрреволюция пыталась установить также связь с белогвардейцами Сибири и насадить свои контрреволюционные организации по всему Поволжью.

«Придавая большое значение Сибири и Поволжью,—писал в своих воспоминаниях ген. Лукомский,—генерал Корнилов послал в Сибирь ряд писем к местным политическим деятелям (в том числе Пепеляеву), и, по его просьбе, генералом Алексеевым был командирован туда генерал Флуг, на которого была возложена задача ознакомить сибирских политических деятелей с тем, что делается на юге России, постараться объединить офицеров и настоять на создании там противобольшевистского фронта.

На Волгу—в Нижний-Новгород, Казань, Самару, Царицын и Астрахань были командированы офицеры с целью сорганизовать там противобольшевистские силы и постараться, подняв восстание против большевиков, захватить в свои руки эти пункты»[1].

На помощь формирующимся, складывающимся на Дону силам контрреволюции с самого же начала пришел англо-французский империализм. Уже в конце декабря 1917 г. в Новочеркасск приехали из Москвы два представителя от великобританской и французской военных миссий. Англо-французские капиталисты отпустили значительные суммы на содержание «добровольческой» армии.

Каковы же были социально-экономические особенности и особенности классовой борьбы в Донской области, делающие ее базой организации сил всероссийской контрреволюции? Почему Ленин и Сталин указывали, что в особенностях казачьего Дона «можно усмотреть социально-экономическую основу для русской Вандеи».

Донское казачье войско—одно из крупнейших и старейших казачьих войск царской России.

По данным на 1910 г., Донское казачье войско насчитывало 1 372 702 человека, Кубанское—1 181 860, Оренбургское—492 373, Астраханское—36 232, Уральское—153 111, Терское—229 089, Сибирское — 155 683, Забайкальское — 238 368, Семиреченское — 38 557, Амурское—39 102, Уссурийское—30 896 человек[2]. Таким образом, из 11 казачьих войск царской России Донское войско было самым многочисленным и к тому же располагалось на территории, наиболее близкой к основным центрам страны. Население Донской области в 1914 г. составляло 3 401 350 человек, из них казаков—1 589 484, коренных крестьян—905 657, иногородних—764 027, дворян—26 675 человек.

Казачье население, следовательно, не составляло абсолютного большинства в Донской области (1 589 484 казака и 1 669 681 коренных крестьян и иногородних).

---

[1] Сборник «Начало гражданской войны», Гиз, М. 1926 г., стр. 61—62.
[2] Энциклопедический словарь «Гранат», т. 23, стр. 100—101.

Но, не составляя большинства, казачье население владело почти всем земельным запасом Донской области, в то время как коренные крестьяне в подавляющей массе имели ничтожные наделы, а иногородние крестьяне, пришедшие на Дон, были совсем лишены земли.

Ленин неоднократно подчеркивал, что основой привилегированного положения казачества является наделение его землей в 5—6 раз больше, чем коренного крестьянства. Казачьи земли представляли собой, как указывал Ленин, настоящую муниципализацию. «На почве этой «муниципализации» развиваются чисто феодальные отношения,—писал Ленин в 1907 г.—Эта, фактически существующая, муниципализация означает сословную и областную замкнутость крестьян, раздробленных различиями в размерах землевладения, в платежах, в условиях средневекового пользования землей за службу и т. д. «Муниципализация» помогает не общедемократическому движению, а раздроблению его, областному обессиливанию того, что может победить лишь, как централизованная сила, отчуждению одной области от другой»[1].

Привилегированное владение землей, сословная и областная замкнутость казачества, сила средневековых пережитков, наличие сословного антагонизма между казачьим и неказачьим населением—все это не могло не наложить своего отпечатка на характер классовой борьбы в казачьих областях вообще, в Донской области, как самой крупной казачьей области, в частности.

Всероссийская контрреволюция пыталась использовать эти особенности классовой борьбы в своих интересах. Не случайно ее в первую очередь привлекает самое многочисленное казачье войско—Донское. Бывшая Донская область расположена в центре страны. Ее удобное стратегическое положение, близость к морю, ее экономические богатства, расчет на силу и влияние кулачества, значительно более мощного, чем в других районах страны,—все это делало Донскую область центром устремления белогвардейских сил. Контрреволюция делала ставку на создание единого фронта казачества против советской власти, пытаясь противопоставить все казачество иногороднему крестьянскому населению, натравливая казаков на неказаков, защищая казачьи привилегии, выступая с лозунгом «Дон для казаков». Это намеренное разжигание сословной вражды и защита средневековых пережитков по расчетам белогвардейцев должны были превратить Дон в современную «Вандею». Но казачество ко времени Великой Октябрьской социалистической революции далеко не было однородным. Классовое расслоение зашло очень далеко. Основной антагонизм в донской станице шел по линии не борьбы казаков и неказаков, а по линии классовых противоречий между кулачеством, с одной

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XI, стр. 425.

стороны, середняками и беднотой—с другой стороны. Расслоение захватило все группы донской станицы—казаков, коренных крестьян и иногородних. Донская казачья беднота, трудовое казачество в советской власти видели своего естественного защитника. Казачье кулачье было основной опорой контрреволюции. Правда, сначала Каледину, а затем Краснову удалось на время демагогическими посулами о защите казачьих привилегий повести за собой часть трудового казачества. Но обман рассеялся очень скоро. Этим объяснялся быстрый крах Каледина, сумевшего продержаться немногим больше двух месяцев. Преемник Каледина—Краснов вырос в грозную опасность для Советской страны, не столько благодаря массовой поддержке казачества, сколько благодаря пришедшей ему на помощь армии германских оккупантов. Ни Каледину, ни Краснову не удалось создать единого фронта казачества против советской власти. Показательна в этом отношении и своеобразная география очагов формирования как революционных, так и контрреволюционных сил на Дону.

Издавна донское казачество делилось на «верховых» и «низовых» казаков. В «низовых» округах Донской области (низовья Дона) казачество было «дюжее», крепче, земли было больше, урожаи лучше. В северных округах (верховья Дона) преобладало казачество «голутвенное», земли были скуднее, урожаи хуже. В одних округах Донской области преобладало казачье население, в других—иногороднее крестьянское.

Так, например, иногороднее крестьянское население ко всему населению округа (без городов) составляло:

Округа	*Процент*
Таганрогский	89
Ростовский	80,7
Черкасский	53,5
Донецкий	51,1
Сальский	38,6
Усть-Медведицкий	26,8
Хоперский	25,7
1-й Донской	25,7
2-й Донской	20,4

Таким образом, иногороднее крестьянское население преобладало в округах—Черкасском, Ростовском, Таганрогском и Донецком, находящихся близ основных промышленных центров области (Ростов, Таганрог, Шахтинский район).

Экономически наиболее мощными, со значительной прослойкой кулацко-зажиточных хозяйств были округа 1 и 2-й Донской и Сальский. Эти последние округа (особенно 2-й Донской и его центр станица Нижне-Чирская) являлись районами значительных контрреволюционных формирований. Наоборот, северные округа, в первую очередь Донецкий, а затем Хоперский и Усть-Медведицкий, были центрами формирования революционных крестьянско-казачьих частей. Однако эта география

формирования контрреволюционных и советских частей в Донской области требует известных дополнений. Так, например, Сальский округ, где расслоение зашло очень далеко, где находились огромные коннозаводческие хозяйства, где наряду с богатым кулаком-казаком много было казачьей бедноты, был одновременно и районом значительных белоказачьих формирований и районом создания мощных красных партизанских частей. Такие станицы Сальского округа, как Платовская (родина Буденного), Мартыновка, Орловка, и ряд других вписали в историю гражданской войны на Дону немало славных страниц, героически сражаясь с контрреволюцией. Наряду со станицей Каменской (Донецкий округ), родиной революционного казачьего движения на Дону, станица Морозовская, находившаяся в наиболее кулацком районе (2-й Донской), дала значительные боевые силы в ряды Красной Армии; из революционных казаков и крестьян станиц Каменской и Морозовской выросла в 1918 г. одна из лучших дивизий X армии—Морозовско-Донецкая дивизия. Правда, в самой станице Морозовской преобладало иногороднее крестьянское население (8 434 казака и 10 655 коренных и иногородних крестьян). В одной и той же станице нередко половина населения уходила к красным, половина—к белым.

Все это наглядно подтверждает, что ставка контрреволюции на создание единого фронта казачества была бита с самого начала. С первых дней Октябрьской революции большевистская партия проводила на Дону большую массово-политическую работу. 12 (25) декабря 1917 г. был опубликован декрет Совнаркома об отмене обязательной воинской повинности казаков. На государственный счет было взято «обмундирование и снаряжение казаков, призванных на военную службу», и объявлено, что разрешение земельного вопроса будет сделано «в интересах трудового казачества и всех трудящихся на основе советской программы». В декабре 1917 г. началось наступление советских войск против Каледина. До начала наступления, 26 ноября, в «Правде» было опубликовано обращение Совнаркома «Ко всему населению».

«Каледин на Дону, Дутов на Урале подняли знамя восстания»,—говорилось в обращении. Совнарком призывал рабочих, солдат, крестьян к защите революции, к борьбе с Калединым и его пособниками. «Совет народных комиссаров распорядился двинуть необходимые войска против врагов народа. Контрреволюционное восстание будет подавлено и виновники понесут кару, отвечающую тяжести их преступления»[1].

2 декабря 1917 г. Каледин захватил Ростов, а 11 декабря был отдан приказ красным частям о наступлении на калединские банды. В результате, к концу декабря был очищен от белогвардейцев Донбасс, красными частями заняты Луганск, Де-

[1] «Правда» от 9 декабря (26 ноября) 1917 г.

бальцево, Мариуполь и т. д. В течение декабря 1917 г., января и первой половины февраля 1918 г. идет ожесточенная борьба с калединской контрреволюцией. В 2½ месяца калединщина была разгромлена. Сам Каледин, признав свое банкротство, застрелился. 11 (24) февраля советскими войсками был взят Ростов, 13 (26) февраля—Новочеркасск. На Дону установилась советская власть.

Калединская авантюра провалилась. Ее быстрый провал объяснялся как отсутствием массовой поддержки со стороны казачества, так и тем, что в эти первые месяцы 1918 г. силы международного империализма были еще отвлечены продолжающейся империалистической войной. Каледин не получил такой помощи иностранных интервентов, какую имел Краснов, выросший в серьезную силу благодаря вооруженной поддержке германских оккупационных войск.

3. Царицын и разгром калединщины

Роль Царицына как центра собирания сил пролетарской революции на Дону сказалась с первых же дней после победы Великой пролетарской революции. Уже на историческом заседании Царицынского совета 4 ноября, где была принята резолюция о переходе власти в руки совета, первым вопросом повестки дня стояло сообщение делегата Александро-Грушевского совета о положении дел в Донецком бассейне и о действиях Каледина. На этом же заседании выступали и представители Екатеринодара (Краснодар), рассказывая о своей беззащитности перед наступлением контрреволюции и прося помощи царицынского пролетариата.

Единогласно утвердив резолюцию о взятии власти в свои руки, Царицынский совет на этом же заседании принял и другое решение, достаточно наглядно показывавшее, какое значение вопросы борьбы с Калединым приобретали буквально с первого же дня существования советской власти.

«Царицынский совет Р. С. и Кр. д.,—говорилось в этой резолюции,—заслушав доклад о введении военного положения в угольном районе Донской области и принимая во внимание всю ту тяжесть, которую перенес на своих плечах горнорабочий за все время войны, и ту интенсивную работу, которая велась за время переворота... протестует против введения военного положения и требует немедленной отмены такового и *со своей стороны окажет всяческую поддержку, которая потребуется от совета, вплоть до вооруженной силы*»[1].

В разгроме калединщины очень значительная роль принадлежала красному Царицыну. Первые месяцы после устано-

[1] Сталинградское архивное управление. Протоколы Царицынского совета за 1917 г. Заседание 4 ноября. Курсив мой.—*Э. Г.*

вления советской власти в Царицыне проходили под знаком борьбы с калединской контрреволюцией.

Уже 7 декабря царицынский пролетариат послал красногвардейский отряд на помощь Ростову.

19 декабря был создан «Штаб обороны советов», задачи которого сводились к следующему:

1. Собирание точных и своевременных сведений обо всех воинских частях и вообще вооруженных силах Царицынского района и соседних округов Донской области, а также и о воинских частях, передвигавшихся по этой территории с фронтов.

2. Снабжение революционных организаций оружием.

3. Руководство революционными частями, отрядами и Красной гвардией и их организация.

4. Боевая оборона Царицына и всех соседних революционных советов и комитетов.

Поводом для первых столкновений царицынских отрядов Красной гвардии с донской контрреволюцией послужило проводимое советом разоружение всех пробиравшихся через город к Каледину казачьих воинских частей.

«В это время (т. е. в декабре 1917 г.—*Э. Г.*),—писала царицынская газета «Борьба» в статье, посвященной годовщине Октябрьской революции,—происходила демобилизация старой армии, и демобилизованное контрреволюционное офицерство и казачество через Царицын стремилось к своей базе в Новочеркасск. Царицынскому совету, не имевшему достаточного вооружения, приходилось напрягать громадные усилия, с одной стороны, к сохранению города в своих руках, а с другой— не дать возможности добраться до Каледина казачьим полкам. Работа была нервная. В течение многих недель не приходилось почти спать, для казачьих полков устраивались митинги на вокзалах, в вагонах, в Воропонове и др. местах»[1].

Так, с первых же дней Октябрьской революции Царицын стал не только центром собирания революционных сил, но и тем революционным заслоном, который мешал донской контрреволюции соединиться с возвращающимися с фронта казаками и белым офицерством. Причем на станции Царицын в эти зимние месяцы 1918 г. шло двоякое разоружение: казаков разоружали не только тем, что лишали их оружия, в значительной мере их разоружали и политически. Митинги на вокзале продолжались беспрерывно, днем и ночью ораторы сменяли друг друга, говорилось о задачах Октябрьской революции, о войне и мире, о первых шагах советской власти. Такая роль Царицына и послужила первым поводом к столкновению с белогвардейским правительством Каледина. Уже 10 декабря председатель Царицынского совета Ерман получил от командующего казачьими войсками записку следующего содержания:

---

[1] «Борьба», Царицын, № 253 от 7 ноября 1918 г., статья «Итоги диктатуры пролетариата в Царицыне за год».

«Имеем сведения, что проезжающие через Царицын казаки вами обыскиваются и отбирается у них оружие. Мы настойчиво просим все отобранное у них оружие собрать и сообщить, куда за ним можно командировать приемщиков.

Помните, оружие казака составляет его личную собственность, и, повторяю, подобные приемы мы будем понимать, как акт дурного соседства»[1].

Эта первая записка, написанная в относительно «мирном» тоне, плохо скрывала злобу и ненависть врага. Впрочем, в Царицыне прекрасно знали «соседей». Царицынский совет оружия не возвращал и продолжал разоружение казаков.

Не всегда это разоружение проходило мирным путем. Многие отряды угрожали открыть огонь по городу. Так, в феврале 1918 г. через Царицын проходил большой эшелон в 1 000 человек. Отряд прибыл на станцию Елшанка и заявил совету, что, если его не пропустят с оружием, он будет пробиваться с боем. Было созвано специальное заседание совета, где обсуждался вопрос о разоружении эшелона. Совет решил отобрать оружие. К зданию царицынского штаба были вызваны отряды войск с артиллерией. На заседание штаба были приглашены представители от проходящего эшелона.

Делегация вынуждена была сдать оружие, о чем согласилась сообщить по телефону эшелону. Представители совета выехали на станцию Елшанка для приема оружия. Было отобрано около 400 винтовок, 2 орудия, 12 пулеметов, 18 револьверов, много бомб и около 50 шашек. В эту же ночь эшелон был направлен по назначению.

Разоружение проходящих эшелонов, и в первую очередь белого офицерства, не только срывало планы собирания сил контрреволюции на Дону, но и было важнейшим и почти единственным ресурсом снабжения оружием царицынской Красной гвардии. К январю 1918 г., как уже указывалось выше, в рядах царицынской Красной гвардии насчитывалось около 3 тыс. бойцов. Кроме того, с конца ноября в Царицыне находился присланный Саратовским советом вооруженный отряд в составе одного батальона пулеметной команды и сводной революционной батареи. Отряд привез с собой из Саратова около 1 тыс. винтовок, 8 орудий и несколько пулеметов. В январе и феврале 1918 г. в Царицыне формировались революционные отряды из трудового казачества и демобилизованных солдат. Все эти отряды надо было вооружить. Правда, в марте 1918 г. штаб обороны получил извещение от московского главного военного арсенала о том, что из Москвы для Царицына выслано 12 тыс. винтовок русского образца, патроны к ним и другое вооружение. Вооружая свои отряды, Царицын снабжал оружием и ряд окружающих районов. «Штаб обороны»

---

[1] «1917 г. в Сталинградской губернии. Хроника событий», Сталинград 1927 г., стр. 122.

на своих заседаниях очень часто рассматривал заявки на помощь оружием и нередко решал эти заявки удовлетворить. За помощью в Царицынский «штаб обороны» обращались из Борисоглебска, Грязей, Себрякова, Арчеды, Иловли, Качалина, Урюпина, Чира, Котельникова, Сарепты, Жутово, Великокняжеской, Куберле, Ремонтной, Бекетовки, Царева, Черного яра, Николаевской слободы, Морозовской и др.

Так царицынские пролетарии-большевики создавали вооруженные силы советов, которые в начале января 1918 г. вступили уже в прямые военные столкновения с донской контрреволюцией.

Первый поход царицынской Красной гвардии произошел в начале января 1918 г. К этому времени станция Себряково (к северу от Царицына—Поворинское направление) была занята отрядами Каледина. Население станции Себряково обратилось в Царицын за помощью. Был послан отряд красногвардейцев, который выполнил поставленную перед ним задачу. 14 января в «Борьбе» было помещено извещение о занятии станции Себряково красными частями:

«Высланным из Царицына революционным отрядом из казаков, солдат, пулеметчиков и артиллеристов с боя занята ст. Себряково».

О том, какое значение имел этот январский поход на станцию Себряково, свидетельствовало обращение Каледина к казакам (от 28 января 1918 г.).

«В Усть-Медведицком округе,—писал Каледин в этом обращении,—вернувшиеся с фронта полки в союзе с бандами красногвардейцев из Царицына произвели полный разгром на линии железной дороги Царицын—Себряково, прекратив совершенно всякую возможность снабжения хлебом и продовольствием Хоперского и Усть-Медведицкого округов»[1].

Второй поход Красной гвардии происходил тогда же, в январе 1918 г., но в другом направлении—на станцию Чир (Донецкая железная дорога).

Этот январский поход на станцию Чир имел большое значение и являлся одним из звеньев тех операций советских войск, которые привели к разгрому Каледина. Поход на Чир происходил по прямой директиве штаба главнокомандующего советских войск, действовавших против Каледина.

10 (23) января 1918 г. открылся съезд революционных казаков-фронтовиков в станице Каменской. Съезд объявил «Войсковое правительство» низложенным и организовал Донской казачий военно-революционный комитет, к которому перешла вся власть в Донской области. Каледин, действуя провокационными методами, пригласил делегацию от съезда в Каменской в Новочеркасск якобы для переговоров, а сам в это время послал отряд белобандита Чернецова, который занял Зверево — Лихую—Каменскую.

---

1 «Пролетарская революция на Дону», сборник IV, М.—Л. 1924 г., стр. 229.

Но в это же время, 10 января, командование советских войск, действовавших против Каледина, дало директиву об общем концентрированном наступлении, и в этом плане царицынские части Красной гвардии получили указание занять Чир и через Чир двигаться на Зверево—Лихую на соединение с каменскими революционными отрядами. В результате вылазка Чернецова в двадцатых числах января была разгромлена, сам Чернецов был убит.

Таким образом, январский поход царицынской Красной гвардии на станцию Чир стоял в общей связи со всем планом разгрома Каледина советскими войсками. 26 января 1918 г. станция Чир была занята царицынскими красными частями.

В своем донесении на имя Совета народных комиссаров председатель Бюро военно-революционного комитета Донской области сообщил 2 февраля следующее:

«26 января были получены сведения, что революционными отрядами, состоявшими из царицынского взводного (сводного?—*Э. Г.*) отряда, частей 23 и 40 казачьих полков ст. Чир, станица Чирская без боя очищены от партизан. Из партизан убито трое, есть арестованные. В революционных частях потерь нет. Революционным частям из Царицына посланы подкрепления, им было предложено присоединить к себе по пути революционные казачьи части. *Этим отрядам было приказано двигаться дальше по Донецкой линии, давить на Зверево и Лихую и соединиться с каменскими революционными войсками и действовать заодно*»[1].

Задача, поставленная перед царицынскими отрядами, была полностью выполнена. После занятия станции Чир командир царицынского революционного отряда уже из Морозовской сообщил, что 27 и 28 января освобождена станция Тацинская и что революционными войсками, идущими навстречу, заняты станции Зверево и Лихая.

А в разговоре по прямому проводу с Москвой царицынский штаб обороны 1 февраля сообщал:

«Наш отряд, вчера занявший станцию Белую Калитву, сегодня утром должен был выйти через Репную в Лихую, там всего 40 верст. Ж.-д. мост через Донец у Б. Калитвы в безопасности. Возможно, что теперь наш отряд уже соединился с революционными войсками, занявшими Зверево—Лихую»[2].

Так произошло соединение царицынских революционных отрядов с революционными частями, идущими с Украины, и с казачьими революционными отрядами. Спустя несколько дней, 11 (24) февраля был взят Ростов, а вслед за ним Новочеркасск. С калединщиной было покончено. Борьбой с Калединым заполнены первые месяцы существования советской власти в Царицыне. Именно в этих боях царицынский пролетариат получил свой первый боевой опыт гражданской войны.

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. I, д. 187, л. 2—4. Курсив мой.—*Э. Г.*

[2] «Борьба», Царицын, № 44 от 1 (14) февраля 1918 г.

Во второй половине февраля—начале марта 1918 г. для Царицына центр тяжести борьбы с белогвардейцами переносится на юг—по линии железной дороги Царицын—Тихорецкая (Владикавказская железная дорога). Это новое направление борьбы было вызвано походом «добровольческой» армии под командованием Корнилова (так называемый «первый кубанский поход»).

Накануне взятия красными частями Ростова, 9 (22) февраля 1918 г., «добровольческая» армия бежала из Ростова и начала двигаться на Кубань для соединения с войсками Кубанской контрреволюционной рады. В конце февраля «добровольческая» армия пересекла линию железной дороги Ростов—Тихорецкая (у Белой Глины)—между Тихорецкой и Торговой (ныне Сальск).

Это активизировало все белогвардейские отряды по линии Царицын—Тихорецкая.

Как только обозначилась опасность по линии Царицын—Тихорецкая, против белогвардейских банд были высланы царицынские революционные отряды.

В военном бюллетене от 23 февраля сообщалось о занятии царицынскими отрядами станций Жутово и Чилеково (не доходя Котельниково) без боя. Калединцы разбежались. 1 марта начальник революционных царицынских отрядов т. Тулак сообщал, что его отряд прибыл на станцию Котельниково. «Я организовал,—говорил он,—Военно-революционный комитет из служащих железнодорожного комитета. Туда вошел председатель совета, и на собрании железнодорожников был поднят мною вопрос об организации Красной гвардии и армии, где новый военно-революционный комитет примет самое горячее участие. Во главе революционного комитета пока стою я» [1].

6 марта штаб обороны в своем бюллетене сообщал: «От Царицына до Великокняжеской линия освобождена от калединцев, отдельные участки линии находятся под некоторой угрозой блуждающих калединских банд» [2]. И, наконец, извещение от 8 марта гласило: «Движение по Владикавказской линии совершается беспрепятственно».

Но на этом борьба с корниловскими бандами не кончилась. Весь март и начало апреля эта борьба продолжалась. Корнилов со своей «добровольческой» армией, как известно, подошел к Кубани тогда, когда Кубанская рада под давлением красных частей покинула Екатеринодар (28 февраля). С марта в Екатеринодаре была восстановлена советская власть. В середине марта покинувшая Екатеринодар белая армия Кубанской рады соединилась с «добровольческой» армией (в ауле Шенджий) и совместно повела наступление на Екатеринодар. Но это наступление кончилось полным крахом. 31 марта (13 апреля) под самым Екатеринодаром Корнилов был убит снарядом. Командование армией перешло к генералу Деникину, который, от-

[1] Материалы Истпарта Сталинградского Крайкома ВКП(б). Дело Сталинградского Военного комиссариата № 11, стр. 10.

[2] «Борьба», Царицын, № 68 от 6 (19) марта 1918 г.

чаявшись в возможности взятия Екатеринодара, решил увести свою армию с Кубани обратно на Дон. Этот переход начался в первой половине апреля, а в конце апреля «добровольческая» армия вернулась обратно в район станиц Мечетинской и Егорлыкской. Так бесславно закончилась и корниловская авантюра—«первый кубанский поход» «добровольческой» армии.

В разгроме корниловщины, как и в разгроме калединщины, Царицыну принадлежала не малая роль. Царицын с честью выдержал первые боевые испытания. Но это был для него лишь приготовительный класс гражданской войны. Настоящие бои, настоящие трудности были впереди. Они начались с весны и лета 1918 г., когда германские оккупационные войска подошли к границам Дона. Декабрь, январь, февраль месяцы были для Царицына лишь периодом собирания и организации боевых сил, периодом первых разведочных боев, когда благодаря общей ситуации непосредственная опасность Царицыну все же не угрожала.

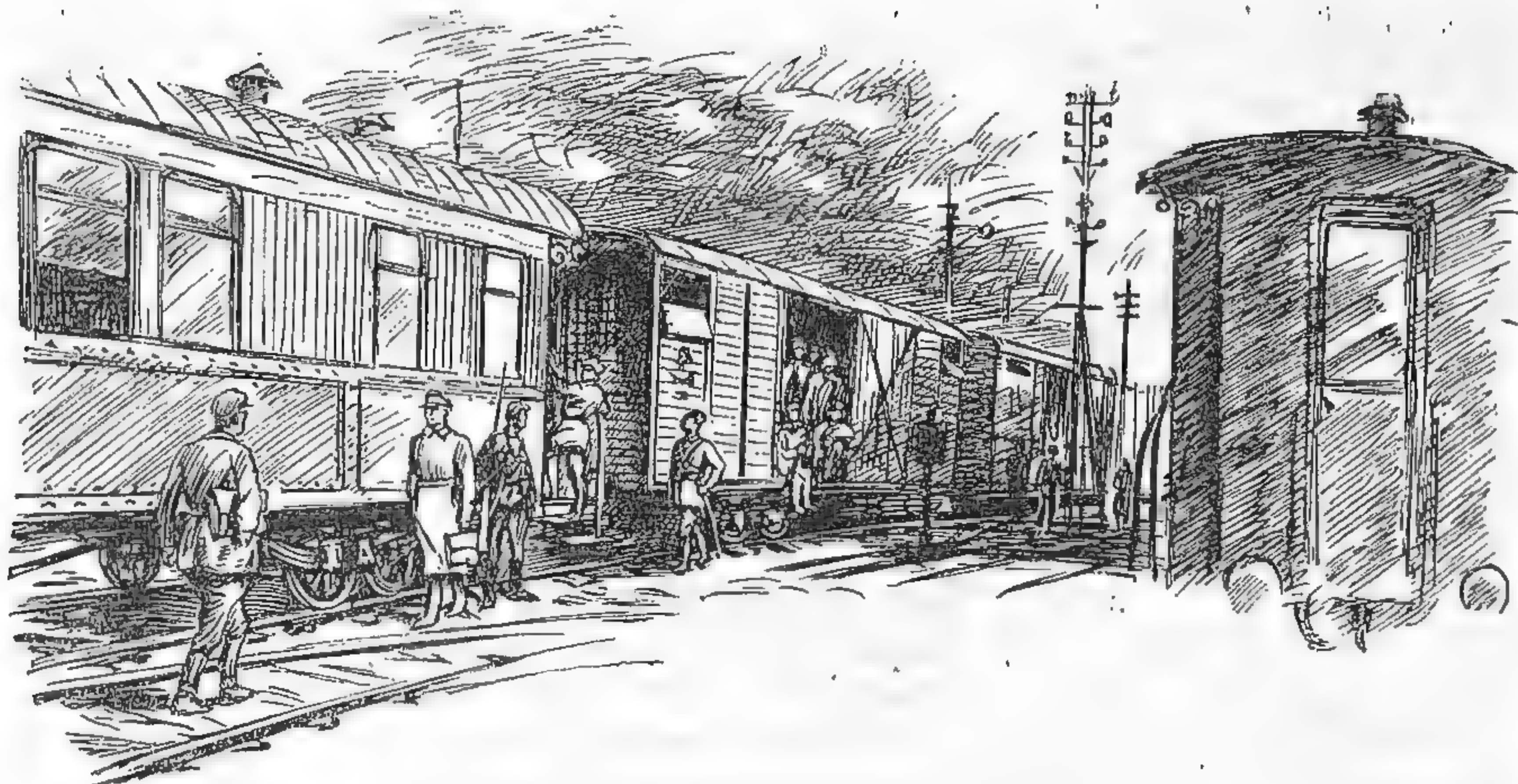
Но начало германской оккупации коренным образом изменило обстановку на Дону и в частности в Царицыне. Разбитая было донская контрреволюция вновь подняла голову. В двадцатых числах марта, когда австро-германские оккупационные войска занимали Харьков, начались контрреволюционные восстания в донских станицах.

Контрреволюционные мятежи начались с Суворовской станицы (21 марта) и были поддержаны рядом близлежащих станиц 2-го Донского округа. Руководителем мятежа был полковник Мамонтов, дослужившийся у белых в годы гражданской войны до чина генерала. Восставшие белоказаки захватили станцию Чир и станицу Нижне-Чирскую, непосредственно угрожая Царицыну. В конце марта царицынский штаб обороны объявил город на военном положении; на станцию Чир были отправлены царицынские отряды Красной Армии.

Из 2-го Донского округа контрреволюционные восстания перебросились в 1-й Донской и Черкасский округа бывшей Донской области.

По «тихому» Дону прошла мутная волна кулацких восстаний. Донская контрреволюция вновь собирала силы. 4 апреля образовалось «Временное правительство Дона». В это время (апрель 1918 г.) численность Донской белогвардейской армии доходила до 6 тыс. человек. Германские оккупанты все ближе подходили к границе Донской области. 25 апреля (8 мая) они захватили Ростов, за два дня до этого был занят белыми Новочеркасск.

4 (17) мая в Новочеркасске открылся «Круг спасения Дона», избравший Краснова донским атаманом. Начался новый этап гражданской войны на юге. Именно с мая 1918 г. Царицын становится центром удара всех контрреволюционных сил. Возник царицынский фронт как решающий фронт гражданской войны.

Глава II

ОБСТАНОВКА В СТРАНЕ В МАЕ-ИЮНЕ 1918 г. И ПРИЕЗД ТОВАРИЩА СТАЛИНА В ЦАРИЦЫН[1]

1. Обстановка в стране в мае-июне 1918 г.

В плане речи на IV Чрезвычайном съезде советов по вопросу о ратификации Брестского мирного договора, произнесенной 14 марта 1918 г., Ленин записал:

«Триумфальное шествие—25.X (17)—11.II (18)»[2].

С октября 1917 г., с победы Великой пролетарской революции наступил период, который Ленин называл периодом триумфального шествия большевизма из конца в конец необъятной страны, периодом, когда советская власть победила на огромной территории от Минска до Владивостока, от Мурманска до Одессы и Ростова.

Но с середины февраля 1918 г. начался, как указывал Ленин, период «тягчайших испытаний для русской революции»[3], когда

[1] Начиная с этой главы все даты по новому стилю.
[2] «Ленинский сборник» XI, стр. 71.
[3] *Ленин,* Соч., т. XXII, стр. 391.

мировой империализм перешел в наступление на страну диктатуры пролетариата. Ленин характеризовал этот период, как переломный, как переход «от эпохи пропагандистско-агитационной деятельности русской революции при *выжидательном положении империализма... к наступательным действиям империализма против советской власти»*[1].

18 февраля 1918 г. австро-германская армия перешла в наступление. В течение апреля и начала мая австро-германские оккупационные войска захватили всю Украину, Крым, Белоруссию.

К весне 1918 г. началась также интервенция стран Антанты против Советской республики.

«Краткий курс истории ВКП(б)» следующим образом характеризует причины, вызвавшие начало интервенции со стороны Антанты.

Империалисты Антанты, во-первых, опасались, что заключение мира между Германией и Россией может облегчить военное положение Германии и соответственно затруднить положение войск Антанты на фронте империалистической войны; во-вторых, империалисты Антанты боялись усиления тяги к миру во всех странах, боялись, что пример Советского Союза заставит рабочих других стран потребовать у своих правительств заключения мира, и, в-третьих, империалисты боялись примера русской революции, ее влияния на своих рабочих и крестьян. Ввиду этого они и решили начать интервенцию против Страны советов.

«...В первой половине 1918 г.,—говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,—сложились две определенные силы, готовые пойти на свержение Советской власти: иностранные империалисты Антанты и контрреволюция внутри России.

Ни одна из этих сил не обладала достаточными данными для того, чтобы самостоятельно пойти на свержение Советской власти. У контрреволюции в России были некоторые военные кадры, а также некоторое количество людских сил, главным образом, в лице казачьих верхов и кулачества, необходимые для того, чтобы поднять восстание против Советской власти. Но у нее не было денег и вооружения. У иностранных империалистов, наоборот, были деньги и вооружение, но они не могли «отпустить» на интервенцию достаточного количества воинских сил не только потому, что эти силы нужны были для войны с Германией и Австрией, но и потому, что они могли оказаться не вполне надежными для борьбы с Советской властью.

Условия борьбы с Советской властью диктовали объединение обеих антисоветских сил, иностранной и внутренней. И это объединение сложилось в первой половине 1918 года.

Так сложилась иностранная военная интервенция против Советской власти, поддержанная контрреволюционными мятежами врагов Советской власти внутри России.

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXII, стр. 392. Курсив мой.—*Э. Г.*

Так кончилась передышка и началась гражданская война в России, то-есть война рабочих и крестьян народов России против внешних и внутренних врагов Советской власти»[1].

Так как империалисты Антанты в отличие от Германии не имели общей границы с Советской Россией, а вход в Черное море был для них закрыт вплоть до конца 1918 г., они могли проникнуть в Страну советов только через два «окна»—Дальний Восток и север (Архангельск, Мурманск).

5 апреля японский и английский десант высадился во Владивостоке; 9 марта английский десант высадился в Мурманске. Но англо-французские интервенты хотели проникнуть в глубь страны, и для этого ими был использован чехо-словацкий корпус. Этот корпус был составлен из военнопленных империалистической войны. По своей численности он достигал 40 тыс. человек, а вместе с белогвардейцами представлял силу в 60 тыс. человек.

25 мая 1918 г. чехо-словацкий корпус по прямому приказанию англо-французских империалистов выступил против Советской России. Контрреволюционное выступление чехо-словаков произошло в самом центре нашей страны.

Воспользовавшись тем, что чехо-словацкие эшелоны получили разрешение выехать на родину и их маршрут шел от Пензы до Владивостока, французские и английские империалисты подкупили руководителей чехо-словацкой армии. Ленин и Сталин еще в начале апреля предупреждали о необходимости разоружения чехо-словацких эшелонов в пути их следования. Они требовали усилить охрану пунктов, по которым будут следовать чехо-словацкие эшелоны. Но вследствие предательства Троцкого корпус не был разоружен и по пути его следования не было выставлено сколько-нибудь значительных сил советских войск. Поэтому выступление чехо-словаков превратилось в грозную опасность. 26 мая чехо-словаки захватили Ново-Николаевск, 27 мая—Челябинск, 29 мая—Пензу, 7 июня—Омск, 8 июня—Самару, 5 июля—Уфу, 22 июля—Симбирск, 25 июля—Екатеринбург, 7 августа—Казань.

Чехо-словацкий мятеж отрезал от нашей страны огромную территорию—большую часть Поволжья, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Мало этого. Турки, с одной стороны, англичане—с другой, начинают подбираться к Закавказью и прежде всего к Баку. Английский генерал Денстервиль со своими частями вступил в Баку в начале августа 1918 г. Летом 1918 г. начинается также английская интервенция в Средней Азии. Так замыкалось в летние месяцы 1918 г. огненное кольцо фронтов, охватившее нашу страну с запада и востока, юга и севера.

Ленин писал в это время:

«Мурман на севере, чехословацкий фронт на востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на юго-востоке,—мы видим, что

---

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 216—217.

почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединены между собой»[1].

Положение еще более усугублялось германской оккупацией Украины, Крыма и Дона и поддержкой германскими оккупантами сил внутренней контрреволюции.

«Германия не участвовала,—говорится в «Кратком курсе истории ВКП(б)»,—и не могла участвовать в этой интервенции блока англо-франко-японо-американцев хотя бы потому, что она находилась в состоянии войны с этим блоком. Но, несмотря на это обстоятельство и на существование мирного договора между Россией и Германией, никто из большевиков не сомневался в том, что германское правительство кайзера Вильгельма является таким же лютым врагом Советской страны, как и англо-франко-японо-американские интервенты. И действительно, германские империалисты делали все возможное и невозможное для того, чтобы изолировать, ослабить и погубить Советскую страну. Они оторвали от Советской России, правда, по «договору» с Украинской Радой,—Украину, ввели на Украину по просьбе белогвардейской Украинской Рады свои войска и стали бесчеловечно грабить и угнетать украинский народ, запрещая ему поддерживать какую бы то ни было связь с Советской Россией. Они оторвали от Советской России Закавказье, ввели туда по просьбе грузинских и азербайджанских националистов немецкие и турецкие войска и стали хозяйничать в Тифлисе и Баку. Они всячески поддерживали, правда, исподтишка—вооружением и провиантом мятежного генерала на Дону—Краснова против Советской власти»[2].

Силы иностранных интервентов объединились с силами внутренней контрреволюции, и в любом районе, куда протягивали свои щупальцы иностранные интервенты, находились силы внутренней контрреволюции, боровшиеся вместе с интервентами против советского народа, против советской власти. Буржуазия, помещики, кулаки, разбитые революцией партии кадетов, меньшевиков, эсеров, анархистов, всякого рода буржуазные националисты объединились с иностранными интервентами для борьбы против Страны советов.

Немецкие оккупанты пришли на Украину, отбросили ненужную им больше Украинскую раду, посадили гетманом Украины генерала Скоропадского (29 апреля 1918 г.), а буржуазно-националистические и украинские контрреволюционные организации поддерживали немцев в борьбе против украинского народа. Немецкие оккупанты пришли на Дон, и им услужливо протянул руку генерал Краснов, поднявший мятеж верхушки казачества на Дону.

Почти 8-тысячная «добровольческая» армия Деникина при поддержке англо-французских империалистов в 20-х числах

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 156.

[2] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 217—218.

июня начала наступление с юга Донской области на Кубань, окружая центр Кубани—Екатеринодар. Гетман Скоропадский на Украине, Краснов—на Дону, Деникин—на юге—все это были марионетки в руках иностранных интервентов.

В районе чехо-словацкого мятежа организуется ряд белогвардейских правительств: так называемый Комуч («Комитет членов Учредительного собрания»), возглавляемый эсерами, белогвардейское сибирское правительство. В захваченных англо-французами районах на севере страны и в Средней Азии создаются белогвардейские правительства, целиком находящиеся в руках иностранных интервентов.

Выступление чехо-словаков активизировало кулачество, в частности в Поволжье, где начинались кулацкие восстания. Организуются контрреволюционные выступления и мятежи эсеров: «лево»-эсеровский мятеж в Москве (6—7 июля), ярославский мятеж (6—21 июля). Эсеры совместно с троцкистско-бухаринскими предателями организуют гнуснейшие террористические акты против вождей пролетарской революции. 20 июня 1918 г. злодейски убит Володарский, 30 августа—Урицкий и тяжело ранен эсеровской пулей В. И. Ленин.

«Мы снова попали в войну, мы находимся в войне,—говорил Ленин в июле 1918 г.,—мы находимся в войне и судьба революции решится исходом этой войны»[1].

Требовалось огромное напряжение сил, чтобы разорвать кольцо фронтов, разгромить контрреволюцию и спасти страну пролетарской диктатуры от нависшей над ней смертельной опасности.

Эта смертельная опасность усугублялась тем, как говорил Ленин, что «голод и контрреволюция идут рука об руку». Оккупация Украины и захват Сибири отрезали центр страны от основных источников снабжения хлебом. Страшный бич голода надвинулся на страну.

Летом 1918 г. в Москве и Петрограде рабочие раз в два дня получали одну восьмую фунта хлеба. Запасы старого урожая кончались. Надо было во что бы то ни стало обеспечить страну хлебом до нового урожая.

22 мая, в самые тревожные, самые опасные и тяжелые для Советской республики дни Ленин обратился с письмом к питерским рабочим «О голоде». В этом письме, обобщая обстановку, он говорил о величайших трудностях и испытаниях, которые надо преодолеть.

«Катастрофа перед нами, она придвинулась совсем, совсем близко. За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август»[2].

«Перед нами теперь, летом 1918 года, может быть, один из самых трудных, из самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции»[3].

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 161, 162.
[2] *Там же,* стр. 28.
[3] *Там же,* стр. 49.

Интервенция, внутренняя контрреволюция, кулацкие мятежи и эсеровский террор, заговор эсеров и троцкистско-бухаринских предателей против руководителей партии и правительства, тяжелый голод—все это объединялось против Страны советов и создало исключительно тяжелое положение во второй половине 1918 г.

В своем письме к Кларе Цеткин от 26 июля 1918 г. Ленин, характеризуя сложившуюся обстановку, писал:

«Мы теперь переживаем здесь, может быть, самые трудные недели за всю революцию. Классовая борьба и гражданская война проникли в глубь населения: всюду в деревнях раскол—беднота за нас, кулаки яростно против нас. Антанта купила чехословаков, бушует контрреволюционное восстание, вся буржуазия прилагает все усилия, чтобы нас сбросить. Тем не менее, мы твердо верим, что избегнем этого «обычного» (как в 1794 и 1849 гг.) хода революции и победим буржуазию» [1].

В трудное лето 1918 г. Ленин предупреждал трудящихся об огромных, неслыханных трудностях, которые придется преодолевать. Но в то же время все письма, все выступления, все статьи Ленина в этот тяжелейший момент были проникнуты огромной бодростью, твердой уверенностью в неизбежности нашей победы. В дни, когда огненное кольцо иностранных интервентов и белогвардейцев все больше сжималось вокруг центров страны, происходил V съезд советов РСФСР (начало июля 1918 г.), принявший Конституцию РСФСР. В постскриптуме к приведенному выше письму к Кларе Цеткин Ленин с большой радостью сообщал:

«Мне только что принесли новую государственную печать. Вот отпечаток. Надпись гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь» [2].

Как же в этих труднейших условиях партия большевиков организовывала борьбу, какая работа проводилась для того, чтобы разорвать огненное кольцо фронтов и помешать контрреволюции задушить страну «костлявой рукой голода»?

Партия прежде всего с особой остротой поставила вопрос о строительстве и укреплении молодой Красной Армии.

Прежде чем начать создание регулярной Красной Армии на основе обязательной воинской повинности и всеобщего военного обучения, Красная Армия прошла этап ее строительства на добровольческих началах. В течение первых двух с половиной месяцев в Красную Армию пришло больше 100 тыс. человек добровольцев.

С самого начала Октябрьской революции начал функционировать институт военных комиссаров. В Октябрьские дни 1917 г. военно-революционный комитет и партийный центр

---

[1] «Ленинский сборник» XXI, стр. 249.
[2] *Там же.*

по руководству восстанием посылали в воинские части военных комиссаров. Поэтому с первых же дней строительства Красной Армии роль военных комиссаров была чрезвычайно велика. Военные комиссары сплачивали армию, воспитывали ее политически, создавали партийные организации в воинских частях и т. д.

В апреле 1918 г. ВЦИК принял ряд важных решений о строительстве Красной Армии. 22 апреля была принята формула торжественного обещания для красноармейцев. Был издан декрет о всеобщем военном обучении всех трудящихся и отменена выборность командного состава, которая нужна была в то время, когда необходимо было разогнать не перешедший на сторону советской власти старый начальствующий состав.

Исключительная по размеру работа мобилизации всех сил и средств для спасения страны шла именно в мае 1918 г. С первых чисел мая ленинско-сталинская директива—готовиться к борьбе, собирать, мобилизовать все силы проникла во все уголки Советской страны.

Партия подняла народ на отечественную войну против иностранных интервентов, против мятежей свергнутых революцией эксплоататорских классов.

5 мая вошло в силу соглашение о перемирии на германско-украинском фронте и была установлена демаркационная линия. Перемирие было заключено на Курском, Брянском и Воронежско-белгородском фронтах. В связи с заключением перемирия было объявлено прекращение военных действий против германо-гайдамацких войск. Совнарком предписал всем пограничным с Украиной советам разоружать все отряды бывших армий южных республик при переходе их через границу Российской советской республики.

Но давая это предписание, Ленин тут же от имени Совнаркома со всей ясностью и категоричностью предупреждал:

«В случае, если бы германско-гайдамацкие отряды, отклоняя предложение и попирая условия Брест-литовского мира, продолжали наступать на нашу территорию, защищаться до последней капли крови, мобилизуя и вооружая все взрослое население угрожаемых областей»[1].

12 мая «Правда» опубликовала передовую, озаглавленную «Нужно ли готовиться?», в которой со всей ясностью отвечала на поставленный вопрос. «Враги революции готовятся. Нужно готовиться и нам, не теряя ни одного часа!»[2]

29 мая ВЦИК принял решение о переходе от добровольчества в армии к всеобщей мобилизации рабочих и крестьян, которая «повелительно диктуется всем положением страны как для борьбы за хлеб, так и для отражения обнаглевшей на почве голода контрреволюции как внутренней, так и внешней».

---

[1] «Правда» № 89 от 10 мая 1918 г.
[2] «Правда» № 91 от 12 мая 1918 г.

В этот же день, 29 мая, «Правда» бросила призыв всем коммунистам, всем рабочим поголовно обучаться военному делу для отражения контрреволюции и интервенции.

«Партия рабочего класса, Российская коммунистическая партия большевиков,—писала «Правда»,—в лице ее Центрального и Московского комитетов, постановила, что с 1 июня все члены партии должны начать обучаться военному искусству. Никакая работа ни в каких организациях, советских или иных, не должна и не может препятствовать обучению военному делу. Уметь владеть оружием, научить этому искусству других—такова новая партийная обязанность каждого коммуниста. Без свидетельства о прохождении курса члены партии не сумеют получить членские билеты, не будут допускаться на партийные собрания, будут лишаться партийных мандатов и партийного доверия».

В письме ЦК РКП(б) «Всем комитетам, группам, членам Российской коммунистической партии (большевиков)», опубликованном в этом же номере «Правды», говорилось о тяжелейшем положении страны, о задачах партийной работы:

«Трудные, великие задачи стоят перед нашей партией. Мы выйдем победителями из борьбы. Чем тяжелее борьба, тем больше энергии должны мы проявить.

Товарищи! Мы уверены, что всем нам, всем членам нашей коммунистической партии дороже всего торжество нашего дела. Мы уверены, что члены нашей партии не утратили способности к самопожертвованию. Мы уверены, что все члены партии проявят всю свою энергию, отдадут все свои силы на воссоздание мощной, единой волей, единым стремлением скованной партии.

Товарищи! Дело торжества коммунизма, дело мировой коммунистической революции в ваших руках.

Все за работу! Нет члена партии без партийных обязанностей. Нет члена партии, не выполняющего директивы партийных центров.

Строжайшей дисциплины, единства действий требуем мы от всех членов партии».

«Правда» от 30 (17) мая 1918 г. открывалась постановлением Совнаркома за подписью Ленина, объявляющим Москву на военном положении в связи с контрреволюционными выступлениями в Москве, Саратове, мятежом Краснова на Дону и т. д.

31 мая «Правда» опубликовала воззвание Совета народных комиссаров к трудовым казакам Дона и Кубани, объявляющее Краснова вне закона и призывающее казаков стать под ружье для защиты советской власти.

Поголовным вооружением для решительной борьбы с врагом, всеобщей мобилизацией рабочих и крестьян ответило правительство Страны советов на грозную военную опасность. Никакой паники, полное спокойствие, выдержка, уверенность, стойкость и самоотверженность в борьбе—вот к чему призывали все директивы партии и правительства.

Так же четко и ясно определялись задачи борьбы с голодом.

«Во-первых, государственная хлебная монополия,—писал Ленин в своем письме к питерским рабочим «О голоде»,—т.-е. безусловное запрещение всякой частной торговли хлебом, обязательная сдача всего излишка хлеба государству по твердой цене, безусловное запрещение удерживания и утайки излишков хлеба кем бы то ни было. Во-вторых... строжайший учет всех излишков хлеба и безукоризненно правильный подвоз хлеба из мест избытка в места недостатка хлеба с заготовкой запасов на потребление, на обработку, на посев. В-третьих... правильное, справедливое, не дающее никаких привилегий и преимуществ богатому, распределение хлеба между всеми гражданами государства, под контролем рабочего, пролетарского государства» [1].

Несколько дней спустя после опубликования письма к питерским рабочим «О голоде», 26 мая 1918 г., Ленин в тезисах по текущему моменту еще больше уточнял план мероприятий *«для войны за хлеб и на ведении такой войны—на 3 месяца: июнь—август»*.

«...Провести в Совете Народных Комиссаров и в Центральном Исполнительном Комитете:

а) признание страны в состоянии *грозной опасности* по продовольствию;

б) военное положение;

в) мобилизация армии, наряду с переформированием вышеуказанного типа, для *похода за хлебом*» [2].

В этой войне за хлеб Ленин считал главным организацию великого «крестового похода» рабочих и деревенской бедноты «против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников...» От авангарда революции, от рабочего класса зависит спасение страны,—писал он,—«от него требуется героизм не меньший, чем в январе и октябре пятого, в феврале и октябре 17-го года» [3].

«Только массовый подъем передовых рабочих способен спасти страну и революцию» [4],—таков основной вывод Ленина. Этот массовый подъем должна была организовать и возглавить партия Ленина—Сталина. Во все концы страны по радио было передано воззвание Совнаркома ко всем трудящимся:

«...Краснов хочет отторгнуть Дон и Кубань от России, превратить благодатные области в чужеземную колонию и лишить голодающих русских рабочих и крестьян донского и кубанского хлеба,—говорилось в воззвании...—В эти трудные дни Совет народных комиссаров считает необходимым прибегнуть к чрезвычайным мерам для прокормления голодающих рабочих и крестьян и для сокрушения врагов народа, покушающихся на Советскую республику.

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 27.
[2] *Ленин,* Соч., т. XXX, стр. 387, 388.
[3] *Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 29.
[4] *Там же.* Курсив мой.—*Э. Г.*

Дело идет прежде всего о хлебе насущном. Нужно вырвать его из цепких рук кулаков и спекулянтов. Не только земля и фабрики, но и хлеб должны быть общенародным достоянием. Нужно очистить железнодорожные пути от красновских банд и чехословацких мятежников. Нужно обеспечить возможность всеобщей спокойной работы на благо страны. Центральный Исполнительный Комитет уже предписал советам Москвы и Петрограда мобилизовать десятки тысяч рабочих, снарядить и вооружить их для похода за хлебом против хищников, кулаков и мародеров... Не отдадим ни власти, ни земли, ни хлеба врагам народа... Голод и контрреволюция идут рука об руку. Мы должны объявить им обоим непримиримую войну... Настали дни и недели величайших трудностей, тягчайших испытаний. Если мы сокрушим сейчас сопротивление сельской буржуазии и с оружием в руках обеспечим себя хлебом до нового урожая,—мы будем непобедимы»[1].

Наконец, обобщая воедино все задачи, 1 июня 1918 г. «Правда» бросила боевой клич, обращенный ко всему советскому народу, клич: «Под ружье!»

«Снова, как в октябре,—писала «Правда»,—рабочая революция мобилизует свои силы. К оружию—товарищи рабочие! К оружию—братья пролетарии деревни! Контрреволюция и голод идут на нас войной.

Немецкий генерал Эйхгорн подал руку русскому генералу Скоропадскому, а Скоропадский подал руку казачьему генералу Краснову. И три генерала, поддерживаемые германскими штыками, восстанавливают на всем юге—от Каменец-Подольска до Царицына, от Прута и до Волги старый буржуазно-самодержавный строй...

...Нет, не разбита и не побеждена социалистическая революция! Пусть первый удар, который она нанесет по контрреволюции—удар по «империи» генерала Краснова, будет ударом беспощадным и сокрушающим!..

Но не только контрреволюции нужно нанести решающий удар. Нужно встретить в штыки и наступление голода.

Красновский бунт и чехословацкий мятеж грозят на время отрезать нас от южного и сибирского хлеба. Нужно спешно усилить вывоз хлеба из Курской, Воронежской, Тамбовской губ. Немецкое наступление на этом фронте не останавливается. Хлеб, не вывезенный из занимаемых немцами уездов, достается целиком немецким войскам, которые реквизируют его за гроши, или совсем без платы. Необходимо твердой рукой заставить деревенских капиталистов и кулаков, деревенскую буржуазию отдать хлеб по установленной цене голодающим городам, голодающему северу России... Революционная армия должна быть создана немедленно, ибо только в ней и спасение. Добровольческие полки недостаточны, обязательный призыв должен быть проведен в жизнь.

---

[1] «Правда» № 107 от 31 (18) мая 1918 г.

Во имя борьбы за хлеб, за землю, за свободу и социализм, рабочие и крестьяне—под ружье!» [1]

«Правда»—центральный орган партии—отразила на своих страницах все факты, все события, все трудности, всю героику незабываемых майских дней 1918 г. Всеобщая мобилизация рабочих и крестьян, начало «крестового похода» за хлебом, объявление Москвы на военном положении, борьба за создание революционной армии, поголовный призыв «Под ружье!», ибо социалистическое отечество в опасности,—вот чем наполнены боевые, суровые, полные смертельной опасности дни конца мая 1918 г.

И именно в эти дни, когда во имя борьбы за хлеб, за землю, за свободу и социализм трудящиеся молодой Советской республики становились под ружье, именно в дни «крестового похода» за хлебом, в дни, когда страна объявлена в состоянии «грозной опасности», в дни «непомерно тяжелого мая» Совнарком, по предложению Ленина, принял решение о поездке товарища Сталина в Царицын.

Непосредственная цель поездки товарища Сталина в Царицын—дать хлеб голодающей стране. Хлеб должен был итти с Северного Кавказа, Кубани, Дона. Но в свете создавшейся к концу мая—началу июня обстановки в стране опасность со стороны интервентов и белогвардейцев начинает все более и более угрожать этим районам. Решение продовольственной задачи в Царицыне должно было неизбежно столкнуться с решением задачи военной.

Весной 1918 г. на Дону и на Кубани, в Терской области и в Дагестане—по всему Северному Кавказу и в Закавказье установилась советская власть. Но с началом немецкой оккупации оживилась внутренняя контрреволюция. Тифлис, Грузия—в руках грузинских меньшевиков и немецких оккупантов. Батум—в руках турок. Растет угроза советскому Баку. «Положение Закавказья становится все более угрожающим»,—писал товарищ Сталин 23 мая в статье «Положение на Кавказе». «Одно несомненно: если турецкие «спасатели» в самом деле двинутся на Баку, они встретят мощный отпор со стороны широких слоев населения и прежде всего мусульман рабочих и крестьян.

Нечего и говорить, что при этом советская власть будет всеми силами отстаивать неотъемлемые права трудовых масс Закавказья против захватнических покушений» [2].

Такая же угроза со стороны турецко-германских интервентов и идущих в союзе с ними белогвардейцев нависла над Северным Кавказом, Кубанью, Доном. «Авантюристы Северного Кавказа разочаровались в англо-французах, рассчитывают теперь на врагов последних. И так как рвение турко-германцев к захватам не знает пределов, надо думать, что не исключена

[1] «Правда» № 108 от 1 июня 1918 г. Передовая «Под ружье!» Курсив мой.—*Э. Г.*

[2] *Сталин,* Положение на Кавказе, «Правда» № 100 от 23 мая 1918 г.

возможность «соглашения» северокавказских искателей приключений с турко-германскими «освободителями»... советской власти придется мобилизовать все силы для защиты народов Северного Кавказа от возможных захватнических покушений»[1].

В статье «О Донщине и Северном Кавказе», написанной неделю спустя, за два дня до отъезда в Царицын, товарищ Сталин вновь ставит вопрос об усиливающейся угрозе на Северном Кавказе. Товарищ Сталин показывает, как повсюду— на Дону, на Кубани, на Тереке, в Дагестане подымает голову контрреволюция, создаются самочинные «правительства», объявляющие себя отделившимися от России и вступающие в переговоры с интервентами.

После захвата Украины товарищ Сталин писал, что «Украина, как ширма, как прикрытие, видимо, исчерпала себя, между тем как немцам нужно новое продвижение. Отсюда спрос на новое прикрытие, на новую ширму. А так как спрос рождает предложение, то Красновы и Богаевские, Чермаевы и Бамматовы не замедлили предстать, предлагая свои услуги. И нет ничего невероятного в том, что в ближайшее время Красновы и Богаевские, руководимые и снабжаемые немцами, двинутся на Россию на «освобождение» Дона, причем немцы постараются лишний раз поклясться в верности Брестскому договору. То же самое нужно сказать о Кубани, Тереке и т. д.

В этом вся суть»[2].

Таков был прогноз, предвидение товарища Сталина о неизбежности дальнейшего обострения борьбы на Северном Кавказе, на Дону, на Кубани, в Закавказье. То, что в мае было возможностью, в июле стало фактом.

Поэтому товарищ Сталин заранее ставил вопрос о необходимости мобилизовать все без исключения силы для отпора захватчикам и поработителям.

В свете этих статей становится еще более понятным смысл и значение поездки товарища Сталина в Царицын. В них дана боевая программа борьбы, которую вел товарищ Сталин в Царицыне. Это была не только борьба за хлеб, за удержание Царицына, чтобы не дать соединиться южной и восточной контрреволюции, это была борьба за неотъемлемые права трудящихся масс Северного Кавказа, Закавказья, Дона, Кубани. С этой задачей и поехал товарищ Сталин в Царицын.

2. Царицын накануне приезда товарища Сталина

К началу и середине мая Царицыну начала угрожать непосредственная военная опасность со стороны красновских банд.

Уже 3 мая Совнарком принял особое решение об охране железнодорожных линий вокруг Царицына.

---

[1] *Сталин,* Положение на Кавказе, «Правда» № 100 от 23 мая 1918 г.

[2] *Сталин,* О Донщине и Северном Кавказе, «Правда» от 1 июня 1918 г.

«Постановлено принять срочные меры,—говорилось в решении Совнаркома,—для охраны ж.-д. линий: Тихорецкая—Царицын, Торговая—Ростов, Лихая—Царицын и Царицын—Борисоглебск.

Эти линии объявляются на военном положении. На главных узлах и станциях учреждаются военно-революционные суды. Соответственно с этим комиссар по военным делам обязуется немедленно послать на эти линии не менее трех тысяч наилучше дисциплинированных войск.

Особенно важно, чтобы начальниками были назначены совершенно партийные люди, которые не останавливались ни перед чем, поддерживали дисциплину в войсках и карали по всей строгости военного времени, прежде всего тех членов своих отрядов, которые оказались бы виновниками в мародерстве и грабежах. *Ленин*»[1].

Так, уже в первых числах мая Совнарком принял решение об объявлении на военном положении трех основных железнодорожных линий вокруг Царицына (Царицын—Тихорецкая, Царицын—Лихая и Царицын—Борисоглебск).

Еще более напряженным стало положение Царицына после занятия Ростова и Новочеркасска немцами совместно с донской контрреволюцией. Правительство Донской советской республики со своими вооруженными отрядами эвакуировалось из Ростова в Царицын. Эвакуация в Царицын происходила по директиве т. Орджоникидзе, который с 7 апреля 1918 г. находился в Ростове, являясь, согласно постановлению Совнаркома, чрезвычайным комиссаром Южного района. Чрезвычайный комиссариат Южного района, во главе которого стоял т. Орджоникидзе, объединял деятельность Крыма, Донской области, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа до Баку. Целью комиссариата, как говорилось в постановлении Совнаркома за подписью Ленина и Сталина, являлось «неуклонное проведение директив Центральной Советской Власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение Советской Власти в районе своей деятельности, поддержание прямой связи областей с Советом Народных Комиссаров»[2]. После захвата Ростова белыми т. Орджоникидзе, последним оставляя Ростов, отступил со своими эшелонами, с ростовскими красногвардейскими отрядами на Батайск, а затем на Тихорецкую и через Тихорецкую в Царицын.

В это же время в Царицын переехал из Ростова Чрезвычайный продовольственный комитет юга России (так называемый Чокпрод). Чокпрод был организован в начале 1918 г. Сначала его контора находилась в Харькове, осуществляя там общее руководство заготовками хлеба на Украине. После оккупации

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 7, д. 10, л. 20.
[2] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. 70, ч. II, л. 1.

Украины немцами Чокпрод эвакуируется в Ростов, а потом в Царицын.

8 мая уполномоченный Чокпрода сообщил в Наркомпрод Цюрупе, что в «связи событиями в Ростовском районе поезда Кавказ—Ростов не ходят. Вчера прибыл [из] Ростова Якубов Телтяпин заявлению которых работа там заготовке хлеба, товарообмен невозможны все продовольственные грузы, товары оттуда переотправляются Царицын, где временно открываем центральную контору Чокпрода»[1].

Таким образом, в результате захвата белыми Ростова центр тяжести и военных операций и операций по снабжению страны хлебом естественно был перенесен в Царицын.

Приехав в Царицын 9 мая, т. Орджоникидзе застал там очень тяжелую обстановку. Буквально дня через 2—3 после его приезда—12 мая 1918 г. в городе вспыхнуло контрреволюционное восстание. Вместе с отступавшими с Украины революционными советскими войсками (под напором германо-гайдамацких частей) отступили и различные «анархические», «самостийные» отряды и отрядики, после эвакуации Ростова сгруппировавшиеся в Царицыне. К концу первой недели мая в Царицыне и около Царицына скопилось большое количество разных отрядов и воинских грузов. Многие отряды состояли просто из дезертиров, «анархистов» и мародеров. К таким отрядам и принадлежал прибывший в начале мая и остановившийся на ст. Царицын-Владикавказская Украинский полк Петренко и на ст. Ельшанка так называемый отряд «сибирских анархистов». Царицынскому штабу обороны удалось частично разоружить «сибирских анархистов».

На помощь разоруженным «сибирским анархистам» пришел полк Петренко, который привез много награбленных ценностей. Эти ценности и деньги полк Петренко отказался сдать в царицынский банк, и 12 мая полк, присоединив к себе «сибирских анархистов», восстал и захватил ст. Царицын-Владикавказская.

В отчете военного комиссара Царицынского совета сообщались следующие подробности о восстании 12—13 мая:

«После захвата восставшими ст. Царицын-Владикавказская, «штаб обороны» принужден был начать военные действия. К ночи 11-го цепи пехоты расположились за Царицей в районе 2-й пожарной части, а утром 12-го начато было наступление. Противник засел на станции, за валом ж.-д. линии и по Дар-Горе, Советскими войсками командовал Тулак...[2]

Противник открыл дружный огонь, забарабанили пулеметы...

От штаба обороны выехало на фронт 2 легких броневых автомобиля, потом советский тяжелый броневик и сразу заста-

---

[1] ЦАОР, ф. 1943, оп. 1, д. 19 б, л. 4.

[2] Тулак командовал в апреле 1918 г. войсками Царицынского фронта. В декабре 1918 г. был зверски убит кулаками в селе Крестах Астраханской губернии.

вили замолчать несколько пулеметов. У противника тоже выступил на платформе тяжелый броневой автомобиль.

После полудня от противника полетели первые снаряды»[1].

Город обстреливался пулеметным и орудийным огнем. Но к ночи с 12 на 13 мая мятеж Петренко был подавлен силами царицынских отрядов Красной гвардии и прибывшими из окружающих деревень частями. 14 мая в «Борьбе» был опубликован от имени Царицынского совета и штаба обороны приказ, в котором говорилось:

«Мятеж ликвидирован.

Шайки грабителей разоружены и задержаны. Народное имущество отобрано.

Посему предписываем всем фабрично-заводским предприятиям, торгово-промышленным учреждениям, банкам, почте и казначейству немедленно приступать к работам и вернуть город в нормальное его положение»[2].

В подавлении восстания полка Петренко руководящую роль сыграл т. Орджоникидзе. «Из наших желанных гостей,—говорил в своем докладе военный комиссар Царицына,—обороне города большую услугу оказали товарищи Орджоникидзе и Бакинский»[3].

О восстании Петренко т. Орджоникидзе в день начала восстания, 12 мая, лично сообщил в Москву по прямому проводу:

«Возвращающиеся банды с Украинского фронта не раз угрожали городу разгромом и разграблением. 12 мая отряд Петренко в количестве 1 000 человек, захвативший 1½ миллиона денег и на 3 миллиона ценностей с фронта, на требования местного совдепа сдать в банк ценности и деньги, а оружие совдепу, открыл орудийный и пулеметный огонь по городу. Приняты самые решительные меры к разоружению банд Петренко»[4].

Мятеж Петренко и «сибирских анархистов» был подавлен. Но это восстание показало, что в городе имелись контрреволюционные силы, которые готовились изнутри помочь приходу красновских банд. Несколько недель спустя в городе возник другой, имевший более серьезные последствия, контрреволюционный заговор, центром которого являлся штаб Северокавказского военного округа в лице засевших там ставленников Троцкого—начальника штаба предателей генерала Носовича, полковника Чебышева (начальник артиллерийского управления) и других.

27 мая, как сообщала «Борьба», штаб Северокавказского военного округа прибыл в Царицын и приступил к работе. Но то, что в штабе в большинстве сидели предатели и изменники, еще более усугубляло тяжелое положение города.

Главным организатором контрреволюционной работы в го-

---

[1] «Борьба», Царицын, № 111 от 15 мая 1918 г.
[2] «Борьба», Царицын, № 110 от 14 мая 1918 г., стр. 1.
[3] «Борьба», Царицын, № 112 от 16 мая 1918 г., стр. 2.
[4] ЦАОР, ф. 130, оп. 8, д. 156, л. 48.

роде с этого времени (со времени организации штаба Северо-кавказского военного округа) стал начальник штаба СКВО генерал Носович. Носович, не сумев пробраться на Дон к Каледину, связался в Москве с контрреволюционным «Союзом защиты родины и свободы», непосредственно с Борисом Савинковым. Став одновременно на учет в Высшем военном совете, Носович «установил контакт» с контрреволюционерами, засевшими там благодаря Троцкому.

Дальнейший ход событий Носович подробно изложил в докладной записке Деникину, когда в ноябре 1918 г. ему удалось перебежать к белым.

«...Я, по собственному почину, отправился во французскую миссию к ген. Лавернь и в нескольких продолжительных беседах установил с ним связь на предмет будущих действий. Как сказано выше, я оказался в орбите высших военных большевистских властей, вместе с тем в контакте с французской миссией и штабом Московского отдела добровольческой армии.

Учитывая мои связи в Высшем военном совете, штаб отдела, разбирая вопрос об использовании меня, поставил на очередь три вопроса:

1. Непосредственная посылка меня в добровольческую армию.

2. Поручение мне организации центра восстания в одном из поволжских городов, где предполагалось создать целую сеть очагов сопротивления.

3. Использовать меня на предмет проникновения в центр большевистских военных организаций, с задачей активного саботажа.

Предложение мне места начальника штаба Северокавказского военного округа, который предполагалось первоначально расположить в гор. Царицыне, счастливо совмещало в себе две последние задачи».

Таким образом, в Царицын Носович поехал по прямому заданию французской военной миссии—генерала Лавернь и московского отдела «добровольческой» армии—для организации там контрреволюционного мятежа. В конце мая Носович приехал в Царицын, и приехал не один. Он привез с собой полковников Ковалевского, Чебышева и др., занявших при его содействии высшие военные должности в штабе Северокавказского военного округа. Так, в мае в Царицыне назревал контрреволюционный заговор, который был раскрыт и предупрежден только благодаря исключительной прозорливости товарища Сталина.

Ко времени начала работы штаба Северокавказского военного округа враг все ближе и ближе подходил к городу.

23 мая белоказаки заняли станцию Чир, а красные части отступили на левый берег Дона, к Кривой Музге (в 40 верстах от Царицына). В своем донесении главнокомандующему Тулаку от 24 мая комендант станции Чир сообщил следующие подробности о сдаче станции. 22 мая белые начали обстрел находящихся в Чиру красных частей со стороны Донского

моста. «Они, кадеты,—рассказывал комендант ст. Чир,—били по мосту и около моста. В это время показался дым, я понял, что нам хотят отрезать путь. Мы поехали (на броневике.—*Э. Г.*) по направлению к Чиру, отстреливаясь по кустам из пулеметов и орудий; проехавши мост, мы увидели, как они из-под моста с криком «ура» бросились на мост, к тому месту, где был караул, но караула не было. Они начали поливать мост керосином... В час ночи мне донесли, что броневик «Запорожец» свалился с рельс и паровоз сошел тремя скатами с пути. Тут начала создаваться паника... Снаряды рвались около станции, через пути и на путях, один попал в пакгауз... Пули жужжали, как пчелы, снаряды рвались беспрерывно...» [1]

В 4 часа утра 23 мая был дан приказ об отступлении. Царицынские отряды отступили на левый берег Дона, сначала к Ляпичеву, а потом к Кривой Музге.

В заключение своего рапорта комендант ст. Чир сообщил: «в Ляпичеве я по телефону узнал, что донской мост уже взорван» [2].

Таким образом, 23 мая красные части отступили к Кривой Музге, и железнодорожная линия Лихая—Чир, как и Донской мост были отрезаны от Царицына; связь по этой линии прервалась.

Так складывалась обстановка в западном направлении вдоль Донецкой дороги. Здесь враг в конце мая был всего лишь в 40 верстах от Царицына.

Не лучше обстояло дело и в другом направлении—на северо-западном участке Качалино—Иловля (Поворинское направление). 24 мая командующий этим участком Межевых, прибывший с отрядом красногвардейцев из Ростова, сообщал в Царицын: «...вверенный мне отряд, состоящий из 190 человек пехоты и 36 всадников, прибыл на ст. Качалино, где соединился с отрядом 5-го стрелкового Царицынского полка для совместных действий против кадетских банд, занявших правый берег Дона, от станицы Трехостровянской до хутора Хлебного... Не имея в своем распоряжении артиллерии, я вначале всю деятельность соединенного отряда направил исключительно в сторону охраны полотна ж. д. на участке Качалино—Иловля» [3]. Таким образом, и на северном участке белые вплотную подошли к Дону у станицы Трехостровянской и хутора Хлебного, но на левый берег Дона еще не переправились. На юге по линии железной дороги Царицын—Тихорецкая в конце мая бои шли у станиц Нагавской и Курмоярской около Котельниково. На южном участке положение к концу мая усугублялось тем, что в это время главнокомандующий войсками Северного Кавказа Автономов начал борьбу против чрезвычайного штаба на Кубани. 19 мая штаб принял постановление о том, что в связи с утвер-

---

[1] ЦАКА, д. 12—718, л. 30.
[2] *Там же.*
[3] *Там же*, л. 8.

ждением генерала Снесарева военным руководителем Северо-кавказского военного округа Автономов от командования войсками на Северном Кавказе отстраняется. Автономов отказался подчиниться этому постановлению, уехал из Екатеринодара в Тихорецкую, откуда повсюду рассылал телеграммы, предлагая арестовать членов чрезвычайного штаба, угрожая походом на Екатеринодар и т. д. Этот конфликт еще более усложнил обстановку на юге. Спас положение на этом участке т. Орджоникидзе, который числа 26—27 мая выехал из Царицына в Екатеринодар для участия в работах Чрезвычайного съезда советов Кубано-Черноморской республики с представителями фронтовых и иных воинских частей.

Тов. Орджоникидзе поехал на съезд по специальному поручению Совнаркома.

27 мая Ленин и Сталин послали следующую телеграмму в Екатеринодар фронтовому съезду, ЦИК Кубанской области и т. Орджоникидзе:

«Совет народных комиссаров шлет братский привет фронтовому съезду и всем представленным там полкам, геройски отстаивающим советскую родину. Совнарком не сомневается, что перед лицом врагов, внешних и внутренних, кующих цепи для трудовых масс, съезд с честью отстоит единство и нерушимость революционных сил Черноморья, Кубани, Дона. Назначая Орджоникидзе нашим представителем на съезде, поручаем ему передать наш горячий привет всем славным борцам-воинам, кровью своей закрепляющим свободу и независимость Советской России.

Ленин Сталин.

№ 221. Москва. 27 мая 1918 г.»[1]

В ответ на эту телеграмму т. Орджоникидзе телеграфировал из Екатеринодара Ленину и Сталину:

«Инцидент с Автономовым окончательно ликвидирован. Автономов сложил свои полномочия. Временно на его место чрезвычайным съездом назначен Калнин. Окончательное решение о назначении главнокомандующего предоставлено вам. Если Снесарев является только специалистом руководителем, подтвердите назначение Калнина. Автономов по сдаче главнокомандования выезжает в Москву. Съезд проходит великолепно. Наша резолюция о текущем моменте принята шестьюстами двенадцатью голосами. За резолюцию левых с. рев. подано двести тридцать четыре... Орджоникидзе»[2].

Приехав в Царицын из Екатеринодара в первых числах июня

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 14, д. 3, л. 27. Телеграмма напечатана на бланке Народного комиссариата по делам национальностей, и на ней стоит печать Наркомнаца.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 24, ч. 1, л. 155. На телеграмме ошибочно проставлена дата 20 мая, когда т. Орджоникидзе в Екатеринодаре не было; по всем данным, телеграмма послана в последних числах мая.

1918 г., т. Орджоникидзе 3 июня телеграфировал в Наркомпрод Цюрупе дополнительные данные о съезде:

«3 Чрезвычайный съезд Кубано-Черноморской республики принял ряд решительных мер для снабжения хлебом голодающие губернии. Царицын. *Орджоникидзе*» [1].

Таким образом, поездка т. Орджоникидзе в Екатеринодар ликвидировала инцидент с Автономовым. По предложению т. Орджоникидзе, съезд решил принять меры для обеспечения хлебом голодающих губерний.

Но улучшение положения на юге не могло изменить коренным образом обстановку, сложившуюся к концу мая в Царицыне. Реальная опасность угрожала в это время Царицыну больше всего с севера и со стороны линии Лихая—Чир. А именно по северной ветке должен был итти хлеб в Москву и Петроград. Кроме того, нужны были решительные меры для того, чтобы организовать вывоз хлеба с Кубани. Еще до отъезда в Екатеринодар, 23 мая, т. Орджоникидзе с тревогой сообщал Ленину о тяжелом положении Царицына:

«Положение здесь неважное,—телеграфировал он из Царицына,—нужны решительные меры, а местные товарищи слишком дряблы, всякое желание помочь рассматривается как вмешательство в местные дела. На станции стоят шесть маршрутных поездов с хлебом в Москву и не отправляются... Еще раз повторяю, что нужны самые решительные меры—вокруг Царицына бушует контрреволюция» [2].

Тов. Орджоникидзе одновременно намечал ряд мероприятий, которые могли бы хоть несколько улучшить положение города. На чрезвычайном заседании штаба обороны 25 мая т. Орджоникидзе сделал доклад об очередных задачах обороны города.

«Докладчик говорит,—передается его речь в протоколах штаба обороны,—что у нас обстоит не так, как нужно, указывает на занятие Чира, Калача и т. п. бандами контрреволюционеров, указывает на организованность контрреволюционеров, которые наступают на Царицын со всех сторон, предлагает всем имеющимся советским войскам слиться в одно целое и создать план организации» [3].

На этом заседании штаба обороны т. Орджоникидзе внес предложение об объединении всех существующих в Царицыне военных штабов в единый орган для создания единого военного руководства. Это предложение т. Орджоникидзе было принято, и создана комиссия для его реализации.

Протокол заседания штаба обороны наглядно показывает, какая неразбериха в эти опаснейшие для Царицына дни суще-

---

[1] ЦАОР, ф. 1943, оп. 1, д. 19 б, л. 68.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 2, д. 26, 1918, л. 12.

[3] «Серго Орджоникидзе в Царицыне и Сталинграде», Сталинград 1937 г., стр. 56.

Г. К. ОРДЖОНИКИДЗЕ

ствовала в органах военного руководства. Тов. Орджоникидзе пытался положить этому предел, но вскоре уехал в Екатеринодар, и обстановка резко изменилась только тогда, когда товарищ Сталин приехал в Царицын.

О том, какое напряженное положение создалось к концу мая в Царицыне, особенно ярко свидетельствовало заседание Царицынского совета от 26 мая, целиком посвященное положению на фронте.

Председатель исполкома совета т. Ерман, вскоре убитый белогвардейцами, сделал сообщение о тяжелом положении города, об оставлении Чира красными частями и отступлении к Кривой Музге. Он призывал царицынский пролетариат вступить в ряды Красной Армии, говорил об обращении Царицынского совета к революционному крестьянству окружающих деревень с призывом притти на помощь осаждаемому белогвардейцами городу.

«Революционный город Царицын в опасности,—говорилось в резолюции, принятой советом на этом заседании,—офицерские и помещичьи банды, соединившись с германскими контрреволюционерами, ведут планомерное наступление на рабоче-крестьянскую Россию, стремясь вернуть землю помещикам, власть буржуазии. Царицынский совет РСК и КД требует от всех сознательных рабочих и крестьян немедленного вступления в ряды армии для защиты города и спасения революции, для окончательной победы над буржуазией, для укрепления социалистического строя в России»[1].

«Революционный город Царицын в опасности»,—вот какими словами Царицынский совет буквально за несколько дней до приезда товарища Сталина характеризовал положение города. Кольцо вокруг Царицына суживалось. План белых был, казалось, близок к осуществлению. Город был переполнен контрреволюционерами всевозможных мастей. Нет единого командования, отряды действуют разрозненно. Вооруженные силы Царицына невелики, в штабе СКВО засели предатели. Казалось, еще один-два удара—и Красный Царицын падет, падет оплот пролетарской революции на юге. Москва и Петроград будут отрезаны от хлеба, от продовольствия, от топлива для фабрик и заводов.

Только чрезвычайные меры могли спасти Царицын и вместе с ним весь Южный фронт гражданской войны. Только приезд товарища Сталина в Царицын решил вопрос обороны города и предопределил разгром красновской контрреволюции.

3. Героический поход Ворошилова Донбасс—Царицын

Огромное значение для судеб Царицынского фронта имел тот факт, что почти одновременно с решением Совнаркома о поездке товарища Сталина в Царицын к Дону подошли отступавшие из Донбасса части украинских армий т. Ворошилова.

[1] Сталинградское архивное управление. Протоколы Царицынского совета за 1918 г. Заседание Исполкома совета от 23 мая 1918 г.

В своей автобиографии, написанной в 1925 г., т. Ворошилов следующим образом характеризовал этот период своей деятельности:

«Военную работу начал с отряда, организованного в 1918 г. и в марте под моим командованием дравшегося с оккупационными немецкими войсками. Вскоре был назначен командиром 5-й Украинской армии, а затем командовал отрядами, отходившими под напором немецких войск с Украины на Волгу и к Царицыну»[1].

Тов. Ворошилов, любимый вождь и руководитель рабочих Луганска и всего Донбасса, при первом известии о приближении немцев к Украине обратился с призывом к шахтерам и металлистам Донбасса создать вооруженную силу для борьбы с интервентами.

Вскоре был создан 1-й луганский социалистический отряд, который под командованием т. Ворошилова выступил на борьбу с белогвардейцами и интервентами. В боях под Купянском, Сватовом, Лисичанском, Камышевахой, Родаковым и т. д. ворошиловский отряд нанес ряд поражений немцам. 15 апреля 1918 г. т. Ворошилов был назначен командующим 5-й Украинской армией.

Весь апрель 5-я Украинская армия т. Ворошилова вела ожесточенные бои с немцами в районе Родаково—Луганск—Миллерово и к концу апреля отступила на ст. Миллерово.

29 апреля из Миллерово т. Ворошилов, Артем и др. телеграфировали Ленину о том, что 5-я армия отошла на территорию Донской республики, что эшелонами забита вся линия Зверево—Лихая. В телеграмме ставился вопрос о необходимости принять меры к охране ст. Чертково, потому что Чертково являлось единственным путем к отступлению на Воронеж и единственной связью с Москвой. Тов. Ворошилов просил сообщить о плане демобилизации революционных войск и о дальнейших задачах[2].

Но в день посылки этой телеграммы, 29 апреля, станция Чертково была занята немцами. В создавшихся условиях для армии т. Ворошилова оставался один путь отхода на Лихую и через Лихую к Царицыну. Этот поход сыграл решающую роль в судьбе Царицына. Но трудности его были огромны, и не будь Ворошилов во главе армии, планомерное и организованное отступление на Царицын было бы вообще невозможно. 30 апреля части т. Ворошилова вступили в станицу Каменскую (ныне город Каменск). Станица Каменская еще с начала 1918 г. стала центром формирования революционных казачьих частей. Именно здесь в январе 1918 г. происходил съезд фронтовых казаков, объявивший советскую власть на Дону и создавший Донской ревком во главе с Подтелковым.

[1] *К. Е. Ворошилов*, Автобиография. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, ч. I. Приложение, стр. 96.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 10, л. 111.

Революционными отрядами станицы Каменской командовал Е. А. Щаденко. Когда части Ворошилова вступили в Каменскую, отряды Щаденко влились в состав Украинской армии и вместе с т. Ворошиловым совершали в боях дальнейший переход к Царицыну.

В первых числах мая части т. Ворошилова вступили в Лихую. На станции Лихая произошло большое сражение. Немцы и белоказаки прилагали все усилия, чтобы отрезать армии т. Ворошилова путь к отступлению и на Воронеж через Чертково и на Царицын через Лихую. Но армия Ворошилова прорвалась от Лихой на Белую Калитву, и дальше ей открылся путь на Царицын.

Путь на Царицын... Что представлял этот путь в мае 1918 г.? Позади были немцы, впереди—восставшие белоказаки. Надо было провести армию через Донскую область, через вражеские восставшие станицы, в непрерывных боях с белыми генералами. В Лихой части 5-й армии т. Ворошилова встретились с отступавшими со стороны Лозовой—Славянска—Никитовки частями 3-й Украинской армии. Огромный интерес представляет самый состав Украинской армии т. Ворошилова. Наряду с 1-м луганским социалистическим отрядом, состоявшим из *луганских* металлистов, здесь были отряды *донбасских* шахтеров, *харьковских* рабочих, *Полтавский* отряд, *Изюмский* отряд, *Киевский* отряд, *Одесский* отряд (в состав его входили черноморские моряки и одесские грузчики), *Нежинский* отряд и т. д. В Каменской в армию т. Ворошилова влились отряды иногородних и революционного казачества, под Белокалитвенской—отряд богураевских горняков, и так на всем пути следования к Царицыну присоединялись все новые части. Но все эти части не представляли еще регулярной армии. Много было анархически настроенных отрядов и отрядиков, которые не подчинялись дисциплине, не признавали общего руководства и т. д.

Вместе с рабочими отступали их семьи—дети, старики, женщины, с самоварами, подушками, перинами, пеленками, с домашним скарбом.

В этом и заключалась огромная трудность перехода Донбасс—Царицын.

«Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей,—писал т. Ворошилов,—и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Деникиным и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины»[1].

Вся армия т. Ворошилова двигалась в эшелонах по железно-

---

[1] *К. Е. Ворошилов*, Автобиография. Энциклопедический словарь «Гранат», т. 41, ч. I. Приложение, стр. 96.

дорожному пути. Свыше 80 эшелонов—3 тыс. вагонов, больше чем 30-тысячная армия бойцов с их семьями растягивались на 20 километров в пути. В непрерывных боях эшелоны проходили 3—5 километров в день. Все водокачки были разрушены. Воду к паровозу подавали конвейером в ведрах от какого-нибудь ближайшего колодца. Рельсы на пути большей частью были взорваны. Белые применяли особый способ уничтожения железнодорожного пути: запрягали несколько пар быков и верблюдов и стягивали в сторону рельсы вместе со шпалами. Это приводило в негодность часть рельсов. Приходилось брать рельсы, находящиеся сзади, и переносить их вперед. На каждой станции шли ожесточенные бои. Белоказаки пытались во что бы то ни стало отрезать путь ворошиловской армии на Царицын, захватить ее в мешок, из которого нет выхода. В таких условиях происходил почти что 700-километровый 2-месячный переход с Украины через Донбасс к Царицыну. С самого начала т. Ворошилов со всей ясностью поставил перед командным составом вопрос о трудностях перехода, он решительно разоблачал точку зрения тех, кто смотрел на поход к Царицыну, как на передышку. Воюя, сражаясь, шли к Царицыну не для передышки, а для новой войны, для того, чтобы оттуда завершить разгром донской армии Краснова. Оборона Царицына—это оборона подступов к Москве—так с самого начала ставил вопрос т. Ворошилов. В этом он видел смысл всего героического перехода. Для того чтобы выполнить эту задачу, делалось все возможное и невозможное. На ходу, в непрерывных боях сколачивалась, переформировывалась, дисциплинировалась армия бойцов.

В середине мая армия т. Ворошилова вступила в станицу Морозовскую. Это была революционная станица, которая в течение долгих месяцев вела борьбу с казачьей контрреволюцией. Тут сохранилась советская власть и были созданы морозовские революционные отряды из рабочих железнодорожников и казачьей бедноты. Со стороны станицы Каменской в Морозовскую вместе с частями т. Ворошилова подошли революционные отряды под командованием т. Щаденко. Тов. Ворошилов помогал оружием этим морозовско-донецким частям (из которых в будущем сформировалась Морозовско-донецкая дивизия 10-й армии). Он резко ставил вопрос об очищении особенно морозовских отрядов от пробравшегося в них кулачья, требовал изгнания партизанщины, установления твердой дисциплины в частях и т. д. Морозовцы дальше своей станицы двигаться не хотели, отказывались от похода на Царицын. Только тогда, когда армия т. Ворошилова отошла от Морозовской к Дону в направлении на Царицын, морозовские части под давлением белоказаков оставили станицу и присоединились к т. Ворошилову около Чира.

Армия т. Ворошилова не только наносила удары донской контрреволюции, громя ее в ожесточенных боях, не только

отдаляла и затрудняла возможность захвата Царицына белыми, но и способствовала сплочению сил всех революционных элементов Дона.

Во время пребывания войск т. Ворошилова в станице Морозовской произошла реорганизация и переформирование частей 3-й и 5-й Украинских армий. Было созвано совещание командиров 3-й и 5-й армий, на котором т. Ворошилов резко поставил вопрос о создании единого военного руководства армиями. Это предложение т. Ворошилова было принято единогласно, и командующим был утвержден т. Ворошилов.

Создание единого командования, переформирование частей, борьба за дисциплину, непрерывные бои и грозная опасность сплачивали, закаляли бойцов. В пути из деморализованных, изнуренных, недисциплинированных отрядов вырастала боеспособная армия, покрывшая себя неувядаемой славой под Царицыном.

Трудности при приближении к городу не уменьшались, а увеличивались. Сопротивление донской контрреволюции, пытавшейся во что бы то ни стало отрезать армию т. Ворошилова от Царицына, росло по мере приближения красных частей к Дону.

Покинув в 20-х числах мая Морозовскую, передовые ворошиловские эшелоны двинулись по направлению к Обливской и Суровикино. И тут произошел трагический эпизод, ярко показывающий всю остроту и ожесточенность борьбы.

После выступления из Морозовской для восстановления пути и связи с Царицынским советом был послан бронированный поезд и несколько эшелонов с войсками.

Когда путь был восстановлен, штаб украинских войск отправил на Царицын санитарный поезд с ранеными и больными красноармейцами.

22 мая вечером санитарный поезд прибыл на станцию Суровикино, где помощник начальника станции, оказавшийся изменником и предателем, задержал поезд, заявив, что дальше двигаться опасно, отцепил паровоз и поставил поезд в тупик. Утром 23 мая белоказаки напали на станцию Суровикино и зверски расправились с тяжело ранеными красноармейцами...

Очевидцы передавали ужасные сцены.

Было убито, точнее добито, 53 человека... Весь поезд был разграблен... Раненых выбрасывали из вагонов и тут же на месте рубили шашками. Тяжело раненых били плетьми.

Но во время этой зверской расправы подоспели красные части под командованием т. Ворошилова, и белые были отогнаны [1].

Так шло продвижение частей Ворошилова от Морозовской до Чира.

В начале июня армия т. Ворошилова повела наступление на станцию Чир. После ожесточенных боев станция Чир была

---

[1] См. об этом эпизоде в «Правде» от 30 июня 1918 г. № 132. Статья «Истребление раненых (Что делают красновские банды на Дону)».

занята красными частями, а белоказаки отступили на юг к станице Нижне-Чирской. У станции Чир находился огромный, почти в 600 метров длиной железнодорожный мост через Дон. После отступления 23 мая царицынских частей от Чира железнодорожный Донской мост был взорван. Подойдя к Донскому мосту, ворошиловская армия остановилась—дальше двигаться было невозможно. Вследствие взрыва моста путь на Царицын был отрезан. Сзади, со стороны Суровикино, наступали белые, ударяя в хвост двигавшимся к Чиру эшелонам. Спереди взорванный Донской мост, а за ним, между Чиром и Кривой Музгой, путь занимали белоказаки. Связи с Царицыном не было. Армия Ворошилова была почти у цели, но вся она находилась во вражеском кольце: и со стороны Суровикино и со стороны Нижне-Чирской и Ляпичева наступали белые.

Взорванный мост вызвал растерянность у некоторой части бойцов и командного состава.

Восстановить мост и провести по нему эшелоны казалось делом почти невозможным. Некоторые под воздействием контрреволюционной агитации начали панически требовать оставить эшелоны, весь военный груз, все ценное имущество и попытаться походным порядком, отыскав переправу, двигаться к Царицыну. Отдельные, так называемые «летучие отряды», не подчиняясь дисциплине, попытались на лодках переправиться на левый берег Дона, но около Ляпичева их окружила кавалерия белых, и только посланная им на помощь поддержка спасла их от неминуемого разгрома. Другие требовали двигаться назад и прорваться опять к Украине.

Тяжесть положения еще более усугублялась тем, что со стороны Царицына не было оказано ворошиловским частям никакой помощи. Царицынские отряды оставили Чир буквально за несколько дней до подхода к нему украинских армий (23 мая царицынские части отступили от Чира на левый берег Дона, к Ляпичеву, а затем Кривой Музге, а в начале июня Чир был занят ворошиловскими частями)[1]. Царицынские отряды дрались в это время около Кривой Музги и Калача, не пытаясь прорваться обратно к Дону и разорвать кольцо, которое со всех сторон окружало украинские армии. В Царицыне вследствие предательской позиции Минина определенно тормозили подход частей Ворошилова. С трудом пробравшиеся в Царицын обходным путем представители украинских эшелонов (Артем и др.) встретили там со стороны Минина более чем холодный прием.

В разговоре по прямому проводу с Москвой Минин 23 мая сообщал:

«За последнюю неделю через Лихую—Зверево, по Донецкой линии, на Чир пробились пятьдесят семь эшелонов, 4 броневых поезда, требующих ремонта, 4 с продовольствием, 4 с бежен-

---

[1] В оперативной сводке от 12 июня 1918 г. указывалось, что частями т. Ворошилова заняты ст. Чир и Донской мост.

цами, несколько с грузами и эшелонов 40 разных отрядов и остатков армии. Есть там революционные части, но есть и ненадежные, мародерские, везущие с собой разное добро; было опасение, что эти эшелоны расстроят наш фронт и внесут анархию в город»[1].

Итак, Минин «высказывал опасение», что прибывающие эшелоны «расстроят наш фронт и внесут анархию в город». А между тем он не мог не знать, что во главе эшелонов идут известный партии руководитель луганских рабочих, участник IV и V съездов партии—т. Ворошилов, член ЦК партии т. Артем и ряд других крупнейших работников Донецко-Криворожской советской республики.

Мало того. Совершенно очевидно было, что подход ворошиловских частей спасал Царицын от захвата его белыми. После отступления к Кривой Музге царицынские отряды собственными силами не смогли бы отстоять город при условии концентрированного наступления противника. Но вся активность белоказаков после подхода Ворошилова была сосредоточена в направлении к Чиру. Это спасло город от концентрированного удара белоказаков в мае—июне 1918 г.

Какой же выход из создавшегося положения был найден т. Ворошиловым?

Восстановить мост во что бы то ни стало и провести через него все эшелоны, ничего не оставляя противнику,—таково было решение. Был отдан приказ и распространено обращение т. Ворошилова к бойцам, в котором говорилось о необходимости восстановить мост. В части были посланы для агитации лучшие представители армии: Пархоменко, Дышловой, Кулик и др.

Было решено Дон бутить. Это был единственный возможный в тех условиях выход.

Тов. Ворошилов долго беседовал с железнодорожным сторожем, который говорил о бездонной глубине Дона в этом месте, о том, что бутить Дон невозможно, что быстрым течением «все унесет аж в Ростов».

«У большевиков выйдет, поедем по мосту и тебя, отец, покатим»[2],—уверенно и твердо ответил ему командарм Ворошилов.

В первой половине июня начались земляные работы. Вначале было много неразберихи, шума, беспорядка. Много людей стояло без дела. А противник в это время из орудий обстреливал работающих. Постепенно были введены смены. Порядок был установлен. Одни работали, другие вели борьбу с наступавшим противником. У окрестного населения были мобилизованы лопаты, пилы, топоры, мотыги, ломы, подводы с лошадьми и т. д.

«В этот день (первый день работы.—*Э. Г.*),—описывает ход работ один из участников похода,—мы начали Дон бутить.

Весь день возили к мосту на подводах, носили на носилках,

---

[1] ЦАКА, ф. РВСР, д. № 119—332.

[2] Материалы секретариата ИГВ, Инвентарный № 7281, стр. 110.

ведрами и в подолах передников и юбок землю, песок и камни, обливались пóтом, изнемогали, но упорно и настойчиво копались в земле, непримиримо боролись с бушующей стихией воды, уносившей бесследно наш труд в бездну.

Весь этот день т. Ворошилов был у моста, руководил, организовывал работу и сам, наряду с другими, носил землю, песок и камни.

Во второй половине дня работа пошла значительно организованней и дружней... Надо было забутить Дон на пять саженей от берега, и только тогда можно было приступить к восстановлению моста».

«Шесть суток днем и ночью с лопатами в руках мы штурмовали Дон и сопку почти безрезультатно. Начали изощряться, всячески приспосабливаться, спускать в воду плетни, бороны, сцепления бревен. Работа начала заметно подаваться. А противник ни на минуту не выпускал из виду моста, его артиллерия ежедневно посылала на мост тучи снарядов. Разрываясь в воде, они глушили массу рыбы, которой заполнялись котлы кухонь наших частей... от разрыва попадающих в реку снарядов рыба белыми брюшками покрывала воду и тут начиналась ловля... никакие предостережения не действовали. Рыба нужна...

...После двенадцатидневной упорной борьбы Дон начал заметно бутиться... Воспрянули духом. Удесятерились силы, и темпы значительно поднялись. Все сильней и сильней напирали, и сопка сдалась. Мы на третьей неделе работы ее сдвинули, перенесли в русло Дона, разровняли ее на пять саженей площадью от берега, и фундамент для возведения верфи был готов. Эта победа была у нас самым торжественным праздником»[1].

Но и это было не все. Надо было срубить и уложить клети из бревен, скрепить их и затем проложить железнодорожную линию по мосту. Было организовано целое подсобное производство. Наконец, и эта часть работы была закончена. Затаив дыхание, все следили за бронепоездом, который первым медленно прошел по мосту. Артиллерия противника в эти последние дни и ночи работы особенно упорно обстреливала части Ворошилова. Но ничто не помогло. Мост был построен. Труднейшая, на первый взгляд почти невыполнимая задача была доведена до конца.

Сразу же после восстановления моста по приказу т. Ворошилова начали двигаться к Царицыну все ворошиловские эшелоны. Под Ляпичевом, под Музгой, под Карповкой—всюду шли ожесточенные бои. Но кольцо белых было разорвано. 22 июня т. Ворошилов приехал в Царицын. В начале июля к Царицыну подошла вся армия. В Царицыне т. Ворошилов встретился с товарищем Сталиным. Приехав в Царицын 6 июня—в момент, когда ворошиловские части подошли к Дону, товарищ Сталин сразу же установил связь с Ворошиловым и организовал актив-

---

[1] Материалы секретариата ИГВ. Инвентарный № 7281, стр. 111, 113—115.

ную поддержку украинским частям со стороны Царицына. Это ускорило подход ворошиловской армии к Царицыну. И как раз во-время: с середины июля активизация противника вокруг Царицына особенно усилилась.

4. Приезд товарища Сталина в Царицын

В свете обстановки, сложившейся вокруг Царицына к концу мая—началу июня 1918 г., понятным становится решение Совнаркома о поездке товарища Сталина в Царицын.

29 мая 1918 г. в протоколе № 127 заседания Совета народных комиссаров было записано:

«Слушали:

О делегировании члена Совета народных комиссаров на Северный Кавказ и в Царицын для объединения деятельности по продовольствию на юге России.

Постановили:

Делегировать тов. Сталина в качестве общего руководителя продовольственным делом на юг России»[1].

31 мая «Правда» рядом с воззванием Совнаркома к казачеству, рядом с обращением о борьбе с голодом, рядом с призывом о создании продовольственных рабочих отрядов опубликовала извещение о поездке товарища Сталина в Царицын.

Мандат товарища Сталина гласил:

«Член Совета Народных Комиссаров, Народный Комиссар Иосиф Виссарионович СТАЛИН назначается Советом народных комиссаров общим руководителем продовольственного дела на юге России, облеченным чрезвычайными правами. Местные и областные совнаркомы, совдепы, ревкомы, штабы и начальники отрядов, железнодорожные организации и начальники станций, организации торгового флота речного и морского, почтово-телеграфные и продовольственные организации, все комиссары и эмиссары обязываются исполнять распоряжения тов. СТАЛИНА.

Председатель Совета народных комиссаров

В. Ульянов (Ленин)»[2].

Только за месяц до этого, 27 апреля 1918 г. Ленин подписал другой мандат на имя товарища Сталина, назначающий его «полномочным представителем Российской Федеративной Социалистической Советской республики для ведения с Украинской Народной Республикой переговоров о заключении договора, начинающихся 28 апреля с. г. в г. Курске, и для подписания такового договора»[3].

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 53, д. I, л. 106, 1918 г.
[2] «Правда» № 107 от 31 (18) мая 1918 г.
[3] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 65.

Товарищ Сталин в конце апреля выехал в Курск и возвратился оттуда в Москву в первых числах мая. 9 мая «Правда» опубликовала беседу с председателем советской мирной делегации тов. Сталиным по вопросу о заключении мира с Украиной. В этой беседе товарищ Сталин говорил о том, что переговоры привели лишь к заключению перемирия и к установлению демаркационной линии.

«Дальнейшее же развитие деятельности нашей мирной делегации затормозилось происшедшим переворотом на Украине, приведшим к упразднению Малой и Большой Рады»[1].

10 и 16 мая товарищ Сталин в Москве руководил совещанием по созыву Учредительного съезда Татарско-Башкирской советской республики. В «Правде» от 18 и 24 мая был опубликован доклад и заключительное слово товарища Сталина о создании Татарско-Башкирской советской республики.

Сразу же после приезда из Курска все внимание товарища Сталина сосредоточилось на вопросах обороны юга России, защиты народов Северного Кавказа и Закавказья от захватнических покушений интервентов и внутренней контрреволюции.

29 мая было принято постановление о поездке товарища Сталина в Царицын, и в тот же день, 29-го, товарищ Сталин вызвал Царицын для переговоров.

«У аппарата Сталин. Я назначен общим руководителем всего продовольственного дела всего юга России, облечен неограниченными правами Совнаркомом, вплоть до подчинения всех без исключения организаций железнодорожных и почтово-телеграфных, военных и политических, продовольственных и торгово-флотских моим распоряжениям. Через два дня выезжаю Царицын. Я хотел бы знать, где Серго, насколько обеспечена линия Царицын—Тихорецкая, какова сила внутренних контрреволюционных банд. Как дело с Автономовым, каковы ваши отношения к упомянутому назначению. Сообщаю, что у меня будут строго дисциплинированные отряды. Жду ответа, дайте исчерпывающе запиской.—*Сталин*»[2].

30 мая товарищ Сталин получил от председателя Чокпрода Якубова, находившегося в Царицыне, ответы на все поставленные вопросы.

Якубов сообщал, что Серго выехал 28 мая в Тихорецкую для переговоров с Автономовым, что линия между Царицыном и Тихорецкой не прервана, а главные силы контрреволюции группируются около Дона. Якубов просил товарища Сталина захватить с собой 20 млн. мелких денежных знаков, которые нужны для усиления заготовок.

Отвечая на запрос товарища Сталина, Якубов, очевидно, одновременно снесся с т. Орджоникидзе, передал ему о скором

---

[1] «Правда» № 88 от 9 мая 1918 г.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 14, д. 3, л. 30. Телеграмма принята от товарища Сталина по телефону в Царицын 29 мая 1918 г.

СОВѢТЪ
НАРОДНЫХЪ КОМИССАРОВЪ.

31 [illegible]

[illegible]

Мандат товарища Сталина о назначении его общим руководителем продовольственного дела юга России.

приезде товарища Сталина и о необходимости вернуться в Царицын. Приехав в Царицын в первых числах июня, т. Орджоникидзе телеграфировал в Москву: «...по приезде Сталина выеду на Кубань»[1].

3 июня 1918 г. товарищ Сталин выехал из Москвы в Царицын, сообщив о своем выезде следующей телеграммой:

«Выезжаю сегодня ночью, третьего июня. Сообщите Серго прибыть Царицын. Еду с большим отрядом.

Нарком *Сталин*»[2].

На следующий день 4 июня товарищ Сталин уже с пути, из Грязей послал первую телеграмму Ленину, сообщая о намечаемых мероприятиях.

«Телеграмма номер первый Москва, Кремль, Совнарком.

ЛЕНИНУ

Четвертого, одиннадцать часов ночи, благополучно прибыл Козлов с отрядом в четыреста пятьдесят штыков. Следую дальше. Обяжите Шляпникова выехать немедленно и взять с собой путейских инженеров, а также дельных рабочих для исправления линии Хасав-Юрт—Петровск и постройки ветви Кизляр—Брянская. Без этого своевременная доставка хлеба по назначению немыслима, ибо царицынская линия безусловно не выдержит. Дайте специальный приказ организациям торгового флота на Волге и Каспии о беспрекословном исполнении моих распоряжений. Копию за номером пришлите мне в Царицын. Баку пошлю нарочного с письмом. Жду новостей.

Член Совета народных комиссаров
Народный комиссар
Сталин»[3].

После трех дней пути товарищ Сталин приехал в Царицын. 6 июня поезд товарища Сталина остановился на грязном, маленьком царицынском вокзале.

Началась новая полоса в обороне Царицына. Отныне судьба страны решалась с этой юго-восточной вышки, почти на тысячу километров отдаленной от Москвы.

---

[1] Серго Орджоникидзе в Царицыне и Сталинграде. Сталинград 1937 г., стр. 50.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 14, д. 3, л. 34.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 154, л. 18.

Глава III

БОРЬБА ЗА ХЛЕБ

1. Товарищ Сталин во главе «крестового похода» за хлебом

Дать хлеб голодающей стране, спасти ее от «костлявой руки голода», от «кольца голодной смерти»,—как писал Ленин,—вот основная задача, которую в первую очередь решала поездка товарища Сталина в Царицын.

Объясняя причины тяжелого продовольственного кризиса, постигшего страну летом 1918 г., Ленин подчеркивал следующие основные моменты:

1. Интервенция иностранных империалистов, отрезавшая от страны основные источники снабжения—Украину, Сибирь, Поволжье.

2. Мятежи контрреволюционной буржуазии и кулачества, всеми мерами срывающих хлебную монополию и намеренно усиливающих продовольственные трудности; зверское сопро-

тивление кулачества, прятавшего и гноившего хлеб, организующего мятежи против советской власти.

3. Хозяйственная разруха, особенно разруха транспорта, чрезвычайно затрудняющая подвоз хлеба к центрам страны.

Разгром интервентов, разгром кулачества и контрреволюционных мятежей, улучшение работы транспорта—все эти задачи связывались в единый узел при решении продовольственного вопроса. Недаром Ленин подчеркивал неразрывную связь в решении продовольственной и военной задачи. Ленин говорил о *военном* походе на деревенскую буржуазию и вместе с тем указывал, что ведение войны с интервентами и белогвардейцами невозможно «без преодоления продовольственных трудностей, без обеспечения населению правильного снабжения хлебом, без введения строжайшего порядка в железнодорожный транспорт, без создания в массах трудящегося населения (а не только в верхушках его) действительно железной дисциплины» [1]. «Необходимо твердо помнить,—писал Ленин,—основные особенности всего современного экономического и политического положения России, в силу которых нельзя помочь делу никакими порывами. Необходимо твердо усвоить себе и добиться усвоения всеми рабочими той истины, что только выдержанная и терпеливая работа создания и восстановления железной пролетарской дисциплины с беспощадной расправой над хулиганами, кулаками и дезорганизаторами способна отстоять советскую власть в настоящий момент...» [2]

Примером такой огромной, напряженной борьбы за хлеб, за железную пролетарскую дисциплину являлась работа товарища Сталина в Царицыне.

Значение, какое придавал Ленин этой поездке, видно из того, что спустя буквально несколько дней после приезда товарища Сталина в Царицын Ленин в специальном обращении Совнаркома «Ко всем трудящимся» от 10 июня 1918 г. сообщал о первых результатах поездки товарища Сталина:

«...Захват контрреволюционерами некоторых узлов Сибирской железной дороги,—говорилось в обращении,—на время отразится, конечно, на продовольствии голодающей страны. Но взять измором революцию русским, французским и чехословацким империалистам не удастся. *На помощь голодающему северу идет юго-восток. Народный комиссар Сталин,* находящийся в Царицыне и руководящий оттуда продовольственной работой на Дону и в Кубани, телеграфирует нам *об огромных запасах хлеба, которые он надеется в ближайшие недели направить на север...*» [3]

---

[1] *Ленин,* Тезисы о современном политическом положении, 12—13 мая 1918 г., Соч., т. XXX, стр. 385.

[2] *Там же,* стр. 386.

[3] «Правда» от 11 июня 1918 г. Курсив мой.—*Э. Г.*

Хлеб имелся в огромном количестве на Дону и Кубани. Но получить его было нелегко. Вопрос стоял не только о том, чтобы обеспечить бесперебойную отправку эшелонов с хлебом в Москву и Петроград. Вокруг каждого эшелона с продовольствием для голодающих рабочих обеих столиц шла ожесточенная классовая борьба. Каждый эшелон надо было отстаивать с оружием в руках. За каждый эшелон надо было сражаться и с казачьей контрреволюцией и с кулачьем, всей душой ненавидевшим, как писал товарищ Сталин, «хлебную монополию, твердые цены, реквизиции, борьбу с мешечничеством»[1]. Для того чтобы эшелоны с хлебом двинулись к решающим центрам революции, надо было организовать оборону Царицына, разбить кольцо врагов, стягивавшееся вокруг города, преодолеть хаос, неорганизованность, распущенность, спекуляцию, мешочничество. Надо было, чтобы вся партийная организация, весь рабочий класс Царицына поняли все значение борьбы за хлеб для спасения голодающей страны.

Уже в пути, в своей первой телеграмме Ленину из Грязей товарищ Сталин намечал первые мероприятия. Он поставил вопрос об исправлении линии Хасав-Юрт—Петровск и о постройке ветки Кизляр—Брянская для того, чтобы обеспечить отправку хлеба не только железной дорогой, но и водой (через Каспийское море по Волге на Царицын и из Царицына в Москву).

В телеграмме Ленину, посланной на другой день после приезда, 7 июня, товарищ Сталин наметил план дальнейших мероприятий уже во всех деталях.

«6-го прибыл в Царицын. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно навести порядок. В Царицыне, Астрахани, Саратове монополия и твердые цены отменены советами, идет вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти клапаны спекуляции утечет весь хлеб...»[2]

Далее товарищ Сталин сообщал Ленину о полном развале железнодорожного транспорта, о мерах, принятых для его восстановления, о том, что в день можно отправить в Москву восемь и более маршрутных поездов. Одновременно сообщалось, что линия от Кизляра к Каспийскому морю уже начала проводиться и хлеб с Кубани будет отправляться не только железной дорогой, но и водой. В день приезда товарищ Сталин снял с работы уполномоченного Чокпрода Зайцева за мешочничество и спекуляцию, сразу же послал нарочного в Баку для установления связи с Шаумяном.

В ответ на первые телеграммы товарища Сталина, посланные из Царицына, Ленин на следующий же день (8 июня) сообщал:

---

[1] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 198.
[2] ЦАКА, д. № 119—825, л. 198—201.

«Получил две ваши телеграммы. Послал телеграмму Главоду, которую Вы хотели...»[1]

В следующей телеграмме товарища Сталина, посланной Ленину 9 июня, еще более детально излагался план мероприятий по усилению заготовок хлеба.

Установление твердых цен и хлебной монополии, беспощадная борьба со спекуляцией и мешочничеством, забота о налаживании правильного товарообмена с крестьянством, обеспечение бесперебойной работы водного и железнодорожного транспорта, постройка железнодорожной ветки Кизляр—Брянская—вот условия борьбы за хлеб, намеченные в первые же дни приезда товарища Сталина в Царицын.

Так же решительно, как вопросы борьбы с стихией мешочничества, поставил товарищ Сталин и вопрос об улучшении товарообмена. Взамен хлеба надо дать крестьянам предметы домашнего обихода, сельскохозяйственный инвентарь, мануфактуру. В телеграмме от 9 июня товарищ Сталин заботливо перечислял все, что надо прислать для товарообмена, начиная от болтов и гаек, столовой посуды и кончая косами, сеялками, столярными инструментами и т. д. Особенно настойчиво товарищ Сталин в ряде телеграмм напоминал о необходимости прислать именно цветную мануфактуру, на которую особый спрос в деревне.

«Получил третью депешу и записку Сталина,—ответил Ленин на телеграмму от 9 июня.—Принимаем все меры. Цюрупа говорит, что деньги будут непременно отправлены завтра, а товары сегодня же приказано грузить. Шлите маршрутные поезда с тройной охраной. Саботажников и хулиганов арестуйте и присылайте сюда.

Предсовнаркома *Ленин*»[2].

В дальнейших телеграммах с 10 по 20 июня все мероприятия, намеченные товарищем Сталиным, были еще более уточнены, конкретизированы, сообщалось о результатах проведения их в жизнь. В телеграмме Ленину от 10 июня, отправленной в 20 час. 05 мин., товарищ Сталин сообщал о том, что «поезда и отдельные группы вагонов с продовольственным грузом стоят на станции без движения ввиду разгильдяйства служащих или вмешательства отрядов, без толку заполняющих запасные пути»[3].

«Все комиссары ж.-д. узлов, ж.-д. комитеты, все начальники станций по линии Казань—Балашов—Поворино—Царицын—Сарепта—Тихорецкая—Торговая—Екатеринодар—Кавказская—Армавир—Георгиевск, т. е. по всему пути следования хлеба,—дает указания товарищ Сталин,—должны исполнять распоряжения Сталина и его уполномоченных по части составления маршрутных поездов, подачи паровозов, движения грузов. Чем скорее

---

[1] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 194—195.
[2] *Там же,* стр. 195.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 149, л. 18—22.

исполните требование, тем скорее получите хлеб. Нарком *Сталин*. Царицын. 10 июня» [1].

При той неразберихе и хаосе, которые царили в это время на железной дороге, когда линия была забита эшелонами, когда каждый отряд с оружием в руках добивался первоочередной отправки, только эти мероприятия товарища Сталина создавали возможность упорядочения отправки хлеба. И всюду осуществлялась четкая и неуклонная проверка исполнения. «Копия за номером Сталину»,—так проверял товарищ Сталин каждую свою директиву, каждое распоряжение.

Для того чтобы не было «утечки» хлеба в пути, чтобы эшелоны шли только в одном направлении, к голодающей красной столице, товарищ Сталин уже через неделю после приезда организовал в Камышине специальный кордон, который должен был задерживать всех мешочников и проверять грузы, идущие как вверх, так и вниз по Волге. Так как Камышинский совет всячески тормозил работу кордона, товарищ Сталин требовал специальной директивы Камышинскому совету от ВЦИК и СНК [2]. Эта директива была немедленно послана.

Ни одна мелочь, могущая ускорить дело снабжения, не ускользала от внимания товарища Сталина. Дней через 10 после отправки телеграммы от 9 июня о товарообмене товарищ Сталин снова возвратился к этому вопросу, находя новые способы снабжения деревни товарами.

«Для быстрого товарообмена,—телеграфировал он Ленину,— в целях усиления заготовки хлеба, необходимо установить тесный контакт с местными совнархозами, державшими без употребления большое количество с.-х. машин, нефти, керосина, бензина, чаю, шпагату, мешков и проч.» [3] И в конце телеграммы опять вопрос: «Отправлена ли мануфактура из Москвы?» [4]

Чтобы обеспечить проведение всех этих мероприятий, прежде всего был наведен порядок в самом Царицыне. Царицынский совет до самого приезда товарища Сталина сопротивлялся введению твердых цен и хлебной монополии. В городе процветала спекуляция хлебом. На витринах магазинов лежал белый хлеб, который рабочие не могли покупать из-за высоких цен.

6 июня, в день приезда товарища Сталина, город в связи с растущей опасностью нападения белоказачьих банд был объявлен на военном положении. 8 июня на заседании исполкома Царицынского совета товарищ Сталин настоял на немедленном введении твердых цен на хлеб.

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 149, л. 18—22.

[2] См. ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 154, л. 36—37. Телеграмма товарища Сталина Ленину и в Наркомпрод Цюрупе от 19 июня за № 8 об организации Камышинского кордона.

[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 152, л. 43—44. На одном бланке дата 19 июня, на другом—22 июня, а дата принятия—23 июня.

[4] *Там же.*

На заводах города началась огромная массовая агитационная работа. Дать хлеб голодающим Питеру и Москве—дело чести царицынских рабочих, в этом был стержень всей агитации. Только вокруг этой огромной ответственности задачи можно было по-настоящему мобилизовать и партийную организацию и рабочих города.

16 июня, через 10 дней после приезда товарища Сталина, Ленину по телеграфу была передана следующая резолюция рабочих организаций Царицына, ярко свидетельствовавшая о настроении рабочих города:

«Конференция членов совета профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов г. Царицына, его районов,—говорилось в резолюции,—заслушав доклады представителей центральной власти, выражает горячую готовность бороться за торжество социалистической революции, подчиняя свои местные, личные интересы интересам рабочих всей страны, интересам всего движения в целом... Конференция одобряет продовольственную политику центральной власти, настаивает на государственной мобилизации хлебных запасов и на незыблемости твердых цен. Одновременно с этим конференция обращается ко всем трудящимся с призывом сохранить могучую армию, которая единственно может обеспечить социалистические мероприятия советской власти, создавая могучую защиту от натиска мирового империализма»[1].

В течение первой декады пребывания товарища Сталина в Царицыне не только были намечены и проведены все указанные выше мероприятия, но они дали уже свои первые результаты, позволявшие установить точный, конкретный план отправки продовольствия из Царицына.

Этот план товарищ Сталин во всех деталях сообщил Ленину и в Наркомпрод Цюрупе в телеграмме от 13 июня.

«Дело с железнодорожным транспортом улучшается,—писал товарищ Сталин.—Несмотря на отсутствие минерального топлива и трудность перевода паровозов на нефтяное отопление ввиду недостатка баков и форсунок, несмотря на захват многих десятков паровозов эшелонами, Царицынский узел, благодаря экстренным мерам, теперь уже в состоянии отпустить 150 вагонов по 30 в поезде, всего 5 поездов ежедневно. Не так хорошо обстоит дело с водным транспортом, ввиду задержки пароходов в связи с выступлением чехо-словаков. Пароходы ходят мало. Коменданты принимают грузы больших и малых мешочников охотнее наших. Мы организовали кордон в Камышине с целью перехвата всех продовольственных грузов, не имеющих разрешительных бумаг Чокпрода. По нашим сведениям, эта мера может нам дать теперь же не менее 300 тыс. пудов мешочнического хлеба, размещенного на пристанях между Царицы-

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 222, л. 3б, 3в. На телеграмме собственноручная надпись Ленина: «В бюро печати».

ном и Камышином. Заготовка на юге пошла бы гладко, если бы не мешали нашим уполномоченным представители всех губпродкомов, местные советы, разрушающие работу... По плановому [наряду] компрода за июнь Вы требуете от нас около 6½ мил. пудов. Если принять во внимание, что в плане не учтены железнодорожники, некоторые южные губернии и Баку с районами, то надо считать 7 миллионов, т. е. 230 тыс. пудов ежедневно. С 1 июня по 10 отпущено Чокпродом водным и сухопутным путем всего 500 тыс. пудов по 50 тыс. пудов в день. В данный момент водный и сухой транспорт безусловно мог бы выдержать 230 тыс. пудов ежедневной отправки, но дело в том, что заготовка до сих пор отставала от транспорта в 4 раза и будет еще отставать по крайней мере вдвое... Ввиду недостатка работников, грузовиков, мануфактуры, ввиду вмешательства губпродкомов, ввиду страшного развития мешочничества, с которым до сих пор не велась серьезная борьба, полагаем, что июньский наряд удастся выполнить лишь в половинном размере, а безличие груза внесло бы в заготовку простоту, но видимо не считаете возможным его осуществить...

Шлите побольше продовольственников, мануфактуры, шпагат, денег мелкими купюрами, грузовиков, сократите Губпродком, тогда наряд 7 мил. пудов в месяц можно будет выполнить без особых трудностей. Сейчас на ст. Алексиково временно заминка в транспорте, в виду наплыва эшелонов в связи с выступлением казаков на Урюпино. Через день и заминка исчезнет и мы двинем сразу тысяч 300 пудов маршрутными поездами в Москву.

Народный комиссар *Сталин*»[1].

Таков был первоначально намечавшийся план отправки продовольствия из Царицына—7 млн. пудов в месяц—230 тыс. пудов в день—150 вагонов ежедневно. А за первую декаду июня, т. е. до приезда товарища Сталина, было отправлено всего 500 тыс. пудов, по 50 тыс. пудов в день. Правда, товарищ Сталин тут же оговаривает, что, поскольку в июне только начинают осуществляться мероприятия, могущие обеспечить план в 7 млн. пудов, и первая декада июня дала только 500 тыс. пудов,—июньский план реально может быть выполнен лишь в половинном размере, т. е. 3—3½ млн. пудов. Этот последний план был по существу целиком и полностью выполнен, хотя, намечая его, товарищ Сталин не мог еще знать о тех огромных трудностях, которые возникнут с середины июня 1918 г. Не будь товарища Сталина в Царицыне, создавшиеся в это время условия вообще сорвали бы всякую возможность посылки хотя бы одного вагона продовольствия из Царицына в Москву.

---

[1] ЦАОР, ф. 1943, оп. 1, д. 33а, 1918 г., л. 74. Эта телеграмма товарища Сталина имеется также в ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 144, л. 44. На телеграмме надпись рукой Ленина: «Получил 13/6 в 10 ч. (22 ч.) вечера. Ленин».

13—15 июня 500 тыс. пудов хлеба, 1 500 голов скота уже стояли на колесах и отправлялись на Москву. Неделя напряженной работы дала свои результаты. Но в тот же день, когда хлеб был погружен и готов к отправке, положение на фронте резко изменилось.

2. Перерыв железнодорожного сообщения с Москвой. Хлеб идет водой

«Положении Царицына,—телеграфировал товарищ Сталин Ленину 15 июня в 11 час. 55 мин. утра,—произошел ночью тринадцатого крупный перелом. Казаки взяли Кривую Музгу верстах в 40 от Царицына»[1].

Но этого мало. В эту же ночь на 13 июня белоказаки Краснова захватили станцию Алексиково (Поворинское направление). Это сразу же отрезало путь для отправки хлеба на Москву. Полмиллиона пудов стояли на колесах, но путь был прерван. Но на следующий же день части Киквидзе, действовавшие около Поворино, отбили нападение на Урюпино и Алексиково.

Оперативная сводка Вывоенсовета от 18 июня в 23 час. 7 мин. следующим образом сообщала о ходе борьбы у станций Урюпино и Алексиково:

«В Поворинском районе ночью 12 июня казачьими отрядами противника была занята ст. Урюпинская, ночью 13 июня—ст. Алексиково, утром 13 июня казачьи разъезды доходили на 4 версты к ст. Поворино, 14 и 15 июня частями дивизии Киквидзе, действовавшими от Поворино и Филоново, казачьи отряды противника были отброшены от линии железной дороги Борисоглебск—Царицын к ст. Урюпинской, и около 17 часов 15 июня эта станица была взята с боя»[2].

Но не прошло и сорока минут после посылки этой сводки, как положение опять резко изменилось. В 23 час. 45 мин. (предыдущая сводка помечена 23 час. 7 мин.) того же 18 июня уже сообщались новые данные:

«...Ночью 16 июня немецко-казачьи отряды, взяв Урюпинскую, повели наступление на ст. Алексиково, которая ими занята в 2 часа. Остатки дивизии Киквидзе, потеряв артиллерию, пробились на Поворино. Сам Киквидзе контужен. Наступлении участвовал отряд кавалерии противника до 4 000 человек, составе которого имеются немцы»[3].

В тех тяжелых потерях, которые понесла дивизия Киквидзе под Алексиково и Урюпино, виновна прежде всего предательская линия Носовича и его подручных, засевших в штабе

---

[1] ЦАКА, д. 118—944, л. 237.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 15, л. 25—26.
[3] *Там же*, л. 29—30.

Северокавказского военного округа. Сам Киквидзе подробно сообщал об этом в своей докладной записке в Вывоенсовет.

7 июня 1918 г. Киквидзе получил распоряжение отправиться из Тамбова на Царицын в распоряжение военрука Снесарева. Приехав в Царицын, он обратился к Снесареву, но, не застав его, получил директивы от Носовича. Носович дал следующее приказание: «Один пехотный полк поставить на позицию в Арчеде, т. к. там тогда были набеги неприятеля, один батальон оставить в Себряково, а один батальон с батареей в Филоново, а остальные части в количестве 900 человек двинуть на Алексиково и на Урюпино». «Причем, объяснив мне и познакомив с положением дел,—рассказывал далее Киквидзе,—приказал: «Боевую задачу выполнить в 48 часов...» На мои вопросы: «Сколько всего неприятеля?»—мне было сказано: «Около 800 человек». Я как подчиненный Носовичу честно выполнил приказание: занял Алексиково (15 июня.—*Э. Г.*) после 6-часового боя у ст. Алексиково... восстановил в ту же ночь линию Алексиково—Поворино, перешел в наступление по направлению Урюпина»[1]. Станица Урюпинская была занята с боем частями Киквидзе. «Мы, заняв Урюпино, полагали, что неприятель разбит и этим дело кончено»,—писал Киквидзе.

Но... «у военрука Носовича были неправильные сведения о неприятеле,—пишет дальше Киквидзе.—После 40-верстного перехода, к 5 часам вечера наш арьергард обнаружил неприятельскую кавалерию в количестве 2 полков с 3 орудиями и пехотой в количестве 300 человек... Начались кавалерийские атаки. На 4-й эскадрон наскочили две сотни казаков. 4-й эскадрон, приняв конную атаку, должен был отойти, потеряв 60% убитыми и ранеными. Дальше я не буду описывать подробности этого ужасного боя, где артиллеристам приходилось отбивать целые сотни атакующих батареи казаков, действуя пулеметным огнем, а пехоте приходилось бросаться в штыки на целые кавалерийские части; бой длился 4 часа. В общем наши потери исчисляются в 412 чел., 82 лошади; потери же неприятеля были гораздо больше наших... Мы остались без снарядов, без винтовочных патронов и без пулеметных лент, резервы наши находились, как я выше указывал, в Филоново—Арчеда. Я решил отойти, т. к., по сведениям и по донесению разведки, к неприятелю подходили на помощь свежие пехотные части из больших станиц»[2].

Из донесения Киквидзе со всей очевидностью вытекало, какую роль сыграло в сдаче Алексиково предательство Носовича. Носович сообщил Киквидзе явно и намеренно преуменьшенные сведения о силах противника, заставил его большую часть сил оставить на линии Филоново—Арчеда. Снесарев сам выехал в эти дни в Алексиково и первым, как рассказывал Киквидзе

---

[1] ЦАКА, д. 118—938, л. 40—41.
[2] *Там же.*

в той же докладной записке, бежал из Алексиково, а вслед за ним оставили станцию и другие эшелоны.

Как видим, на помощь донской контрреволюции, пытавшейся отрезать Москву и Петроград от источников снабжения, шли тогда еще не разоблаченные предатели, сидевшие в штабе Северокавказского военного округа.

«Но не в правилах, очевидно, такого человека, как Сталин, уходить от раз начатого им дела»,—так писал позже, после бегства к белым, генерал Носович, оценивая обстановку, сложившуюся в это время в Царицыне. Враг не мог не признать, что все его планы провалились благодаря присутствию товарища Сталина в Царицыне.

Когда 15 июня днем стало известно, что Киквидзе занял Алексиково, и Кривая Музга занята красными частями, товарищ Сталин тотчас же телеграфировал Ленину:

«Музга взята нами, Алексиково и Урюпино также. Железнодорожное сообщение восстановлено. Сегодня отправляю Москву и на север пятьсот тысяч, полмиллиона пудов хлеба. Из них 100 тысяч идут между Арчедой и Филоново, остальные выходят из Царицынских вокзалов. Номера поездов сообщу дополнительно» [1].

Но на следующий же день, 16 июня, получились сведения, что части Киквидзе оставили Алексиково и отступили к Поворино. Об изменении обстановки товарищ Сталин опять 16 июня информировал Ленина:

«Сегодня к утру положение круто изменилось. От Алексиково к северу казачья кавалерия сняла нашу пехоту и отобрала орудия. Железная дорога прервана. Хлеб направляем обратно в Царицын» [2].

В этой телеграмме товарищ Сталин наметил ряд мероприятий для изменения положения на Царицынском фронте и сообщал, что послал в Саратов за самолетами, что нужны летчики и т. д. Но остался самый важный вопрос: что делать с хлебом? Как обеспечить в создавшихся условиях, когда путь отрезан, отправку хлеба на Москву?

16 июня были намечены и начали проводиться в жизнь двоякого рода мероприятия.

Во-первых, стоящий на колесах хлеб решено было перегрузить на баржи и пароходы и отправить водой. Путь по Волге был еще относительно свободен. Правда, 8 июня, через два дня после приезда товарища Сталина в Царицын, чехословаки взяли Самару, но путь по Волге на Саратов, а оттуда по железной дороге на Москву был еще открыт. Во-вторых, надо было напрячь все силы, чтобы в ближайшие же дни очистить линию Царицын—Алексиково от белых. Товарищ Сталин после приезда в Царицын предполагал, как только немного

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 14, д. 3, л. 47. Телеграмма от 15 июня.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 2, д. 26, л. 37.

наладится дело снабжения, лично выехать на Кубань, чтобы оттуда форсировать дело заготовок. Об этом он сообщал еще в своей первой телеграмме Ленину от 7 июня («на днях выезжаю на юг») и в телеграмме от 13 июня. Но уже в телеграмме от 15 июня, сообщая о взятии белоказаками Кривой Музги, товарищ Сталин писал: «В связи с этим, я не считал целесообразным выехать в Новороссийск»[1]. Товарищ Сталин остался в Царицыне, чтобы оттуда все решающие месяцы лета и осени 1918 г. лично руководить обороной города.

Выполняя намеченные сразу же после взятия Алексиково мероприятия, товарищ Сталин 17 июня телеграфировал Ленину о перегрузке хлеба на баржи и отправке грузов водой:

«Передать срочно: ввиду перерыва железнодорожного сообщения севернее Царицына мы решили весь груз направить водой, стянуть все баржи. Отправляем полмиллиона пудов, главным образом пшеницы, тысячу пятьсот голов скота. Несколько десятков тысяч пудов хлеба уделили Туркестану, Баку. Погрузку начинаем утром, кончим в два дня и направим весь караван. Укажите срочно по прямому проводу, а не телеграммой, ибо телеграммы запаздывают, укажите куда направить груз, на какую пристань. Подробности сообщим завтра дополнительно. Сталин. Якубов. 17 июня 12 час. ночи»[2].

На следующий день, 18 июня, товарищ Сталин послал дополнительные сведения:

«Я уже сообщал вам, что баржами мы себя обеспечили. Весь караван направим [через] Саратов на Москву. Дополнительно о руководителе, о сортах хлеба и прочем могу сообщить только завтра. Караван будет сопровождать усиленный отряд. Погрузка продлится два дня. Все рабочие порта поставлены на ноги. *Сталин.* 12 ч. 55 м.»[3]

Караваны хлеба дошли до Хвалынска и там задержались из-за событий в Самаре, но так как товарищ Сталин, изо дня в день следя за грузом, немедленно сообщил об этом в Наркомпрод Цюрупе, из Москвы 21 июня последовало распоряжение перегрузить караваны в Саратове и из Саратова железной дорогой отправить на Москву.

21-го же июня из Воронежа в Царицын было передано для сведения распоряжение Ленина, которое предписывало неуклонно следить по всей линии Юго-восточной железной дороги за ходом продвижения отправленных т. Сталиным 500 тыс. пудов хлеба. Ленин категорически требовал от ревкома Юго-восточной железной дороги незамедлительно направить на участок Арчеда—Филоново—Царицын не менее сорока угольных паровозов для обеспечения хлебных перевозок. Службе движения дороги предлагалось, по согласованию с товарищем Сталиным,

---

[1] ЦАКА, д. 118—944, л. 237.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 150, л. 211—212, 1918 г.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 149, л. 175.

дать каждому отправляющемуся поезду на весь путь следования литер по порядку алфавита.

Так шли первые 500 тыс. пудов хлеба из Царицына в голодающие центры страны. Хлеб был отправлен, обе столицы получили первые сталинские эшелоны с хлебом из Царицына. И одновременно, не теряя ни одного дня, ни одного часа, были приняты все меры для очищения от белоказачьих банд линии Царицын—Алексиково.

В Царицыне были мобилизованы все силы. По всем царицынским предприятиям проходили массовые собрания с постановкой вопроса о положении на фронте и задачах рабочих.

17 июня на собрании рабочих и служащих «французского» и орудийного заводов было принято решение итти на фронт всем, кто способен носить винтовку, для защиты советской власти и города. В этот же день такое же решение принял союз строительных рабочих. 19 июня состоялось чрезвычайное собрание членов совета, штаба обороны, военно-казачьей секции, профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, представителей воинских частей и т. д.

На повестке дня этого собрания стояло два вопроса: 1) борьба с контрреволюцией, 2) организация боевых сил для защиты Царицына.

Председатель исполкома совета Ерман в своей вступительной речи сообщил о том, что, по имеющимся сведениям, в Царицыне «обосновались целые штабы контрреволюционеров, которые готовят выступление против рабочих и крестьян. И в ответ на это мы заявляем, что примем все меры к тому, чтобы подавить малейшую попытку к свержению советской власти в нашем городе. И сейчас это собрание, этот авторитетный орган, должно предотвратить все могущие произойти выступления и указать способы и пути, по которым победоносно выйдет из трудного положения наш красный город»[1].

В принятой на этом собрании резолюции были намечены следующие мероприятия: 1) город объявлялся на военном положении; предлагалось немедленно принять меры для разоружения и ареста всех контрреволюционеров; 2) были запрещены всякие уличные митинги и сборища; 3) партии меньшевиков и эсеров объявлялись предательскими, а исполкому предлагалось принять все вытекающие отсюда меры.

По вопросу об организации боевых сил для защиты Царицына было принято следующее решение:

«Все товарищи рабочие, казаки и крестьяне, которые умеют владеть винтовками и которые добровольно готовы защищать рабоче-крестьянскую революцию, создают боевые единицы и отправляются на фронт; для всех остальных товарищей рабочих вводится всеобщее обучение военному искусству, для чего после занятий вводится ежедневное обучение военному

---

[1] «Борьба», Царицын, № 142 от 22 июня 1918 г.

делу. В первую голову поставить срочно 3 тыс. бойцов для удержания фронта, в то же самое время предпринять все подготовительные работы по мобилизации для того, чтобы в нужный, особо критический момент произвести призыв нескольких тысяч, способных к ношению оружия, а все остальные рабочие должны приступить немедленно к работе»[1].

Большая массово-политическая работа проводилась в это время не только в самом Царицыне.

18—19 июня в царицынских газетах было опубликовано извещение за подписью товарища Сталина и Орджоникидзе о созыве на 24 июня совещания представителей округов Донской области в Великокняжеской. На совещание приглашались по три представителя от исполкомов всех округов Донской области. Было предложено также довести до сведения округов, временно занятых контрреволюционными бандами, о созыве совещания. В это время ЦИК Донской республики уже переехал из Царицына в Великокняжескую. Совещание должно было объединить все трудовое казачество Дона в его борьбе с красновской контрреволюцией. Уже сама подготовка к совещанию и извещение о нем имели огромное значение. Однако созыв совещания был сорван тем, что к моменту, когда совещание должно было открыться, началось наступление белогвардейцев на Великокняжескую, и 28 июня станция была захвачена белыми.

3. Восстановление железнодорожной линии Царицын — Поворино. Сталинские маршруты с хлебом идут в голодающие центры страны

Благодаря всем этим мероприятиям 22—24 июня Алексиково было отбито советскими войсками у белоказаков.

В оперативной сводке Вывоенсовета от 30 июня сообщалось: «...направление железной дороги Поворино—Алексиково—Филоново—Себряково—Царицын охраняется отрядами советских войск и движение поездов идет беспрепятственно...»[2]

Уже 21 июня, за несколько дней до освобождения Алексиково красными частями, товарищ Сталин сообщал в Москву о новых эшелонах с хлебом, готовых к отправке. «Царицыне восемьсот вагонов хлеба, столько же заготовлено южнее Царицына. Погрузку первого каравана можно кончить не ранее 22 июня, когда и двинем груз на север»[3].

В конце июня после восстановления железнодорожной линии эшелон за эшелоном отправлялся с хлебом на Москву. Товарищ Сталин в телеграмме от 24 июня, информируя о посылке 4 маршрутных поездов под литерами «Н», «О», «П» и «Р» (сто

---

[1] «Борьба», Царицын, № 142 от 22 июня 1918 г.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 15, л. 67.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 149, л. 8—9.

вагонов хлеба, 200 голов скота), объяснял, почему в создавшихся условиях требуется особое усиление отправки: «Через месяц начнется уборка, и заготовка хлеба, естественно, ослабнет, ввиду чего надо использовать пока еще имеющийся в нашем распоряжении месячный срок»[1].

Поэтому маршрут за маршрутом идет в эти дни в Москву и Петроград. Вслед за этими четырьмя маршрутными поездами на Москву 25—26 июня были отправлены еще четыре маршрутных поезда (литеры «С», «Т», «У», «Ф») и один сборный поезд за № 211.

26 июня товарищ Сталин приехал на день в Камышин, чтобы оттуда ускорить отправку хлеба. В связи с перегрузкой саратовской перевалки три баржи были задержаны в Камышине и отправлены по линии Камышин—Балашов—Козлов—Рязань. «Этим путем получите 160 вагонов хлеба, 46 вагонов рыбы»[2],— информировал товарищ Сталин из Камышина, в тот же день выезжая обратно в Царицын.

За один день своего пребывания в Камышине товарищ Сталин разрешил не только вопросы, связанные с отправкой хлебных грузов, но помог организации вооруженных сил Камышинского уезда. Камышину в это время угрожали белогвардейские банды. А вооруженные отряды Красной Армии в Камышине были раздроблены, не связаны между собой. Вот как вспоминает бывший военный комиссар Камышина о приезде туда товарища Сталина:

«Однажды утром в комиссариате появился незнакомый человек. Одетый в простой короткий пиджак, в солдатской фуражке, с пронзительным взором и сосредоточенным лицом—он ходил по комиссариату и, казалось, никого не замечал, погруженный в свои думы. Но это было не так, как после выяснилось. Он увидел за короткое время много безобразий, которых мы не замечали, работая тут повседневно.

Незнакомец подошел к председателю уисполкома... и завел разговор о наличии в уезде хлебопродуктов, фуража и т. д. Председатель попросил его предъявить документы. Велико было наше удивление, когда мы узнали, что этот незнакомец— товарищ Сталин.

Вскоре товарищ Сталин позвал и меня и начал расспрашивать о красногвардейских отрядах, о численности их, о расположении, о настроении населения и красногвардейцев.

Выслушав и рассмотрев по карте расположение и подняв на меня вдумчивые глаза, он проговорил:

— И вы думаете удержаться? Вас перебьют банды поодиночке...

Дальше товарищ Сталин разъяснил нам нашу оплошность и предложил:

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 151, л. 19 и 19 об.

[2] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 195.

— Во-первых, свести все отряды в одну-две мощные единицы; во-вторых, вооружить всех трехлинейками.

До этого отряды имели самое разнообразное оружие: берданки, винтовки Гра, японские и т. д.

Эти указания мы в точности выполнили, и они тут же дали результаты: мы разгромили банды Попова, взяв два орудия, много винтовок и патроны.

Товарищ Сталин пробыл у нас только один день, а под вечер выехал на катере в Царицын»[1].

Хлеб шел и железной дорогой и водой.

27 июня отправки не было ввиду порчи пути под Алексиково. 28-го было отправлено шесть маршрутных поездов (литеры «Х», «Ц», «Ч», «Ш», «Щ»)—всего 1 140 голов скота, 73 вагона хлеба, 18 вагонов бензина.

В конце июня «Правда» заполнена была сообщениями об отправляемом из Царицына в Москву продовольствии.

28 июня «Правда» сообщала:

«Царицын. Отправлено 3 маршрутных поезда с хлебом. Один в Москву, два в Тулу. На колесах в Царицыне имеется 319 вагонов. Отправляем исключительно по железной дороге в Москву и Петроград.

Водой погрузили вчера жмыхи. В Котельниково и Великокняжеской имеется еще 1 000 голов скота. На пристанях стоят 58 вагонов, из них 3 цистерны подсолнечного масла, 2 вагона кофе, 5 вагонов груш, 35 сена. Заготовлено на Курганской 36, Кавказской 60, в Ейске 100, Святой крест 400, Ставрополь 120, Армавир 60 вагонов. В Баку отправлено за последние пять дней через Кизляр 100 вагонов... В Царицыне стоит на рельсах 34 вагона бензина».

О какой гигантской работе говорил этот на первый взгляд сухой, по существу далеко не полный перечень отправленных в Москву и Петроград предметов продовольствия! Но в летние месяцы 1918 г. каждый вагон хлеба, крупы, кофе, масла, мяса был вопросом жизни и смерти, от него зависело спасение рабочего класса и снабжение Красной Армии. Все эти документы, являющиеся по существу только сухими сводками посылаемого продовольствия, исключительно ярко и красноречиво говорят о том, как решались судьбы Советской страны, как медленно, но верно разжималась «костлявая рука голода», как обеспечивалась и организовывалась победа благодаря той помощи, которая неустанно, неутомимо, неуклонно, бесперебойно шла из Царицына.

И дело ведь шло не только о том, чтобы собрать и погрузить хлеб. Трудно представить сейчас, какие исключительные препятствия встречали маршрутные поезда с продовольствием

[1] «Товарищ Сталин учил нас побеждать». Воспоминания бывшего военкома Камышинского уезда Н. Ульченко. Газета «Даешь трактор», Сталинград, 24 февраля 1938 г.

на пути из Царицына в Москву даже тогда, когда линия была очищена и движение поездов, как сообщали сводки, шло «беспрепятственно». 23 июля 1918 г. в «Правде» была помещена статья, описывающая путь одного из таких маршрутных поездов. Эта статья называлась «История кусочка хлеба». В ней простыми словами рассказывалась история поездки одного рабочего продовольственного отряда, который выехал из Москвы в Царицын, везя туда сельскохозяйственные орудия. Из Царицына он должен был привезти продовольствие для Москвы.

«От ст. Поворино до Царицына ехать было трудно. С обеих сторон железной дороги казаки делали набеги, взрывали пути железной дороги. От них приходилось отстреливаться. Не доезжая до Раковки, в 2 часа ночи наш маршрутный поезд, который сопровождался в Царицын, сошел с рельс ввиду того, что были подложены казаками под рельсы пироксилиновые шашки. Тут же открылась стрельба со стороны казаков по поезду. Но благодаря броневикам... казаки были перебиты. Мы простояли на этом месте целый день. В этот день отправились дальше. Проехали 3 станции... в 12 часов ночи были задержаны, потому что на ст. Липки, в 13 верстах от разъезда, было наступление казаков... Бой был до 7 часов утра. После боя мы отправились и до Царицына никаких препятствий не встречали. Груз был доставлен в исправности и целости. Из Царицына мы получили для сопровождения 30 вагонов рыбы в Москву. Целые сутки ехали благополучно. Когда приехали на ст. Филоново, в ночь на 2 июля, казаки в это время со всех сторон окружили станцию и с криками «ура» хотели ее взять... Бой шел с 1 часа ночи до 11 часов утра. Впереди ими был разобран путь на протяжении 3 верст. Из моего отряда оказалось 2 раненых, убитых нет... После этих приключений до Москвы мы доехали благополучно. Груз *оказался в целости*»[1].

Такова история борьбы за «кусочек хлеба» на пути Царицын—Москва в летние месяцы 1918 г. На помощь гигантской работе, развернутой товарищем Сталиным в Царицыне, приходили рабочие продовольственные отряды, с оружием в руках, в боях с белобандитами охранявшие хлеб в пути. Под этой надежной охраной сталинский продовольственный груз всегда «оказывался в целости».

А как шла в фронтовой полосе заготовка и уборка хлеба? Вот один небольшой, но довольно яркий пример. На Песковатском боевом участке Царицынского фронта, недалеко от Калача, созрели хлеба, пришла пора их убирать. Песковатские красные партизаны попытались выехать в поле, чтобы собрать богатый урожай для отправки его в Царицын. Но как только красные партизаны выезжали в поле, белые начинали бить по ним из орудий. Приходилось уходить. Тогда белые выезжали в поле, собираясь убрать урожай, но красные части откры-

[1] «Правда» № 152 от 23 июля 1918 г. (Курсив мой.—*Э. Г.*).

вали по ним огонь, и белые принуждены были уходить ни с чем. Хлеб начал осыпаться и пропадать. Командующий Песковатским участком отправил делегацию к товарищу Сталину в Царицын. Делегаты пришли в Военный совет к товарищам Сталину и Ворошилову, рассказали о создавшемся положении и просили дать броневик и человек 100 кавалеристов, чтобы отбросить белогвардейцев и получить возможность убрать хлеб.

«Товарищ Ворошилов,—рассказывает участник делегации,— сейчас же предложил показать расположение боевого участка по карте. Я отвечаю:

— По карте рассказать не могу, буду говорить, как знаю.

Место расположения я знал хорошо. Рассказал, где у нас слабо, где прорыв был и как намечено использовать броневик. Доклад вышел неплохой. Товарищ Сталин выслушал и улыбнулся:

— А что если вместо уборки хлеба вы отдадите белогвардейцам бронированный автомобиль и хлеб не возьмете? Отвечаете?

Я говорю:

— Отвечаем головой! Броневик будет цел, белогвардейцам не отдадим, хлеб соберем и привезем вам в Царицын.

— Ну хорошо, если беретесь выполнить свое обещание, дадим вам бронированный автомобиль и кавалеристов» [1].

Обещание свое песковатские красные бойцы выполнили: хлеб убрали, отправили его в Царицын, броневик вернули. Так шла уборка урожая в фронтовой обстановке.

Полную картину отправленного из Царицына продовольствия только за июнь 1918 г. дает сводка, посланная Чокпродом (Якубовым) в Наркомпрод Цюрупе (см. табл. на стр. 94).

2 379 вагонов (почти $2\frac{1}{2}$ млн. пудов продовольственных грузов), из них 1 160 пудов в Москву и Московскую губернию—таковы первые результаты поездки товарища Сталина в Царицын. Цифры говорят сами за себя.

Но эти цифры все же не дают полной и всеобъемлющей картины той продовольственной помощи, которая шла из Царицына. В докладной записке Чокпрода, посланной в Москву уже в 1919 г. (отчет за 1918 г.), сообщалось в частности о том, что 2 200 тыс. пудов хлеба, отправленных из Царицына в центр в июне 1918 г., это «*не считая* того, что пришлось на месте снабжать хлебом не только армию Царицынского фронта, но даже и гражданское население Царицына, Астрахани, Баку, Туркестана и железнодорожный транспорт» [2].

В своей телеграмме Ленину от 9 июня 1918 г. товарищ Сталин специально указывал, что Баку, Туркестан и Астраханскую губернию «беремся удовлетворять непосредственно».

---

[1] Воспоминания бывшего красного партизана М. Зайцева. Газета «Водный транспорт» № 27 от 23 февраля 1938 г., М.

[2] ЦАОР, ф. 2046, оп. 543, д. 223, л. 316.

СВОДКА
ПРОДОВОЛЬСТВИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО ИЗ ЦАРИЦЫНА ЗА ИЮНЬ 1918 г. (В ВАГОНАХ)[1]

Пункты назначения	Пшеница	Ячмень	Рожь	Масло подсолнечное	Мука	Хлеб ржаной	Скот рогатый разный	Рыба	Крахмал	Семя льняное	Жмыхи	Всего
1. Петроград	51	35	3	9	1	13	95	—	—	—	—	207
2. Воронежская губ.	—	—	—	—	—	—	—	11	—	—	—	11
3. Псковская губ.	11	20	2	—	—	—	—	—	—	—	—	33
4. Новгородская губ.	19	6	1	1	—	5	—	—	3	—	—	35
5. Москва и Московская губ.	175	91	3	86	60	55	284	27	17	3	359	1 160
6. Тверская губ.	17	2	1	—	1	1	—	—	—	—	—	22
7. Владимирская губ.	46	14	7	14	2	12	—	—	—	1	10	106
8. Витебская губ.	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4
9. Костромская губ.	33	2	4	—	1	2	25	—	—	19	—	86
10. Смоленская губ.	23	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
11. Пензенская губ.	23	7	—	5	—	4	—	—	—	—	—	39
12. Нижегородская губ.	112	6	8	—	3	10	—	—	—	—	1	140
13. Рязанская губ.	27	5	—	—	—	—	—	1	—	—	—	33
14. Ярославская губ.	16	17	—	—	—	—	24	—	—	—	—	57
15. Иваново-Кинешемская губ.	18	5	—	2	—	1	36	—	—	—	19	81
16. Симбирская губ.	25	5	—	2	1	10	—	—	—	—	—	43
17. Калужская губ.	32	15	—	1	1	—	—	—	1	—	—	50
18. Тульская губ.	30	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	38
19. Орловская губ.	4	1	—	—	—	—	—	20	—	—	—	25
20. Туркестан	100	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	115
21. Хоперский округ	23	2	2	1	—	20	—	2	—	1	—	51
22. Закавказье, Баку	5	—	—	—	—	10	—	—	—	—	—	15
Итого	794	253	31	121	70	143	464	69	21	24	389	2 379

[1] Сводка составлена по телеграмме Якубова в Москву Цюрупе от 11 июля 1918 г. ЦАОР, ф. 1943, д. № 196, оп. 1, л. 180—181.

Не прошло и недели после приезда товарища Сталина в Царицын, как им было послано письмо Степану Шаумяну в Баку (11 июня 1918 г.):

«Сообщите по радио Баку Шаумяну, что я, Сталин, нахожусь на юге и скоро буду на Северном Кавказе. Линия Хасав-Юрт — Петровск будет исправлена во что бы то ни стало. В помощь для Баку отправлено и будет отправляться регулярно все. Сегодня выезжает нарочный из Царицына с письмом к Шаумяну. Хлеб пошлем во что бы то ни стало. Просим укрепить фронт Аджикабул и не падать духом. *Сталин*»[1].

Особая забота товарища Сталина об исправлении линии Хасав-Юрт—Петровск и постройке ветки Кизляр—Брянская объяснялась, как видим, не только необходимостью отправлять хлеб в центр страны морем, минуя ветку Царицын—Тихорецкая, но и обеспечить снабжение хлебом Баку. От Кизляра до моря расстояние примерно 60 верст. Хлеб обычно перевозился на лошадях. Пристань была в мелком месте. Пароходы останавливались далеко от берега, и хлеб подвозился к ним на лодках. Таким способом удавалось грузить в день 2—3 тыс. пудов хлеба, причем вследствие ветров иногда в течение нескольких дней погрузки не было вовсе.

Так же как и Баку, непосредственно из Царицына снабжались и Туркестан и Астрахань.

Если в первую декаду июня, т. е. до приезда товарища Сталина и до проведения намеченных им мероприятий, из Царицына было отправлено только 500 тыс. пудов—по 50 тыс. пудов в день, то в две последующие декады отправлено не менее, если не более 2 млн. пудов, т. е. 100 тыс. пудов в день. И это в условиях, когда линия Царицын—Поворино была прервана наступлением белоказачьих банд и почти в течение декады (15—24 июня) продовольствие по железной дороге не могло быть отправлено!

В. И. Ленин подсчитал, что с 1 августа 1917 г. по 1 августа 1918 г. было заготовлено по стране только 30 млн. пудов хлеба[2], т. е. примерно в среднем 2—2,5 млн. пудов в месяц, причем летние месяцы 1918 г., когда запасы старого урожая кончались, были, естественно, самыми трудными для заготовок. *Можно смело сказать, что все продовольствие, которое получали центры страны летом 1918 г., шло почти исключительно из Царицына от товарища Сталина.*

В июле положение с заготовками хлеба стало еще более напряженным.

В конце июня—начале июля было прервано сообщение по линии Царицын—Тихорецкая в результате совместного наступления, предпринятого донской и «добровольческой» армиями.

---

[1] «Бакинский рабочий» № 110 за 1918 г.

[2] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 352.

В связи с этим Царицын в начале июля был совершенно отрезан от Кубани и Северного Кавказа.

Уже в своей телеграмме Ленину от 29 июня товарищ Сталин сообщил:

«Поступление хлеба с юга прекратилось в виду перерыва линии Котельниково. Необходимы экстренные меры восстановления линии. Вялость и халатность военных специалистов беспредельна. Линия не охраняется ночью. Ночные набеги казаков на линию остаются безнаказанными. Вечное сидение солдат и штабов в вагонах убивает всякую оборону. Обилие штабов и отсутствие единства действий превращает фронт в кашу. Без экстренных и решительных мер нечего и думать об охране линии и продовольственных грузов» [1].

К концу июня—началу июля вопросы снабжения страны хлебом неразрывно сомкнулись с вопросами обороны Царицына, с вопросами военного руководства. Товарищ Сталин в своей телеграмме от 29 июня ставил уже со всей остротой вопросы военного руководства.

Ту же характеристику положения товарищ Сталин повторял в своей записке, посланной на имя Чичерина 30 июня, в то же время категорически протестуя против всяких панических слухов, которые только усугубляли и без того тяжелое положение, создавшееся вокруг Царицына.

«Алексиково и другие станции севернее Царицына,—телеграфировал товарищ Сталин,—целиком [в] наших руках. Никакого наступления войск Краснова не было и не могло быть, ибо [у] Краснова нет тех войск. Были лишь ночные набеги разбойничьих казачьих банд, взрывавших дорогу и несколько раз прерывавших движение. Такие же набеги и взрывы произведены южнее Котельникова, где имеется теперь перерыв движения. Только халатностью наших отрядов, снимающихся ночью с постов, можно объяснить возможность таких набегов и взрывов. Банды у Котельникова прогнаны, путь исправляется. Взятие Армавира казаками так же верно, как взятие Москвы китайцами. Надо же понять, что западнее Армавира, в Ейске—Батайске, дальше стоят войска Калнина. Армавир же ежедневно посылает нам грузы с хлебом. Подробнее сведения получите от Северокавказского штаба, которому передана ваша записка.

Нарком *Сталин.* 30 июня 1918 г.» [2]

В телеграммах товарища Сталина Ленину уже с середины июня все больше и больше места и внимания уделяется военным вопросам. С каждым днем все более резко и конкретно товарищ Сталин сигнализирует об ошибках, о преступных действиях руководства штаба Северокавказского военного округа. Прошло немногим больше месяца после приезда товарища Сталина в Царицын, как по предложению Ленина Сталин взял

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 150, л. 97—99.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 10, л. 135—136.

в свои руки руководство Южным фронтом гражданской войны, возглавив с 19 июля 1918 г. Военный совет Царицынского фронта. Но это не значит, что в июле и даже в труднейших условиях августа 1918 г. поток продовольствия в Москву из Царицына прекратился. В самые тяжелые моменты, когда Царицын, казалось, был заперт со всех сторон, хлеб, продовольствие все же шли в Москву.

Как только линия Царицын—Тихорецкая была прервана, товарищ Сталин сразу же поставил вопрос об отправке хлеба другим маршрутом. В создавшихся условиях особое значение приобретала постройка железнодорожной ветки Кизляр—Брянская. Тогда хлеб с Кубани и Ставрополья можно было бы отправлять железной дорогой до Кизляра, от Кизляра до Каспийского моря, а оттуда по Волге на Москву. Поэтому 6 июля Сталин опять сообщил Ленину о предпринятых им мерах в этом направлении:

«Необходимо срочно продолжить ветку Кизляр—море. Несмотря на энергичные поиски—рельсов достать не можем. Есть... технический персонал, есть строительные рабочие. Порт строится, скоро будет готов, можно было бы в несколько недель продолжить ветку, но нет рельс. Сообщите срочно, где можно достать рельсы 70 верст. Шлите экстренно рельсы Царицын, или укажите где их достать. Сами привезем. Ждем срочного ответа. *Сталин*»[1].

7 июля, посылая короткую записку Ленину с надписью «Спешу на фронт, пишу только по делу», товарищ Сталин, сообщая, что линия южнее Котельниково еще не восстановлена, тут же добавлял:

«Гоню и ругаю всех, кого нужно, надеюсь, скоро восстановим. Можете быть уверены, что не пощадим никого—ни себя ни других, а хлеб все же дадим»[2].

И это обещание, данное Ленину, было выполнено.

18 июля «Правда» опубликовала сообщение:

«Царицын. Отправлено в Москву 39 вагонов продовольственных грузов, в том числе 28 вагонов жмыха, маку и макарон, 3 вагона сушеных овощей, 2 вагона кофе»[3].

19 июля товарищ Сталин телеграфировал Ленину:

«С 12 по 15 июля отправлено Москву пять маршрутных поездов скота и рыбы, всего свыше тысячи голов скота и тридцать девять вагонов рыбы литера: А, Б, В, Г, Д. Сегодня началось очищение линии южнее Котельникова, надеемся в скором времени освободить дорогу»[4].

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 2, д. 26, л. 75. В связи с началом Бичераховского мятежа в июле 1918 г. и осадой белыми Кизляра в конце июля—начале августа 1918 г. вопрос о постройке ветки Кизляр—море в дальнейшем отпал.

[2] *К. Е. Ворошилов,* Сталин и Красная армия. М. Воениздат, 1937 г., стр. 6.

[3] «Сведения с мест», «Правда» № 148 от 18 июля 1918 г.

[4] ЦАОР, ф. 1235, д. 21, ч. III, оп. 52, л. 111.

Но к концу июля положение становилось все более и более напряженным, начались тяжелые дни первого окружения Царицына.

24 июля происходил следующий разговор между Сталиным и Лениным по прямому проводу.

«О продовольствии должен сказать,—передавал Ленин,—что сегодня вовсе не выдают ни в Питере, ни в Москве. Положение совсем плохое. Сообщите, можете ли принять экстренные меры, *ибо кроме как от Вас добыть неоткуда.* В Ярославле восстание белых подавлено. Симбирск взят белыми или чехами. Жду ответа»

Ответ Сталина:

«Позавчера ночью в Туркестан послано все, что можно было послать.

Радио передали в Баку. Запасов хлеба на севере Кавказа много, но перерыв дороги не дает возможности отправить их на север.

До восстановления пути доставка хлеба немыслима. В Самарскую и Саратовскую губернии послана экспедиция, но в ближайшие дни не удастся помочь Вам хлебом. Дней через десять надеемся восстановить линию. Продержитесь как-нибудь: выдавайте мясо и рыбу, которые можем прислать вам в избытке. Через неделю будет лучше. *Сталин*»[1].

И в тот же день Ленин ответил:

«Посылайте рыбу, мясо, овощи, вообще все продукты, какие только можно и как можно больше. *Ленин*»[2].

«Кроме как от Вас добыть неоткуда»,—передал Ленин в Царицын. И товарищ Сталин вновь нашел выход из положения. Город окружался со всех сторон. Кубань была отрезана. Линия Царицын—Поворино также прервана. Казалось бы, отправка продовольствия немыслима, невозможна. Об этом со всей прямотой товарищ Сталин передал Ленину. Но сразу же после тревожного сообщения Ленина были найдены новые пути. Менялся маршрут, источники снабжения, характер грузов, но продовольствие все же шло к голодающим Петрограду и Москве. В связи с тем что была отрезана Кубань, товарищ Сталин решил перенести центр заготовок в Саратовскую и Самарскую губернии. Об этом он и сообщил Ленину в разговоре с ним 24 июля. Центр тяжести был перенесен на заготовку рыбы и мяса, о чем Сталин тогда же договорился с Лениным.

И вот в условиях, когда товарищ Сталин почти все время на фронте руководил обороной Царицына, когда в городе была слышна орудийная канонада, когда враг подходил все ближе и ближе к городу, товарищ Сталин продолжал организовывать посылку продовольственных грузов в Москву. «Сегодня вы-

---

[1] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 193.
[2] *Там же,* стр. 196.

ехала в Саратов продовольственная экспедиция с мануфактурой, сельскохозяйственными машинами во главе с Якубовым»[1],— телеграфировал товарищ Сталин Ленину в последних числах июля. Далее товарищ Сталин в этой же телеграмме указывал, что на саратовских пристанях имеется два миллиона пудов рыбы, из них полтора миллиона—в баржах, полмиллиона—на берегу. Саратовский совет тормозил отправку рыбы в Москву, и товарищ Сталин поставил вопрос о том, что при помощи центра можно будет преодолеть сопротивление Саратовского совета и все это огромное количество рыбы направить в столицу.

4 августа, в тяжелейшие дни начала первого окружения Царицына, товарищ Сталин, сообщая Ленину о создавшейся военной угрозе и о плане военных мероприятий, в то же время во всех деталях излагал план дальнейших продовольственных заготовок, прежде всего заготовок скота.

«Я предписал котельниковскому уполномоченному,—писал он,—организовать соление мяса в больших размерах, дело уже начато, кое-какие результаты есть и, если дело разрастется, то на зиму мяса будет достаточно (в одном Котельниковском районе скопилось 40 000 голов крупного скота). В Астрахани скота не меньше, чем в Котельникове, но местный продкомиссариат ничего не делает, представители Заготоселя спят непробудным сном и можно с уверенностью сказать, что мяса они не заготовят.

Я послал туда уполномоченного Залмаева для заготовки мяса и рыбы, но сведений от него пока не получал»[2].

Сосредоточивая внимание в связи с изменением обстановки на заготовках рыбы и мяса, товарищ Сталин одновременно принимал все меры, чтобы достать и заготовить хлеб. В этом же письме от 4 августа товарищ Сталин пишет:

«Гораздо больше надежды в смысле продовольствия на Саратовскую и Самарскую губернии, где хлеба много и откуда экспедиция Якубова, я полагаю, сумеет выкачать полмиллиона или даже больше пудов хлеба»[3].

Надо представить себе обстановку в Царицыне в те дни, когда писалось это письмо. Это были дни, когда город окружался белыми. А товарищ Сталин, только что вернувшись с фронта, давая боевые распоряжения, ни на минуту не переставал заботиться о посылке продовольствия, об идущей уже в это время уборке урожая, о том, как лучше обеспечить эту уборку и послать в Москву и Петроград хлеб уже нового урожая.

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 149, л. 225. На телеграмме дата 28 без указания месяца. Очевидно, телеграмма отправлена 28 июля, так как в письме Ленину от 4 августа Сталин говорит о том, что экспедиция Якубова находится уже в Саратовской губернии.

[2] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 199.

[3] *Там же.*

В эти же тяжелейшие для Царицына августовские дни 1918 г. был использован еще один путь получения хлеба. Ставропольские красные партизаны по договоренности с Военным советом отправили в Царицын на подводах обоз с хлебом. Было послано свыше тысячи подвод. Подводы отбирались у кулаков, и зерно было изъято из тех же кулацких амбаров. Для сопровождения обоза был сформирован эскадрон кавалерии из наиболее преданных и хорошо вооруженных ставропольских красных партизан. Руководство транспортом было поручено председателю Благодарненского уездного совета. Весь транспорт с хлебом был разбит по боевому принципу на взводы (100 подвод в взводе с командиром во главе) и двигался по маршруту Кресты, Ремонтное, Заветное, Обильное к Царицыну. В пути было не мало вооруженных схваток с белыми. Когда красный обоз с хлебом подошел к Абганерово, зерно было перегружено в вагоны и доставлено в полной сохранности по месту назначения. В Царицыне товарищей, сопровождавших хлебный транспорт, принял в Военном совете товарищ Сталин. Командиры рассказали о положении ставропольских частей и просили помочь им оружием. На те же подводы, которые привезли хлеб, было погружено полученное от Военного совета оружие, обмундирование, и транспорт двинулся обратно в Ставрополье.

Так были использованы все возможности, все виды транспорта—железнодорожный, водный и гужевой для спасения страны от голода.

Когда в середине сентября, после разгрома первого окружения, товарищ Сталин уехал на несколько дней в Москву, командующий фронтом т. Ворошилов телеграфировал товарищу Сталину, прося достать тракторы для уборочной кампании.

«Прикажите Пархоменко,—телеграфировал т. Ворошилов в Москву Сталину 17 сентября,—достать непременно десять тракторов и выслать немедленно Царицын. Без тракторов мы не сможем обработать обширных освобожденных от банд земель. Обратите на этот вопрос самое серьезное внимание. Нами объявлена мобилизация всего мужского и женского трудоспособного населения города и уездов, включая и калмыков, а также взяты на учет все сельскохозяйственные машины. *Ворошилов*»[1].

Так, в грозные осенние месяцы 1918 г. председатель Военного совета Южного фронта товарищ Сталин, командующий фронтом т. Ворошилов, организуя победу над врагом на фронте, ни на минуту не забывали задач строительной работы, вопросов уборки урожая, заботились о тракторах, о сельскохозяйственных машинах и т. д.

В мае 1918 г. в тезисах по текущему моменту Ленин писал о плане *войны за хлеб на 3 месяца: июнь—август 1918 г.*

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 96, л. 38.

Примером организации такой войны и ее блестящих результатов была сталинская работа в Царицыне. Задача была достигнута—*страна спасена от голода до получения нового урожая.*

«Крестовый поход» за хлебом кончился победой партии Ленина—Сталина. Удушить страну «костлявой рукой голода» контрреволюции не удалось. Эта ставка была бита. Сталинские эшелоны с хлебом, отправленные из Царицына, спасли страну и революцию в эти грозные для нее месяцы.

Глава IV

ФОРМИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ ЦАРИЦЫНСКОГО ФРОНТА И СОЗДАНИЕ ВОЕННОГО СОВЕТА

1. Боевые силы Царицынского фронта к моменту приезда товарища Сталина

С первых же дней своего приезда в Царицын товарищ Сталин занялся вопросами формирования вооруженных сил Царицынского фронта. В Царицыне не было в это время готовой армии, которую можно было бы сразу же двинуть в бой против белогвардейцев. Царицын за все время пребывания там товарища Сталина почти не получал никакой помощи вооруженной силой из центра. Единственная сколько-нибудь крупная военная единица, присланная на помощь Царицыну (кроме 38-го Рогожско-симоновского полка, который прибыл в Царицын в конце октября 1918 г.), была Вольская дивизия. Но, будучи скомплектована по вредительским установкам Троцкого, Вольская дивизия бежала с фронта и нанесла огромный вред боевым операциям под Царицыном.

Армию защитников Царицына—боеспособную, сплоченную, дисциплинированную, будущую славную X армию товарищ Сталин создавал, формировал на месте, в Царицыне.

Что же собой представляли боевые силы Царицынского фронта к моменту приезда товарища Сталина?

Согласно декрету Совнаркома, в состав Северокавказского военного округа входили Донская, Терская, Дагестанская области и Ставропольская и Черноморская губернии. 15 июня 1918 г. декрет Совнаркома дополнительно включил в ведение Северокавказского военного округа Астраханскую губернию, уезды Бакинской губ. и левого берега Куры.

Таким образом, на Северокавказский военный округ было возложено руководство всеми военными силами, расположенными на территории РСФСР, южнее границы Воронежской губернии, руководство вооруженными отрядами всего Северного Кавказа, Кубани, Черноморья, Астраханской и Бакинской губерний.

В сводке о составе, численности и дислокации войск Северокавказского военного округа [1], составленной на 20 июня 1918 г., приводились следующие данные о количестве войск, месте их расположения, боевых участках и т. д.

1. *Себряковский фронт* (командующий Миронов)—Кумылга—Иловля—Себряково, делился на два участка—Себряковский и Арчединский (сюда входил и 3-й стрелковый полк дивизии Киквидзе), насчитывал в целом около 3 800 бойцов, 35 пулеметов, 6 орудий.

2. *Царицынский фронт* (командующий Крачковский)—Иловля—Гашун, делился на два участка—Царицынский (начальник участка Межевых) и Жутовский (начальник участка Кругляков), насчитывал около 2 тыс. бойцов.

3. *Кубано-Черноморский фронт* (командующий Калнин), штаб Тихорецкая; сюда входил Великокняжеский участок (начальник участка Васильев), 1, 2, 4-я дивизии и 3 народных батальона. Всего Северокавказская армия насчитывала, согласно сводке, более 52 тыс. бойцов.

4. *Резерв*—гарнизон Царицына (командующий Тулак), около 3 тыс. бойцов.

5. *Морозовско-Донецкая дивизия* — около 13 тыс. бойцов (в это время только подходила к Царицыну).

6. *Черноморское побережье*—около 13 тыс. бойцов.

7. *Терская область.*

Гарнизон Владикавказа около 1 500 бойцов
» Георгиевска около . 1 000 »
» Грозного около . . 1 000 »
» Баку около . . . . 8 000 »

---

[1] См. ЦАКА, д. № 9—300, л. 3.

Таким образом, огромный фронт, растянувшийся южнее границы Воронежской губернии вплоть до Баку, имел, по данным этой сводки, на 20 июня 1918 г. почти что 100-тысячную армию.

Но если присмотреться к этим цифрам несколько внимательнее, то обстановка окажется значительно сложнее.

Во-первых, штаб Северокавказского военного округа, в котором сидели заведомые предатели, ставленники Троцкого, не осуществлял и не пытался осуществлять единого руководства всеми этими вооруженными силами. В штабе не руководили не только боевыми частями в Терской области или на Черноморском побережье, но даже и ближайшим к Царицыну Кубано-Черноморским фронтом, где находилась 50-тысячная армия. К тому же к середине июля эта армия, как уже указывалось выше, в результате захвата белыми Великокняжеской была отрезана от Царицына.

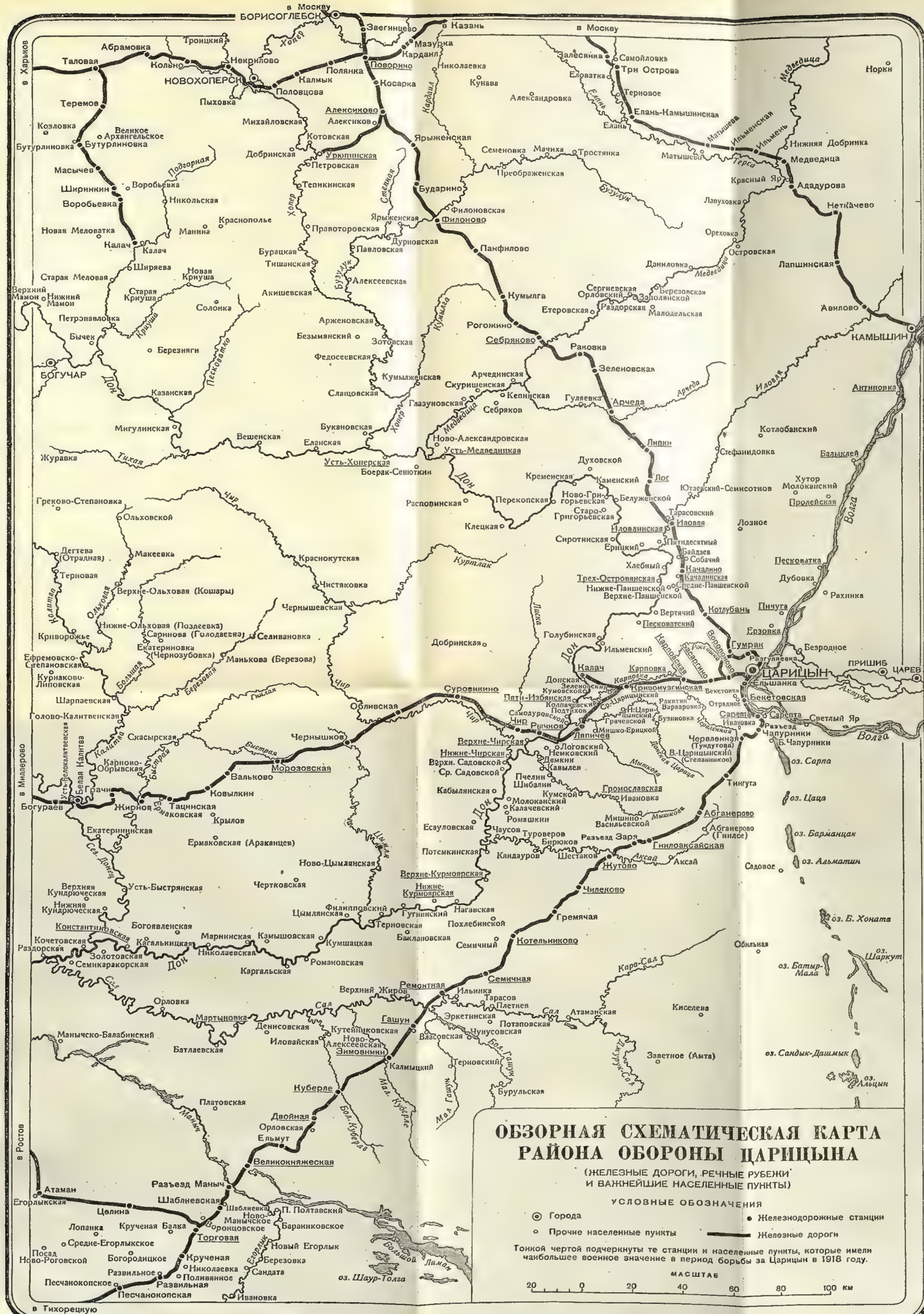
Во-вторых, не было не только единого руководства со стороны штаба СКВО, но не было и единой армии. Все это были большей частью отдельные отряды и отрядики, сражавшиеся у своих станиц и не подчинявшиеся общему командованию. Только в «планах» штаба они фигурировали как нечто единое.

Приводимую нами выше сводку о составе и численности войск на 20 июня подписал «начальник мобилизационного управления» СКВО Ковалевский, предатель, разоблаченный вскоре товарищем Сталиным. В этой сводке против большинства частей стояли пропуски, так как сведений о их численности в штабе СКВО не было, имелись лишь общие суммарные данные, которые мы и привели.

Подписывая эту сводку, автор ее, Ковалевский дал следующее примечание: «Общий итог не подведен по причине большой неточности всех прочих итогов».

Сводка интересна тем, что, кроме общих суммарных данных о составе и численности войск, она ярко подтверждает еще один очень важный момент. Если из этой 100-тысячной армии выделить то количество бойцов, которое к 20 июня сражалось непосредственно на Царицынском фронте, то цифра получится исключительно небольшая: 6 тыс. бойцов на Себряковском и Царицынском участках и 3 тыс. резерв—гарнизон Царицына, т. е. армия примерно в 10 тыс. человек против почти что 50-тысячной армии Краснова, перешедшей в начале июля в решительное наступление на Царицын!

В докладной записке Царицынского губернского военного комиссариата, посланной в Народный комиссариат по военным делам, сообщались следующие данные о составе войск Царицынского гарнизона и его уездов: «С начала формирования Красной армии, т. е. с 9 апреля по день переименования отдела в окружной отдел формирования и обучения (т. е. примерно по июль месяц.—*Э. Г.*), поступило в войска 13 650 человек, которые распределены по местным советским войсковым частям:

ОБЗОРНАЯ СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
РАЙОНА ОБОРОНЫ ЦАРИЦЫНА
(ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ, РЕЧНЫЕ РУБЕЖИ И ВАЖНЕЙШИЕ НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ)
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Города
Прочие населенные пункты
Железнодорожные станции
Железные дороги
Тонкой чертой подчеркнуты те станции и населенные пункты, которые имели наибольшее военное значение в период борьбы за Царицын в 1918 году.
МАСШТАБ
20 0 20 40 60 80 100 км
в Москву
БОРИСОГЛЕБСК
Звегинцево
в Казань
в Москву
в Харьков
Таловая
Абрамовка
Троицкий
Кольно
Некрилово
НОВОХОПЕРСК
Половцова
Калмык
Полянка
Поворино
Мазурка
Кардаил
Николаевка
Косарка
Кунава
Залесянка
Самойловка
Еловатка
Три Острова
Терновое
Елань-Камышинская
Александровка
Медведица
Норки
Теремов
Пыховка
Михайловская
Алексиково
Козловка
Бутурлиновка
Котовская
Урюпинская
Ярыженская
Добринская
Петровская
Семеновка
Мачиха
Тростянка
Ильменская
Нижняя Добринка
Масычев
Воробьевка
Тепикинская
Преображенская
Красный Яр
Ададурова
Ширинкин
Никольская
Бударино
Лапуховка
Неткачево
Краснополье
Филоновская
Филоново
Новая Меловатка
Манина
Правоторовская
Ореховка
Калач
Павловская
Дурновская
Панфилово
Островская
Ширяева
Бурацкая
Тишанская
Даниловка
Лапшинская
Старая Меловая
Новая Круша
Алексеевская
Верхний Мамон
Нижний Мамон
Акишевская
Кумылга
Сергиевская
Орловский
Заполянской
Березовская
Петропавловка
Солонка
Еторовская
Раздорская
Малодельская
Авилово
Бычек
Арженовская
Рогожино
Безымянский
Зотовская
Себряково
КАМЫШИН
БОГУЧАР
Березняги
Федосеевская
Раковка
Зеленовская
Кумылженская
Арчединская
Скуришенская
Казанская
Слащовская
Кепинская
Гуляевка
Арчеда
Антиповка
Глазуновская
Себряков
Мигулинская
Букановская
Ново-Александровская
Вешенская
Еланская
Усть-Медведицкая
Липки
Котлобанский
Журавка
Усть-Хоперская
Боерак-Сенюткин
Стефандиовка
Балыклей
Духовской
Кременская
Каменский
Лог
Греково-Степановка
Распопинская
Перекопская
Ново-Григорьевская
Белужинской
Ютаевский-Семисотнов
Хутор Молоканский
Пролейская
Ольховской
Старо-Григорьевская
Тарасовский
Иловля
Лозное
Клецкая
Сиротинская
Иловлинская
Пятидесятный
Дегтева (Отрадная)
Макеевка
Ерицкий
Байдаев
Собачий
Песковатка
Краснокутская
Хлебный
Качалино
Терновая
Трех-Островянская
Качалинская
Дубовка
Чистяковка
Нижне-Паншенской
Средне-Паншенской
Верхне-Ольховая (Кошары)
Верхне-Паншенской
Рахинка
Чернышевская
Вертячий
Котлубань
Пичуга
Песковатский
Нижне-Ольховая (Поздеевка)
Саринова (Голодаевка)
Селивановка
Голубинская
Ерзовка
Криворожье
Екатериновка (Чернозубовка)
Добринская
Ильменский
Гумрак
Безродное
Ефремовско-Степановская
Манькова (Березова)
Курнаково-Липовская
Калач
Карповка
Разгуляевка
ЦАРИЦЫН
ПРИШИБ
ЦАРЕВ
Донская
Кривомузгинская
Бекетовка
Ельшанка
Шарпаевская
Суровикино
Пяти-Избянская
Бекетовская
Голово-Калитвенская
Обливская
Варваровка
Отрадное
Сарепта
Светлый Яр
Чир
Рычков
Ляпичев
Бузиновка
Грачевской
Ивановка
Разъезд Чапурники
Б. Чапурники
Волга
Чернышков
Верхне-Чирская
Мишко-Ерицкой
Червленная (Тундутова)
Скасырская
Нижне-Чирская
Логовский
Немковский
В.-Царицынский (Степанников)
оз. Сарпа
Карпово-Обрывская
Морозовская
Верхн. Садовской
Ср. Садовской
Демкин
Кавылев
Тингута
Вальково
Белая Калитва
Пчелин
Шибалин
Громославская
оз. Цаца
в Миллерово
Грачи
Ковылкин
Кабылянская
Кумской
Ивановка
Богураев
Жирнов
Тацинская
Молоканский
Калачевский
Абганерово
Крылов
Ромашкин
Мишино-Васильевской
Абганерово (Гнилое)
Екатерининская
Есауловская
Чаусов
Туроверов
Бирюков
Разъезд Заря
оз. Барманцак
Ермаковская (Аракандев)
Кандауров
Шестаков
Гнилоаксайская
Потемкинская
Жутово
Аксай
Садовое
оз. Альматин
Ново-Цымлянская
Верхне-Курмоярская
Нижне-Курмоярская
Верхняя Кундрючеcкая
Усть-Быстрянская
Чертковская
Чилеково
Нижняя Кундрючеcкая
оз. Б. Хоната
Цымлянская
Филипповский
Гугнинский
Нагавская
Гремячая
Константиновская
Богоявленская
Терновская
Похлебинской
Кочетовская
Кагальницкая
Маринская
Камышовская
Кумшацкая
Семичный
Котельниково
Обильная
Раздорская
Золотовская
Николаевская
Баклановская
оз. Шаркут
Семикаракорская
Романовская
Каргальская
Кара-Сал
оз. Батыр-Мала
Орловка
Верхний Жиров
Ремонтная
Семичная
Ильинка
Тарасов
Плетнев
Мартыновка
Гашун
Эркетинская
Атаманская
Киселева
Денисовская
Кутейниковская
Потаповская
Манычско-Балабинский
Чунусовская
Батлаевская
Иловайская
Ново-Алексеевская
Власовская
Зимовники
Заветное (Аита)
Калмыцкий
Терновский
оз. Сандык-Дашмык
Кубурле
Бурульская
оз. Альцын
Платовская
Двойная
Орловская
Ельмут
в Ростов
Великокняжеская
Атаман
Разъезд Маныч
Егорлыкская
Шаблиевская
Шаблиевка
Целина
Ново-Манычское
П. Полтавский
Лопанка
Крученая Балка
Вороновское
Бараниковское
Торговая
Средне-Егорлыкское
Новый Егорлык
Посад Ново-Роговской
Богородицкое
Крученая
Березовка
Николаевка
Сандата
Развильное
Поливянное
оз. Шаур-Толга
Песчанокопское
Развильная
Песчанокопская
Ивановка
в Тихорецкую
Хопер
Дон
Медведица
Илoвля
Бузулук
Чир
Сал
Маныч

1-й Царицынский революционный кавалерийский полк, 1-й крестьянский добровольческий полк, 1-й Сербский советский батальон, 1-й Царицынский артиллерийский дивизион, 1-й Царицынский полк коммунистов-большевиков, Революционный батальон иностранных коммунистов и 1-й пехотный Советский царицынский полк.

Кроме того имеется на фронтах четыре неполных казачьих полка, 1 и 2 интернациональные полки» [1].

В июле, по данным этой же докладной записки, гарнизон Царицына насчитывал уже 7 459 человек, Царицынский уезд—2 179 человек; гор. Черный Яр—358 человек, его уезд—207 человек; гор. Царев—864 человека, его уезд—496 человек; гор. Николаевск—295 человек, его уезд—445 человек, всего 12 303 человека [2].

Очень плохо обстояло также с вооружением всех царицынских частей.

В этой же докладной записке приводились следующие сведения о вооружении гарнизонов уездов:

В гарнизоне	Орудий	Пулеметов	Винтовок	Револьверов	Шашек	Патронов	Снарядов	Ручных гранат
Царицын и его уезд	8	59	7 311	68	380	752 892	1 273	893
Черный Яр и его уезд	—	9	385	2	38	61 100	—	453
Николаевск и его уезд . . .	—	8	560	8	125	56 000	—	285
Царев и его уезд	—	12	1 100	11	30	60 000	—	35
Итого	8	88	9 356	89	573	929 992	1 273	1 666
На складах Царицына	—	3	356	8	5	53 743	—	303
Черный Яр	—	1	179	3	22	12 880	23	152
Николаевск	—	—	—	—	—	—	—	—
Царев	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего по губернии [3]	8	92	9 891	100	600	996 615	1 296	2 121

Следовательно, на вооруженные отряды в 12 303 человека было в наличии только 9 891 винтовка и на каждого красноармейца приходилось меньше сотни патронов!

Вооруженные части, сражавшиеся на Царицынском фронте, создавались из царицынских красногвардейских отрядов,

[1] ЦАКА, ф. РВСР, д. № 122—072, л. 135—138.
[2] См. *там же*.
[3] См. *там же*.

частей революционного казачества и крестьянства, демобилизованных солдат и т. д. Значительным источником формирования являлись также военнопленные-рабочие (многие из них стали впоследствии членами партии), большое количество которых в годы империалистической войны было сосредоточено в Поволжье, в частности в Царицыне и его уездах.

В одном Царицыне находилось свыше 5 тыс. военнопленных. Для работы среди них был создан Царицынский рабочий культурно-просветительный союз военнопленных. Из военнопленных был сформирован Интернациональный и другие полки. Всего было принято в Царицыне добровольцев в Красную Армию из военнопленных 1 200 человек, а вместе с уездами Царицына—около 2 тыс. человек. С боем пробился к Царицыну вытесняемый немцами и гайдамаками с Украины 1-й Сербский революционный полк, насчитывавший около 1 тыс. бойцов с тремя пулеметами.

Таков был количественный состав тех частей, которые застал товарищ Сталин под Царицыном в июне 1918 г. Чтобы отразить напор донской контрреволюции, надо было эту 10-тысячную армию, во-первых, увеличить втрое или вчетверо, во-вторых, вооружить и, в-третьих, превратить в подлинную армию, объединенную общим руководством, общими боевыми заданиями и железной дисциплиной.

Вооруженные силы Царицынского фронта к июню 1918 г. располагались в основном в трех направлениях вдоль линий железных дорог: Царицын—Поворино, Царицын—Тихорецкая, Царицын—Лихая, т. е. к северу, югу и западу от Царицына. В соответствии с этим формировались постепенно три основные боевые группы, делившиеся в свою очередь на более мелкие участки: Царицын—Поворино (северные участки, правый фланг), Царицын—Тихорецкая (южные участки, левый фланг), Царицын—Лихая (западные участки, центр). Для того чтобы понять, какая огромная работа по формированию и созданию армии была проведена товарищем Сталиным в Царицыне, необходимо обратиться прежде всего к состоянию каждого из этих боевых участков в июне—июле 1918 г.

Боевой участок северо-западнее Царицына, вдоль железнодорожной линии Царицын—Поворино, проходил по северо-восточной части бывшей области Войска Донского.

В июне 1918 г. здесь в свою очередь образовалось несколько боевых участков.

В районе Поворино—Алексиково—Филоново действовала дивизия Киквидзе, состоявшая «из 6 276 чел., 2 096 лошадей, 4 батарей, 4 броневиков, 2 кав. полка и др. технических частей» [1], бригада Сиверса и революционные казачьи части под командованием Миронова. Ближе к Царицыну, в районе Липки—

---

[1] Докладная записка Киквидзе в Высший военный совет. ЦАКА, д. № 118—938, л. 40—41.

Арчеда образовался другой боевой участок, главным образом из царицынских частей.

Еще ближе к Царицыну находился Качалинский боевой участок под командованием Межевых (командир красногвардейского отряда из ростовских рабочих, прибывший в Царицын после занятия немцами Ростова). На северном участке только дивизия Киквидзе была переброшена на Царицынский фронт из Тамбовской губернии и отряд Межевых прибыл из Ростова, остальные отряды формировались из царицынских красногвардейцев и революционного казачества.

Весной 1918 г. повсюду по станицам северных округов Донской области стали создаваться революционные отряды иногородних и трудового казачества. Почти каждая станица создавала свой красноармейский отряд. Они так и назывались вначале по названию станиц или по имени начальника отряда: Ново-Григорьевский отряд, Качалинский, Логовский, Иловлинский и т. д.

Отряды сражались, как правило, на позиции около своего хутора или станицы. В перерывах между боями шли домой пообедать. Родные приносили в окопы мужьям, сыновьям, братьям провизию. «У белых,—рассказывает в своих воспоминаниях один из бойцов Ново-Григорьевского отряда,—донские казаки станиц Ново-Григорьевской, Старо-Григорьевской, Кременской, Клецкой, Сиротинской и у нас из тех же станиц донские казаки. Выучка и муштровка одна и та же, в империалистическую войну воевали вместе, были в одном полку $3\frac{1}{2}$ года на германском фронте, а когда оттуда мы возвращались, то расходились по домам и захватили с собой винтовки, вот с этими-то винтовками мы стали воевать. Так что никакой не было разницы в ухватке, скаку на лошади с пикой и рубке направо и налево саблей. Была только одна разница—это сознание, за что он идет воевать. У нас каждый красногвардеец отлично знал, за что он воюет и против кого, а у белых не знали, за что он воюет и против кого»[1].

Эти революционные партизанские отряды дрались храбро и самоотверженно. Но дальше своей станицы уходить не хотели, действовали по собственному плану и были лишены всякого военного руководства. Предстояла огромной трудности задача—объединить эти отряды в армию, подчинить их общему военному руководству, поднять дисциплину в частях, преодолеть партизанщину, подчинить все части одной общей боевой задаче.

Характеризуя в своем письме к Ленину от 4 августа положение, создавшееся к этому времени на северном и южном участках, товарищ Сталин подчеркивал прежде всего задачу полной ликвидации *«отрядной неразберихи»* и «своевременное

---

[1] Материалы секретариата ИГВ. Рукописный фонд. Инвентарный № 3244, стр. 25.

удаление, так называемых, специалистов (больших сторонников отчасти казаков, отчасти англо-французов)»[1].

В этом же письме товарищ Сталин указывал, что северные участки «*наиболее слабы и необеспечены*»[2]. Эту слабость и необеспеченность северных участков и создавшуюся в связи с этим неблагоприятную обстановку на Царицынском фронте товарищ Сталин объяснял следующими моментами:

«1) Поворотом фронтовика, «справного мужика», в Октябре боровшегося за советскую власть—против советской власти (он ненавидит всей душой хлебную монополию, твердые цены, реквизиции, борьбу с мешочничеством); 2) казачьим составом войск Миронова (казачьи части, именующие себя советскими, не могут, не хотят вести решительную борьбу с казачьей контрреволюцией; целыми полками переходили на сторону Миронова казаки для того, чтобы, получив оружие, на месте познакомиться с расположением наших частей и потом увести с собой в сторону Краснова целые полки; Миронов трижды был окружен казаками, ибо они знали всю подноготную Мироновского участка и, естественно, разбили его на голову); 3) отрядным строительством частей Киквидзе, исключающим возможность связи и координации действий; 4) изолированностью в виду всего этого частей Сиверса, потерявших опору на левом фланге»[3].

«Отрядная неразбериха», отрядное строительство частей, «исключающее возможность связи и координации действий», обострение классовой борьбы в деревне, поворот «справного мужика» против советской власти, необеспеченность руководства в казачьих частях Усть-Медведицкого округа, которыми командовал бывший казачий полковник Миронов (впоследствии за контрреволюционные преступления был расстрелян советской властью), предательство военспецов, насаждаемых Троцким,— так исчерпывающе характеризовал товарищ Сталин причины слабости и необеспеченности северных участков фронта.

Все эти моменты, указанные товарищем Сталиным, в полной мере относились и к южному участку, который и Ленин и Сталин считали важнейшим боевым участком, обеспечивающим по линии Царицын—Тихорецкая связь со всем Северным Кавказом.

Партизанское движение казачьей бедноты и иногородних против белогвардейцев здесь, на юге, особенно в Сальских степях, было еще сильнее, чем в Северных округах. В начале февраля 1918 г. была установлена советская власть в центре Сальского округа—станице Великокняжеской (Пролетарская). Для борьбы с белыми, действовавшими под командованием генерала Гнилорыбова, полковника Попова и др., начали со-

---

[1] «Ленинский сборник» XVIII, стр. 198.
[2] *Там же*, стр. 197. (Курсив мой.—*Э. Г.*)
[3] *Там же*, стр. 198.

здаваться красногвардейские отряды. В Великокняжеской был создан отряд под командованием Шевкоплясова, в Зимовниках—отряд Круглякова, в слободе Мартыновке—отряд Ковалева, в Котельникове—отряд Васильева и, наконец, в станице Платовской—конный отряд под командованием С. М. Буденного.

Котельниковский отряд состоял преимущественно из рабочих-железнодорожников (Котельниково—крупный железнодорожный пункт, где находилось железнодорожное депо), все остальные отряды состояли из казачьей бедноты и иногородних.

Здесь же, на реке Сал, в Сальском округе, выросла та боевая единица, которая впоследствии под руководством товарищей Сталина и Ворошилова стала решающей силой на фронтах гражданской войны.

Станица Платовская, которая находится недалеко от Великокняжеской, была населена наполовину русскими, наполовину калмыками. После Октябрьской революции с фронта вернулся в Платовскую С. М. Буденный. Вскоре он создал в станице ревком из фронтовиков-иногородних. Калмыцкое население станицы сначала создало свой калмыцкий ревком. Впоследствии оба ревкома объединились, и был создан общий ревком, установивший связь с окружным ревкомом в Великокняжеской. Вместе с Буденным, рука об руку с ним работал в Платовской Ока Городовиков, тоже уроженец станицы.

В феврале 1918 г. Буденный выехал в Великокняжескую, куда был назначен комиссаром земледелия. Но тов. Буденный находился недолго на этой работе. Вскоре он уехал обратно в Платовскую, где организовал свой конный отряд, который влился потом в кавалерийский отряд Думенко, созданный также на территории Сальского округа.

Сам Думенко—кулак по происхождению, имел ветряную мельницу, два дома и т. д. Но во время империалистической войны у него конфисковали скот и лошадей, кое-что отняли и белые. Это толкнуло на время Думенко в лагерь красных, он стал создавать кавалерийский отряд, но не у себя на родине, в Черкасском округе Донской области, а в Сальском округе, где его как кулака никто не знал.

Ликвидация «отрядной неразберихи» на южном участке фронта проходила, как и на других участках, под непосредственным руководством товарищей Сталина и Ворошилова.

28 июня «добровольческая» армия Деникина заняла Великокняжескую, еще раньше белыми была захвачена станица Платовская. Революционные отряды Платовской, Великокняжеской и др. отступили к реке Сал (к Гашуну).

Отступали вместе с семьями и домашним скарбом.

«Когда день клонился к вечеру,—описывает отступление из Платовской тов. Городовиков,—потянулся из Платовской отряд с обозом. Ехали с семьями, с ребятишками к станции Гашун, к месту сбора партизанских отрядов Сальского округа. Скрипят колеса. Наполнились степи говором,

На ночлег располагались табором. Кругом посты и дозоры. У каждой телеги костер.—Хозяйки домовничают, готовят ужин, как будто и не воюем, а так, всей станицей в ночное собрались. Станция Гашун превратилась в огромное становище. Собралось больше трех тысяч кавалеристов, тысяч десять пехоты, несколько батарей. Куда ни глянь—любопытные картины. Вот группа ребятишек играет на зарядных ящиках. На повозке, рядом с приготовленным к бою пулеметом, мать кормит грудью ребенка»[1].

В середине июля товарищ Сталин и товарищ Ворошилов лично выехали на южный участок. «От станции Гашун нам удалось добраться до ст. Зимовники, южнее Котельниково»,—писал товарищ Сталин в своем письме к Ленину от 16 июля. По предложению товарища Сталина, конные отряды партизан должны были быть соединены в конные дивизии для создания больших конных масс.

После отъезда товарища Сталина все его директивы были осуществлены задержавшимся на этом участке больше чем на две недели товарищем Ворошиловым.

«На ст. Гашун под руководством Климентия Ефремовича Ворошилова была закончена реорганизация партизанских отрядов. Пехота была объединена под командой Шевкоплясова, а конница в составе 12 эскадронов и трех батарей под командой Думенко и Буденного»[2].

Особенно трудной была переправа через р. Сал при отступлении от Гашуна к Ремонтной. Мост через р. Сал был взорван белыми. В меньших масштабах и с меньшими трудностями и здесь повторился эпизод, имевший место при переправе ворошиловских частей через Дон. Мост усилиями бойцов был восстановлен. Устроили насыпь и на подводах подвозили песок и щебень. Ребятишки в мешках, в корытах носили землю. Вокруг беспрерывно рвались снаряды. Тогда бойцы решили сделать нечто вроде дымовой завесы, чтобы прикрыться от обстрела белогвардейцев. Подожгли стог соломы, и это прикрывало строительство моста.

«Через двое суток огромная насыпь, высотой в 30 метров была готова. Уложили рельсы и легонько вагон за вагоном перекатили составы»[3].

Перейдя Сал, отряды расположились в Ремонтной, где заканчивалось формирование.

Так двигались в июле революционные партизанские отряды Сальского округа к Царицыну, превращаясь по пути благодаря руководству товарищей Сталина и Ворошилова из неорганизованных, разрозненных отрядов и отрядиков в боеспо-

---

[1] *Городовиков,* Рождение Первой конной, Гиз УзССР, Ташкент 1936 г., стр. 22.

[2] *Там же.*

[3] *Там же,* стр. 24.

собную, объединенную общим командованием революционную армию защитников Царицына. Отход к Царицыну не обходился без сопротивления. Многие не хотели уходить от своих станиц, не хотели подчиняться общему командованию и воинской дисциплине. В частности большое сопротивление отходу к Царицыну оказывал Думенко. Поэтому и получилось, что в период первого и второго окружения большая часть этих войск южного участка была отрезана от Царицына.

Некоторые отряды (Сальского округа—отряды Колпакова, Булаткина) после захвата Великокняжеской белыми (28 июня), отступая, попали сначала в Ставропольскую губернию, затем в Астраханские степи. Из Астраханских степей они двинулись к Царицыну, объединяя в своих рядах и революционных партизан Ставропольщины. Из этих частей была организована впоследствии Доно-Ставропольская бригада, влившаяся в ряды X Красной Армии.

Так благодаря руководству товарища Сталина на севере, на юге, вокруг Царицына вырастала боеспособная армия.

2. Назначение тов. Ворошилова командующим войсками Царицынского фронта и создание Военного совета

В первых числах июля закончился славный переход ворошиловских частей.

«Железнодорожный мост у Ляпичево исправлен 1 июля,— сообщала газета «Известия Северокавказского военного округа».—Главные силы группы Ворошилова к 3 июля, несмотря на активные действия противника и обстрел железнодорожного моста артиллерийским огнем, переправились на левый берег Дона»[1].

Переход группы Ворошилова Донбасс—Царицын приковывал к себе внимание и белогвардейской прессы. Белые понимали, какое огромное значение имел этот переход для обороны Царицына, и принимали все меры, чтобы не дать Ворошилову пробиться к Дону и за Дон.

Еще в самом начале перехода Донбасс—Царицын белогвардейская газета «Донской край» писала в статье «Борьба с красногвардейцами»:

«Другим районом борьбы с красногвардейцами (после ростовского.—*Э. Г.*) следует считать местность, прилегающую к железнодорожной линии Лихая—Царицын. Это направление должно расцениваться важным по трем соображениям: во-первых потому, что по этой линии пытаются уйти в направлении на Царицын части Красной армии, подлежащие уничтожению, и, во-вторых, потому, что конечным пунктом на этой линии

---

[1] «Известия комиссариата по военным делам Северокавказского военного округа» № 11 от 6 июня 1918 г.

является Царицын,—равнозначный Ростову железнодорожный узел на востоке области, и, в-третьих, потому, что эта линия делит в географическом отношении всю область пополам и отсутствие обладания ею пагубным образом отражается на управлении областью. Этих соображений достаточно, чтобы перенести центр тяжести борьбы с Красной гвардией из Ростовского района в район центральной, чтобы обезвредить сердце области, находящееся в Царицынском железнодорожном узле» [1].

Так расценивала белогвардейская газета значение линии Лихая—Царицын для борьбы за захват находящегося в «сердце области» красного Царицына, и поэтому с самого начала похода Ворошилова была поставлена задача не дать т. Ворошилову прорваться к Дону. Но те части, которые, по выражению белогвардейской газетки, должны были «подлежать уничтожению», наголову разбили белобандитов и с боем победоносно прорвались к Царицыну.

К июлю белогвардейские сводки вынуждены были признать, что «ценою громадных усилий красным главковерхам 18 июня [2] удалось восстановить донской железнодорожный мост и воспользоваться им для перевоза на восточную сторону многочисленных эшелонов...» [3]

Из частей, приведенных товарищем Ворошиловым, возникли две основные дивизии, являвшиеся костяком X армии,—Коммунистическая дивизия и Морозовско-Донецкая. Особенно трудной была задача отучить бойцов сражаться только рядом со своим эшелоном. Красноармейцы, привыкнув к эшелонной войне, не хотели выходить из эшелонов. После перехода ворошиловских частей через Дон в Кривую Музгу специально приехали товарищи Сталин и Ворошилов, которые объяснили бойцам задачи обороны Царицына и необходимость оставить эшелоны. Семьи всех прибывших частей были расселены вокруг Царицына. Только выйдя из эшелонов, бойцы стали в подлинном смысле слова организованной армией, способной перейти в решительное наступление на красновские банды.

В состав сформированной в это время коммунистической дивизии входили следующие полки: Первый коммунистический пехотный полк (командир Локотош), Второй коммунистический пехотный полк (командир Туз), Третий Украинский революционный полк (командир Кривенко), Луганский полк (командир Питомин), Сиверский полк (командир Крючковский). Артиллерия находилась под руководством т. Кулика.

Морозовско-Донецкая дивизия в это же время (июль 1918 г.) состояла из следующих полков: Морозовский полк, Первый Донецкий полк, Второй Донецкий полк, Громославский полк, Воронцовский полк, Чернышковский отдельный батальон, кава-

---

[1] «Донской край»—орган Временного донского правительства, № 6 от 29 апреля (11 мая) 1918 г. Новочеркасск.

[2] Дата дана, очевидно, по старому стилю.

[3] ЦАКА, д. № 119—938, л. 30.

лерийский полк из двух дивизионов, железнодорожный батальон и артиллерийская бригада.

Всего в каждой из дивизий (Коммунистической и Морозовско-Донецкой) находилось свыше 12 тыс. бойцов (а в обеих вместе примерно около 24—25 тыс. бойцов). Но за время первого и второго окружения Царицына потери этих двух основных дивизий Царицынского фронта были очень значительны. Так, к 15 сентября количество бойцов в каждой из дивизий равнялось примерно 6—7 тыс. штыков и сабель.

Как только 22 июня т. Ворошилов приехал в Царицын, приказом от 23 июня по армиям Царицынского фронта было объявлено:

«1) Все оставшиеся части бывших 3 и 5 армий, части бывшей армии Царицынского фронта и части, сформированные из населения Морозовского и Донецкого округов, объединить в одну группу, командующим которой назначается бывший командующий 5-й армией товарищ Климент Ефремович Ворошилов.

2) Всем названным выше воинским частям впредь именоваться «группой войск товарища Ворошилова».

3) Все начальники частей, отрядов и армий, перечисленных выше в § 1, обязуются беспрекословно подчиняться всем приказам тов. Ворошилова. Предупреждается, что неповинующиеся будут предаваться Военно-Революционному трибуналу. Кроме того, так как подобным неповиновением они наглядно докажут, что они не понимают или почему либо не желают выполнять революционную дисциплину, которая требует от каждого подчиненного прежде всего беспрекословного выполнения всех распоряжений назначенного советской властью начальника, все такие неповинующиеся должны немедленно отрешаться по своему несоответствию от занимаемых ими командных должностей»[1].

На этом приказе, изданном по предложению товарища Сталина, он лично написал:

«Подтверждаю назначение т. Ворошилова командующим частями бывших 3 и 5 армий, бывшей армии Царицынского фронта и частями, сформированными из населения Морозовского и Донецкого округов. Член Совета Народных Комиссаров

Народный Комиссар *Сталин*»[2].

Таким образом, военное руководство Царицынским фронтом оказалось в верных руках командарма Ворошилова. Не прошло и трех недель после приезда товарища Сталина, как важнейшие вопросы сплочения и объединения сил на всех боевых участках под Царицыном были в основном осуществлены. Но для того чтобы обеспечить победу над врагом, надо было разгромить,

---

[1] ЦАКА, д. 207—802, л. 5.
[2] *Там же.*

разогнать гнездо предателей, засевших в штабе Северокавказского военного округа. Штаб вредительски поддерживал линию на «отрядную неразбериху», способствовал разложению дисциплины, давал заведомо ложные сведения (как в случае с Киквидзе), согласно приказам Троцкого ориентировал армию и командиров не на решительное наступление на донскую контрреволюцию, а только лишь на оборонительные действия.

Уже в своей телеграмме Ленину от 29 июня (см. стр. 96 настоящей работы) товарищ Сталин со всей остротой поставил вопрос о смене военного руководства, говоря о беспредельной «вялости и халатности военных специалистов», о том, что «обилие штабов и отсутствие единства действий превращает фронт в кашу». «Без экстренных и решительных мер,—заканчивал свою телеграмму товарищ Сталин,—нечего и думать об охране линии и продовольственных грузов».

7 июля в своей записке Ленину, которая сопровождалась характерной припиской: «спешу на фронт, пишу только по делу», товарищ Сталин сообщал о перерыве линии южнее Царицына и еще более резко и определенно, чем в предыдущем письме, поставил вопрос о вредительстве военных руководителей из штаба СКВО.

«Если бы наши военные «специалисты» (сапожники!) не сидели и не бездельничали, линия не была бы прервана; и если линия будет восстановлена, то не благодаря военным, а вопреки им»[1].

11 июля, присмотревшись еще более внимательно к саботажу, царившему в штабе СКВО, товарищ Сталин опять писал Ленину:

«Дело осложняется тем, что штаб Северо-Кавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контрреволюцией. Дело не только в том, что наши «специалисты» психологически неспособны к решительной войне с контрреволюцией, но также в том, что они, как «штабные» работники, умеющие лишь «чертить чертежи» и давать планы переформировки, абсолютно равнодушны к оперативным действиям... и вообще чувствуют себя как посторонние люди, гости. Военкомы не смогли восполнить пробел».

И далее в этой же записке товарищ Сталин делал следующий общий вывод:

«Смотреть на это равнодушно, когда фронт Калнина оторван от пункта снабжения, а север—от хлебного района, считаю себя не в праве. Я буду исправлять эти и многие другие недочеты на местах, я принимаю ряд мер и буду принимать вплоть до смещения губящих дело чинов и командиров, несмотря на формальные затруднения, которые при необходимости буду ломать. При этом понятно, что беру на себя всю ответственность перед всеми высшими учреждениями»[2].

---

[1] *Ворошилов,* Сталин и Красная армия, Воениздат, М. 1937 г., стр. 7.
[2] *Там же,* стр. 7, 8.

Российская Федеративная Советская Республика

Народный Комиссариат по делам национальностей

10-го Іюля № [illegible]

Москва [illegible]

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Настоящим удостоверяется, что Климент Ефремович ВОРОШИЛОВ действительно является командующим войсками Царицынского фронта.

Член Совета Народных Комиссаров
Народный Комиссар

Царицын 10-го Іюля 1918 года.

Удостоверение товарища Ворошилова

И, наконец, после объезда фронта товарищ Сталин поставил перед Лениным вопрос о немедленном снятии Снесарева.

«Военрук Снесарев,—телеграфировал товарищ Сталин 16 июля Ленину,—по-моему очень умело саботирует дело очищения линии Котельниково—Тихорецкая. Ввиду этого я решил лично выехать на фронт и познакомиться с положением. Взял с собой Зедина, командующего Ворошилова, броневой поезд, технический отряд и поехал. Полдня перестрелки с казаками дали нам возможность прочистить дорогу, исправить путь в четырех местах на расстоянии 15 верст. Все это довелось нам сделать вопреки Снесареву, который против ожидания также поехал на фронт, но держался от поезда на расстоянии двух станций и довольно деликатно старался расстроить дело. Теперь две просьбы к Вам, товарищ Ленин,—первое убрать Снесарева, который не в силах, не может, неспособен или не хочет вести войну с контрреволюцией, со своими земляками-казаками. Может быть, он и хорош в войне с немцами, но в войне с контрреволюцией он—серьезный тормоз, и если линия до сих пор не прочищена,—между прочим потому, и даже главным образом, потому, что Снесарев тормозил дело.

Вторая просьба: дайте нам срочно штук восемь броневых автомобилей. Они могли бы возместить, компенсировать, повторяю,—компенсировать численный недостаток и слабую организованность нашей пехоты.

Нарком *Сталин*»[1].

На телеграмме Сталина Ленин написал: «*По-моему согласиться со Сталиным*».

Предатель Троцкий всячески тормозил отзыв Снесарева. Но как только согласие Ленина на предложенные товарищем Сталиным мероприятия было получено в Царицыне, тотчас же (17—18 июля) было созвано совещание в составе товарищей Сталина, Ворошилова, Анисимова, Пархоменко и др., на котором были приняты следующие решения:

1. Решено единогласно удалить Снесарева.
2. Признано необходимым создать Военный совет с оперативными функциями.
3. Военный совет предполагался из 5 лиц во главе с товарищем Сталиным.
4. Было принято решение об организации военных курсов для подготовки низшего и среднего командного состава[2].

Троцкий все же сорвал решение совещания о создании Военного совета из 5 товарищей, санкционировав создание Военного совета из 3 человек. Вопреки Троцкому, по прямому настоянию Ленина, Снесарев был отозван. 19 июля приказом из Москвы было объявлено о том, что ввиду обнаруженных неудобств нынешней организации Северокавказского округа

[1] «Правда» от 3 января 1935 г.
[2] См. ЦАКА, д. № 119—822, л. 194.

руководство всеми военными организациями переходит из рук Военного Комиссариата в руки Военного совета Северокавказского округа во главе с товарищем Сталиным. Военруку Снесареву предписывалось немедленно выехать в Москву для доклада Высшему военному совету.

Так как Военный совет был санкционирован в составе трех членов, а Троцкий, опять-таки предательски, настаивал на обязательном включении военного специалиста, то по рекомендации Минина членом Военного совета был утвержден военспец Ковалевский. Но Ковалевский не проработал и недели, как был разоблачен товарищем Сталиным. 10 августа Ковалевский и Носович, по приказу товарища Сталина, были арестованы, а членом Военного совета был утвержден еще ранее—5 августа командующий армиями товарищ Ворошилов.

Так был создан Военный совет, возглавляемый товарищем Сталиным, так были отстранены от руководства явные контрреволюционеры, поддерживаемые Троцким.

3. Первые мероприятия Военного совета

Военный совет Северокавказского военного округа, созданный в тяжелейших условиях подготовлявшегося окружения Царицына, с первых же дней своей организации предпринял ряд решительных мер как для укрепления обороны города, так и для организации решительного наступления на всех участках фронта.

После получения приказа из Москвы о создании Военного совета и устранении Снесарева Военный совет приказом № 2 сообщал по округу о своей организации.

В тот же день, 24 июля, Военный совет в приказе № 1а по войскам Северокавказского военного округа определил основные боевые участки, план расположения сил, боевые задачи каждого участка. Согласно этому приказу, было создано 4 боевых участка: *Усть-Медведицкий*—ком. Миронов (от станции Кумылга до станции Котлубань—включительно), *Царицынский*—ком. Харченко (от Котлубани до Котельникова), *Сальская группа*—ком. Шевкоплясов (Котельниково—Зимовники) и *Кубано-Черноморский участок*—ком. Калнин. На Усть-Медведицком участке к 1 августа 1918 г. имелось в наличии 6826 штыков, 460 сабель, 51 пулемет, 13 орудий. Основная боевая задача участка заключалась в том, чтобы вместе с войсками Поворинского района (дивизия Киквидзе, бригада Сиверса) прочно держать в своих руках железнодорожную линию Поворино—Котлубань, не допуская перерыва связи с Москвой, и оттеснить противника за реку Дон на участке устья рек Хопер—Песковатка.

На Царицынском участке находилась Коммунистическая дивизия, Морозовско-Донецкая, отдельные царицынские полки,

в Жутово—отряд Круглякова, в Котельниково—отряд Васильева, всего в количестве 20 295 штыков, 2 735 сабель, 162 пулемета, 82 орудия.

Сальская группа насчитывала 9 180 штыков, 1 700 сабель, 86 пулеметов, 17 орудий.

Кубано-Черноморский участок: три дивизии, отдельные отряды—всего свыше 44 тыс. штыков, 1 200 сабель[1].

Таким образом, окончательно были определены 4 основных боевых участка: Усть-Медведицкий, Царицынский, Сальская группа, Кубано-Черноморский участок, точно установлены их боевые задачи, организована непрерывная связь с Военным советом и подчеркнуто, что войска должны быть информированы о данном приказе.

Приказ № 1 был важнейшим шагом по сплочению армии, установлению дисциплины, по ликвидации «отрядной неразберихи».

В тот же день, 24 июля, Военный совет издал другой важнейший приказ—о мобилизации двух годов.

«Произвести в Царицынском уезде мобилизацию всего боеспособного мужского населения, призвав на военную службу всех родившихся в 1896 и 1897 годах»[2].

В прифронтовой полосе и в не занятых белыми частях Донской области предписывалось объявить мобилизацию всего боеспособного мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет. Этот приказ являлся реализацией декрета ВЦИК от 29 мая о переходе от добровольчества в армии к всеобщей мобилизации рабочих и крестьян.

7 июня царицынская радиостанция приняла постановление ВЦИК за подписью Свердлова о мобилизации одного или нескольких возрастов, причем в постановлении указывалось, что «мобилизация начинается с наиболее угрожаемых областей и с главных центров рабочего движения». В первую очередь намечалась Москва, Петроград, Донская и Кубанская области. Наркомвоену поручалось разработать в недельный срок план осуществления мобилизации для Москвы, Петрограда, Донской и Кубанской областей в таких пределах и формах, которые «не нарушили бы государственной и общественной жизни означенных областей и городов».

Военный совет развернул вокруг мобилизации огромную массовую работу. Дело не обошлось без серьезных затруднений. В ответ на мобилизацию в ряде районов вспыхнули кулацко-эсеровские мятежи. В конце июля контрреволюционные выступления произошли в Ерзовке, Песковатке, Пичуге, Дубовке. Военный совет разослал по уезду своих представителей и агитаторов. Контрреволюционные выступления были быстро

---

[1] Данные о количестве войск взяты из сводки Военного совета на 1 августа 1918 г. ЦАКА, № 47—810, л. 1—4.

[2] «Борьба», Царицын, № 173 от 1 августа 1918 г. Приказ за подписью товарища Сталина.

ликвидированы. В массе своей крестьянство и беднейшее казачество деревень, окружающих Царицын, сознательно вступили в ряды Красной Армии для борьбы с Красновым. По всем селам проходили митинги, посвященные мобилизации, на которых единогласно принимались решения о вступлении в ряды Красной Армии. 27 июля сход слободы Ольховка постановил, что в связи с угрозой наступления кадетских банд необходимо провести «всеобщую мобилизацию сл. Ольховки, предоставив право штабу обороны производить таковую по усмотрению и мере надобности сил для защиты завоеванной революции»[1].

3 августа огромный митинг был организован в станице Качалинской. На митинге присутствовало 8 тыс. человек. Докладчик—агитатор культурно-просветительного отдела при Военном совете, приехавший из Царицына,—рассказал всем собравшимся о наступлении красновцев, об угрозе Царицыну. На митинге было единогласно принято решение о том, что граждане станицы Качалинской, в которой находится 12 тыс. человек, клянутся «от старого до малого защищать власть трудящихся в лице Советов. Смерть паразитам, прихвостням и лакеям Вильгельма, смерть открытому врагу и явному самозванцу генералу Краснову и его приспешникам. Все мы, от старого до малого, шлем проклятия врагам трудового народа.

Долой из донской земли всех паразитов,
Долой всех помещиков донских и генералов,
Да здравствует тесный союз казаков, крестьян и рабочих.
Да здравствует власть советов.
Да здравствует доблестная Красная армия»[2].

5 августа 1918 г. состоялось общее собрание рабочих посада Дубовки. Кулацкое сопротивление мобилизации в Дубовке было ликвидировано, и рабочие в своем решении требовали, чтобы все способные носить оружие вступили в ряды Красной Армии для защиты революции.

«Принимая во внимание,—говорилось в резолюции этого собрания,—что творчество пролетарской революции не окончено, ибо все враги народа еще не задавлены, а только придушены и все еще вылезают, как гады, из своих нор и поднимают гидру контрреволюции, которую пролетарская Красная армия своей мозолистой рукой разбивает, но еще не разбила, мы, рабочие и работницы посада Дубовки, заявляем, что пролетарская власть рабочих и беднейшего крестьянства не допустит пляски на трупах своих лучших товарищей, а почему приветствуем решение 5-го Всероссийского съезда о мобилизации всех трудящихся и угнетенных на защиту своих прав, а всю буржуазию мобилизовать на грязную, черную работу. Мы же, рабочие, должны еще крепче сомкнуть свои ряды и объединиться вокруг советской власти, по первому зову ее выступить

[1] «Борьба», Царицын, № 174 от 2 августа 1918 г.
[2] «Борьба», Царицын, № 178 от 7 августа 1918 г.

с оружием в руках на баррикады борьбы со всеми паразитами общества»[1].

Еще большую сознательность и преданность революции проявили царицынские рабочие, для которых уже давно стало правилом работать с «винтовкой у верстака». Не одну тысячу красноармейцев послали они в это время на фронт.

Как характерна для Царицына этого периода та картина, которую рисуют рабочие-партизаны лесозаводов, описывая славные дни лета 1918 г. «Однажды все заводы всполошились,—рассказывается в письме о событиях конца июля 1918 г.— Тяжело загудел наш горластый свисток. По цехам поползли расспросы: в чем дело, что за тревога? Оставив станки, рабочие бежали на площадь против Военного комиссариата, где сейчас помещается райсовет, и там уже каждый понял в чем дело. Сам собой организовался митинг, выступил военный комиссар тов. Котиков Д. Л. и пояснил, что наши товарищи, умываясь кровью, отбивают атаку за атакой и просят от нас помощи. Ответ рабочих был прост: «Даешь винтовку». Все добровольно вступили в ряды Красной гвардии для защиты Красного Царицына. Военный комиссариат заработал беспрерывно, день и ночь. Из города к нам на грузовиках привозили обмундирование с винтовками и боеприпасами. Рядом с безусыми юношами вооружались 65-летние старики. Готовясь оборонять революцию, не забыли и о заводе... Волостной комитет договорился с заводкомом о том, чтобы не остановить работу на некоторых заводах. Было решено вооружить всех желающих от 18 до 45 лет, а молодежь и стариков вернуть к станку»[2].

Такой же отклик приказ военного совета о мобилизации получил не только на лесных заводах, но и на «французском» и орудийном заводах, у железнодорожников и водников, на всех предприятиях Царицына. Ответ рабочих всегда был прост: «Даешь винтовку!»

Так проходила объявленная Военным советом мобилизация.

По Царицынскому уезду в июле—августе 1918 г. было призвано 12 917 человек[3], по Черноярскому—4 307 человек, по Николаевскому—2 474 человека, по Царевскому—4 178 человек, а всего—23 876 человек[4]. Это было очень крупное пополнение. Но предстояла еще большая работа по воспитанию и превращению в сознательных бойцов вновь мобилизованных. В своем преобладающем большинстве все вновь мобилизованные благодаря наличию крепкого пролетарского костяка

---

[1] «Борьба», Царицын, № 181 от 10 августа 1918 г.

[2] Коллективное письмо рабочих-партизан. «Борьба», Царицын, № 287 от 15 декабря 1929 г.

[3] Вместе со второй мобилизацией пяти возрастов, проведенной в августе 1918 г.

[4] Данные приведены в докладной записке Царицынского губвоенкомата. ЦАКА, д. № 122—072, л. 136.

в армии, благодаря большевистскому руководству Сталина и Ворошилова стали верными и самоотверженными защитниками Царицына.

Одновременно с организацией боевых участков, установлением твердых боевых задач и объявлением мобилизации проводилась работа по расстановке людей, по укреплению всех звеньев военного руководства. 3 августа приказом Военного совета «для поддержания в городе Царицыне на должной высоте внутреннего порядка и революционной дисциплины»[1] была учреждена комендатура.

5 августа, по распоряжению товарища Сталина, было арестовано все артиллерийское управление при штабе СКВО во главе с полковником Чебышевым и снят с работы в Военном совете Ковалевский.

Членом Военсовета 5 августа 1918 г. был утвержден товарищ Ворошилов.

Согласно приказу Военного совета от 5 августа, штаб Севкавокра был ликвидирован, вместо него был организован оперативный отдел при Военсовете[2].

На следующий день, 6 августа, Военный совет «в целях улучшения дела снабжения фронта в области продовольствия и вещевого довольствия» постановил ликвидировать существующее окружное хозяйственное управление Севкавокра, реорганизовать все области, ведающие снабжением фронта, а начальником снабжения фронта и всеми интендантскими складами утвердил Т. И. Дышлового, прибывшего с т. Ворошиловым из Донбасса. Начальником отдела формирования и обучения был утвержден молодой и преданный большевик Николай Руднев, геройски погибший на Царицынском фронте.

Телеграфируя Совнаркому 2 сентября о первых результатах своей работы, Военный совет сообщал:

«Военный Совет разогнал окружной военный комиссариат, где гнездились специалисты по развалу, панике, саботажу, расточению, предательству. Военспецы собрали вокруг себя отбросы служебного персонала. Военный совет одних прогнал, других выслал, третьих арестовал. За преступный саботаж арестован начальник окружного авиауправления Шевров. *Все эти меры оздоровили фронт, предупредили передачу секретных сведений врагу, расхищение военных грузов, торможение, разруху военных операций и облегчили оборону города*»[3].

Но, разгромив и разоблачив предательское военное руководство, засевшее в штабе СКВО, объединив армию, увеличив

---

[1] «Борьба», Царицын, № 176 от 4 августа 1918 г.

[2] В приказе от 24 июля, согласно настоянию Наркомвоенмора, указывалось, что «окружной комиссариат по военным делам продолжает свою работу формирования и снабжения войск», но не прошло и двух недель, как, согласно сталинскому приказу, штаб Севкавокра был ликвидирован окончательно.

[3] ЦАОР, ф. 130, с. В, оп. 1, л. 4, 1918 г. Курсив мой.—*Э. Г.*

ее количественно за счет мобилизации, надо было одновременно снабдить эту растущую армию необходимым вооружением.

Оружия было очень мало. Около арсеналов с утра до вечера стояли очереди людей, присланных заводами, чтобы получить оружие. Здесь были не только рабочие, но и многие крестьяне из соседних станиц.

Почти тотчас же после приезда товарищ Сталин начал вплотную заниматься вопросами вооружения армий Царицынского фронта. Еще в своей телеграмме Ленину от 15 июня, т. е. спустя 10 дней после своего приезда, товарищ Сталин поставил вопрос о присылке самолетов с опытными летчиками, шестидюймовых снарядов и т. д.

1 июля товарищ Сталин направил в штаб обороны специальную требовательную ведомость для вооружения Котельниковского района, где детально указывалось все необходимое для Котельникова: японских патронов 10 тыс., русских патронов 20 тыс., станковых пулеметов «максим» 5, станковых пулеметов «кольта» 6 и т. д.[1]

Одновременно были посланы требования на оружие в Москву. 3 июля заведующий оперативным отделом Наркомвоена сообщал: «требуется послать в Царицын тов. Сталину несколько батарей шестидюймовых со снарядами. Несколько батарей трехдюймовых со снарядами. Десять миллионов патрон трехлинейных русских. Восемь броневых автомобилей. Прожекторов. Две группы опытных и преданных летчиков с аппаратами и со снарядами, если можно с зажигательными»[2].

4 июля товарищ Сталин послал в Москву за вооружением представителя Военного совета со следующим мандатом: «Посылаю к вам подателя сего, артиллериста Кашкарева в связи с нашими переговорами по прямому проводу (3-го июля) о снабжении Царицынского фронта снаряжением. Тов. Кашкареву дана задача—помочь вам в деле отправки военных грузов в Царицын. Нарком *Сталин*»[3].

11 августа товарищ Сталин дал распоряжение представителю Военного совета на орудийном заводе: «Предписывается вам принять все меры к тому, чтобы в ближайшие дни все имеющиеся на заводе броневые поезда были готовы к действию. Одновременно предписывается вам приказать автобазе немедленно наладить одну броневую колонну. Член Военсовета *Сталин*»[4].

Так же тщательно следил товарищ Сталин за тем, чтобы оружие расходовалось экономно, чтобы не было хищений и все было взято на учет. Товарищ Сталин лично посетил крупнейший арсенал в Царицыне, знакомился с порядком хранения

---

[1] См. «Сталин в Царицыне», сб. документов, Сталинград 1937 г., стр. 24.
[2] ЦАКА, ф. Наркомвоена, д. № 236—831, л. 2.
[3] ЦАКА, д. № 236—831, л. 4.
[4] Материалы секретариата ИГВ, ф. V тома.

и учета оружия, требовал ведения точных ведомостей о выдаче оружия, ремонта и своевременной починки пришедшего в негодность оружия и т. д.

Троцкий всячески саботировал снабжение Царицынского фронта необходимым вооружением. Это ставило царицынские армии порой в безвыходное положение. Поэтому 7 августа товарищ Сталин отправил т. Пархоменко в Москву со специальной задачей во что бы то ни стало организовать доставку оружия в Царицын. Одновременно товарищ Сталин обратился за помощью к Ленину.

«Горячий привет любимому старшему товарищу Ленину,— писал товарищ Сталин 7 августа.—Очень прошу в срочном порядке удовлетворить наше требование о вооружении, посланное... в отдел снабжения. Убедите... помочь нам в этом деле. Дела на фронте поправляются, и если наше требование будет исполнено своевременно, победим казаков. *Сталин*» [1].

Организуя присылку вооружения из Москвы, товарищ Сталин одновременно изыскивал все возможности для получения оружия внутри города. Огромную роль в снабжении фронта сыграли «французский» и орудийный заводы. Не один броневик, переделанный из простой платформы, вышел из цехов заводов. Пулеметы, орудия приводились в исправность. «Бывало работаем у станка,—рассказывал в своих воспоминаниях один царицынский рабочий,—а патронная сумка через плечо и винтовка рядом. Ежели день обойдется спокойно, вечером военному делу обучаемся. Часто в открытые двери галопом вносилась запряжка с орудием прямо с фронта, еще дуло горячее. То замок поврежден белогвардейским снарядом, то какая-либо другая часть. И пока с коней сойдет мыло, пока бойцы артиллеристы успеют перекусить, мы уже кричим: «готово!» Не было тогда для пристрелки полигона, орудия пристреливали прямо по врагу» [2].

Особо большое внимание уделял товарищ Сталин роли авиации. 21 мая в «Борьбе» было помещено извещение комиссара авиации, в котором ставился вопрос об учете всего авиаимущества, находящегося в Царицыне, и все авиаспециалисты призывались вступить в отряд.

Но настоящую свою роль авиация сыграла только после приезда товарища Сталина в Царицын. Товарищ Сталин уже 15 июня писал в Москву о присылке самолетов, посылал за самолетами в Саратов, лично давал боевые задания летчикам, принимал их донесения. В середине июля по прямому требованию товарища Сталина из Москвы выехало 5 летчиков с самолетами. Нужда в самолетах была особенно велика потому,

---

[1] Центральный музей В. И. Ленина.

[2] *М. Гвоздев,* Воспоминания рабочего завода «Баррикады». «На страже»— орган центрального и московского Совета Осоавиахима, от 23 февраля 1937 г.

что уже в начале июля самолеты противника показывались вблизи Царицына. В оперативной сводке от 4 июля было отмечено появление белых самолетов над Царицыном и над Кривой Музгой. Было сброшено 3 бомбы, которые не разорвались. 9 июля 2 бомбы были сброшены в Котельникове. В дальнейшем отмечалась довольно регулярная разведывательная работа белых самолетов.

Но к этому времени в ответ на атаки белых усилились и действия красной авиации Царицына.

«В начале августа первые самолеты были собраны и опробованы после плохо переносимой ими перевозки. Первый боевой полет был выполнен командиром отряда 5 августа или несколько ранее.

С этого числа летная работа пошла усиленными темпами, причем летчики отряда вместе с бывшими ранее в Царицыне давали в среднем один—два полета в день, что для того времени считалось пределом напряженной работы.

Прибытие авиационного отряда было учтено и воздушным противником, сократившим глубину своих полетов.

В начале августа над Царицыном появился было неприятельский летчик, но, заметив подъем нашего самолета, ушел»[1].

Однако боевая ценность наличного летного парка была такова, что основная его роль сводилась больше всего к разведке.

«Если бы удалось поднять в воздух одновременно все исправные самолеты (по нынешним масштабам авиэтки), то, перегрузив их, удалось бы сбросить круглым счетом четверть тонны бомб. Иначе говоря, один современный одномоторный разведчик поднимает ровно в 2 раза больше боеприпасов, чем вся царицынская авиация в 1918 г.

...Совершенно ясно, что бомбометание не могло расцениваться, как основная работа летчиков... Совсем иначе обстояло дело в области разведки; опытный экипаж двуместного самолета мог в то время охватить в один полет воздушной разведкой район в 500 и более квадратных километров неприятельского тыла...»[2]

Товарищ Сталин огромное внимание уделял работе авиации именно в области разведки. Не одно задание, подобное нижеприводимому, получали летчики непосредственно от товарища Сталина:

«Комиссару авиации Шаврову: Копия нач. участка Царицынского фронта Харченко.

Царицын. 31 июля 14 часов карта 10 верст.

Произведите разведку на участке ст. Голубинская ст. Нижне-Чирская, имея задачей выяснение группировки сил тыловой его полосе и направление движения колонн в случае обнаруже-

---

[1] Материалы секретариата ИГВ. Воспоминания т. Строева, стр. 25.
[2] *Там же*, стр. 51, 52.

ния их. Времени вылета самолетов уведомить Военсовет Севкавокра и штаб Царицынского участка т. Харченко. О результатах разведки немедленно сообщить т. Харченко и копию разведки Севкавокр 1124.

Военный совет *Сталин*»[1].

Но не одни только боевые и разведывательные задания получали летчики от товарища Сталина. Самолеты под Царицыном сыграли и другую, не менее важную роль. Самолеты разбрасывали листовки, воззвания Военного совета над расположением сил противника.

Авиация в военной обстановке выполняла не только боевые задания, но и помогала развертыванию агитационной работы среди войск армии Краснова.

Роль авиации, роль технических частей, создание больших конных отрядов—все это в поле зрения товарища Сталина буквально с первых же дней организации Военного совета и даже больше того, с первых дней приезда товарища Сталина в Царицын. Объезжая в середине июля фронт к югу от Царицына, товарищ Сталин сразу же оценил все значение конных частей Буденного. По его приказу, конные отряды сальских партизан сводились в конные дивизии. Под Царицыном родилась I Конная, и Сталин ее выпестовал, создал в боях с донской контрреволюцией.

Но, наводя порядок в армии, укрепляя ее боеспособность, товарищ Сталин одновременно ведет борьбу за установление подлинного революционного порядка и дисциплины в самом городе.

«Царицын в тот период,—рассказывает товарищ Ворошилов,—был переполнен контрреволюционерами всевозможных мастей, от правых эсеров и террористов до махровых монархистов. *Все эти господа до появления товарища Сталина и прибытия революционных отрядов с Украины чувствовали себя почти свободно и жили, выжидая лучших дней*»[2].

Контрреволюционные элементы города готовили мятеж, который приурочивался к моменту подхода Краснова к Царицыну. Во главе белогвардейского заговора, получившего название «Алексеевского» (по фамилии одного из его участников инженера Алексеева), стоял начальник штаба СКВО Носович.

Приехав в Царицын в конце мая 1918 г., Носович застал вначале благоприятную обстановку для своей вредительской работы. В городе было, как указывал товарищ Ворошилов, много контрреволюционеров разных мастей, а вреднейшее «либеральничанье» Минина не могло способствовать их разоблачению.

Носович привлек к своей организации контрреволюционное

---

[1] Материалы секретариата ИГВ. Воспоминания т. Строева.

[2] *Ворошилов,* Сталин и Красная армия, М. Воениздат, 1937 г., стр. 8, 9. Курсив мой.—*Э. Г.*

офицерство, местных эсеров во главе с их лидером адвокатом Котовым. Была установлена связь с организацией «Фронтовик», где к руководству пробрались враги. Членом контрреволюционной организации был Выскубов—эсер, председатель союза «Фронтовик», а также Шевырев—тоже эсер, председатель союза торгово-промышленных служащих. Позже (в июле) в качестве «спеца-организатора по транспортированию нефтетоплива с Кавказа» прибыл со своими двумя сыновьями (офицером и гимназистом) инженер Алексеев, по имени которого заговор получил свое название. Алексеев имел широковещательный мандат от Троцкого. 10 миллионов рублей, которые привез с собой Алексеев для закупки нефти, должны были пойти на организацию восстания. Комендант поезда Алексеева также участвовал в заговоре.

Кроме того, Носович установил связь с тремя иностранными консулами, находящимися тогда в Царицыне: французским—Шарбо, американским—Бурье и сербским—Леонардом. По договоренности с сербским консулом, контрреволюционная организация хотела опереться на два находящихся в городе сербских отряда. Широко применялся подкуп, была привлечена к заговору и местная буржуазия.

Эсеры заранее готовили прокламации, которые начинались словами: «Волею народа большевистская власть в Царицыне уничтожена...» «Пал Царицын, который большевистские комиссары считали своим оплотом...»

К июлю месяцу контрреволюционная организация, как писал Носович, «значительно окрепла и, получив из Москвы деньги, готовилась к активному выступлению для помощи донским казакам в деле освобождения Царицына»[1].

Был создан «штаб» контрреволюционной организации и выработан план восстания, по которому в первую очередь был намечен захват почты, телеграфа, телефона, арест членов исполкома, членов городского партийного комитета и т. д.

По подсчетам заговорщиков они могли опереться на довольно значительные силы: сербский отряд—1 000 штыков, союз «Фронтовик» с офицерской организацией—150—200 человек, поезд Алексеева со штатом до 30 человек, вооруженных пулеметами, и контрреволюционные элементы Союза торгово-промышленных служащих, где окопались эсеры.

Восстание было намечено в ночь с 17 на 18 августа, когда Царицын будет окружен красновскими бандами.

Заговор, готовившийся с такой планомерностью, был раскрыт и ликвидирован только благодаря исключительной прозорливости товарища Сталина. Это был вынужден с горечью признать сам Носович.

«Внутренняя обстановка,—писал он в декабре 1918 г. в своем

---

[1] Цит. по книге Ворошилова «Сталин и Красная армия», Воениздат, М. 1937 г., стр. 10.

докладе Деникину,—весьма способствовала успешному исходу дела.

Опираясь на громадные полномочия, полученные из центра, и местные организационные неурядицы, возможна была, без всякого сомнения, плодотворная работа, которая не окончилась взятием Царицына, падение которого было совершенно подготовлено,—по причинам, от меня совершенно не зависящим, а главным образом от поведения донского казачества, замедления общего хода операции и, конечно, *благодаря появлению энергичного и умного комиссара Джугашвили, который разгадал мою задачу и, арестовав меня, Ковалевского и все артиллерийское управление, вырвал инициативу из моих рук*»[1].

Таково признание классового врага. Товарищ Сталин разгадал врага, и заговор с самого начала потерял своих руководителей. 5 августа был арестован по приказу товарища Сталина начальник артиллерийского управления Чебышев. 10 августа Носович и Ковалевский были отправлены вслед за ним «на баржу»[2]. Но Царицынская ЧК не имела никаких данных об участии Носовича и др. в готовящемся контрреволюционном восстании (о подготовке контрреволюционного восстания ЧК узнала лишь дней за 5 до намеченного выступления—числа 12 августа). Троцкий, защищая своего ставленника, дал прямое распоряжение освободить Носовича и лично послал его на работу в Балашов. ЧК вынуждена была освободить Носовича, и в момент ликвидации заговора он был уже за пределами Царицына, продолжая благодаря заступничеству Троцкого свою вредительскую деятельность в Балашове. Участники заговора не назвали его фамилии. К тому же он вел свою контрреволюционную работу очень осторожно.

«По приезде в Балашов,—писал Носович в той же докладной записке Деникину,—конечно, для нас предстояло предстать перед революционным трибуналом. Обвинения были только голословны. Все свои сношения с офицерской организацией, стоящей на платформе «Учредительного собрания», я вел не лично, а через своих адъютантов... главные свидетели моих сношений и поддержки офицерской организации, во главе которой я имел стать при активном ее выступлении, не успели дать никаких указаний против меня, находившегося в момент раскрытия заговора уже в Балашове»[3].

Царицын последовательно и беспощадно очищался от врага. Царицынская буржуазия почувствовала, наконец, железную руку диктатуры пролетариата. Удар по контрреволюции внутри города был одновременно и первым серьезнейшим ударом по наступающему и пытающемуся окружить город врагу. «Физио-

---

[1] Доклад Носовича Деникину. Материалы секретариата ИГВ. Курсив мой.—*Э. Г.*

[2] Баржа, находящаяся на Волге, являлась местом, где содержались некоторые арестованные ЧК контрреволюционеры.

[3] Доклад Носовича Деникину. Материалы секретариата ИГВ.

номия Царицына в короткий срок стала совершенно неузнаваема,—писал товарищ Ворошилов.—Город, в садах которого еще недавно гремела музыка, где сбежавшаяся буржуазия вместе с белым офицерством открыто, толпами бродила по улицам, превращается в красный военный лагерь, где строжайший порядок и воинская дисциплина господствовали над всем. Это укрепление тыла немедленно сказывается благотворно на настроении наших полков, сражающихся на фронте. Командный и политический состав и вся красноармейская масса начинают чувствовать, что ими управляет твердая революционная рука, которая ведет борьбу за интересы рабочих и крестьян, беспощадно карая всех, кто встречается на пути этой борьбы»[1].

Но расправа с контрреволюцией внутри Царицына была только одной из сторон политического обеспечения операции.

Разбивая силы контрреволюции, необходимо было одновременно сплотить, организовать силы революции. На фабриках и заводах города, среди воинских частей развернулась огромная массово-политическая работа.

Силу большевистской агитации, все значение ее результатов особенно наглядно чувствовал враг, и он не замедлил подчеркнуть эту сторону деятельности товарища Сталина.

«Сталин крепко надеялся на агитацию,—вспоминал тот же Носович,—он частенько поговаривал в спорах о военном искусстве: это все хорошо, что все говорят о необходимости военного искусства, но если у самого талантливого полководца в мире не будет сознательного и подготовленного правильной агитацией солдата, то, поверьте, он ничего не сможет сделать с самым ничтожным по количеству, но воодушевленным революционером. И Сталин, сообразно своему убеждению, не жалел никаких средств на пропаганду, на издание газет, на их распространение, на посылку агитаторов и т. д.»

Носович прекрасно понимал, что большевистская агитация в руках Сталина была оружием не меньшей силы, чем аресты белогвардейских заговорщиков.

Сталин поднял большевистскую агитацию в Царицыне на огромную политическую высоту. Благодаря сталинской агитации в сознание рабочих «французского» и орудийного заводов, рабочих лесозаводов крепко врезалась одна решающая мысль: задача обороны Царицына есть задача обороны всей Советской республики. Это была подлинная школа большевистского воспитания рабочего класса.

Товарищ Сталин неоднократно лично посещал заводы «французский» и орудийный, выступал на митингах, принимал рабочих и беседовал с ними.

Очевидцы рассказывают о выступлении товарища Сталина на митинге у рабочего театра, на «французском» заводе, в помещении нынешнего клуба им. Воровского и т. д.

---

[1] *К. Е. Ворошилов,* Сталин и Красная армия, Воениздат, М. 1937, стр. 11, 12.

«В 1918 г. я работал на заводе «Красный Октябрь»,—рассказывает в своих воспоминаниях рабочий завода.—Однажды слышу от рабочих, что у нас на площади будет митинг и на нем будет выступать Сталин. Я не видал до этого товарища Сталина, но слышал о нем так много, что с огромным нетерпением ждал этого митинга. Митинг. Товарищ Сталин стоял на подножке автомобиля и говорил о положении на фронте. Мне выпало счастье стоять около него на расстоянии метра. Одет он был в простую кожаную куртку. Говорил спокойно, внушительно, но его речь так зажигала нас, что все мы готовы были хоть сейчас итти в бой»[1].

В клубе им. Воровского формировался железнодорожный батальон, созданный по инициативе товарища Сталина.

«Здесь мы, бойцы этого батальона, машинисты, кочегары, составители, стрелочники, проходили боевую учебу. И здесь произошла незабываемая встреча с человеком, имя которого с безграничной любовью произносят трудящиеся всего мира. В один из летних дней к нам приехал товарищ Сталин. Он проверил, как мы обучаемся военному делу. Навсегда запомнились слова его короткой речи о том, что мы должны быть боеспособны, и тогда никакой враг против нас не устоит»[2].

Огромное значение в постановке массово-политической работы имела большевистская печать. Кроме выходившей уже в Царицыне газеты «Борьба» с тиражом свыше 10 тыс. экземпляров с 7 августа в Царицыне по личной инициативе и настоянию товарища Сталина начала выходить газета «Солдат революции» (тираж свыше 15 тыс. экз.) сначала как орган Военного совета Севкавокра, а затем как орган Военного совета Южного фронта.

Приказ Военного совета о создании газеты «Солдат революции» за подписью товарища Сталина гласил:

«5 августа 1918 г.

§ 1. Газета «Известия Северо-Кавказского военного округа» закрывается.

§ 2. Вместо нее создается орган окружного Военного совета, популярная ежедневная газета «Солдат революции».

§ 3. Тов. Магидову поручается в кратчайший срок поставить и выпустить газету «Солдат революции», а также создать аппарат для правильной доставки газеты по фронтам»[3].

5 августа товарищ Сталин подписал этот приказ, а 7 августа вышел № 1 газеты «Солдат революции».

Этот приказ наглядно подтверждает сталинское отношение к печати, как к самому острому и самому сильному оружию в руках партии. Буквально через десяток дней после образова-

---

[1] «Даешь трактор»—газета Тракторозаводского райкома ВКП(б) и парткома СТЗ, Сталинград, 3 января 1937 г.

[2] «В боях за Царицын». Воспоминания участников обороны Царицына, «Гудок» от 24 февраля 1938 г.

[3] «Борьба», Царицын, № 177 от 6 августа 1918 г.

ния Военного совета, в обстановке тяжелейшего положения на фронте, издается приказ о создании новой массовой ежедневной газеты и закрываются ведомственные, никому ненужные «Известия Северокавказского военного округа». Приказ определял содержание газеты, ее характер, утвердил редактора и одновременно поставил вопрос о способах распространения газеты и доставки ее на фронт. Тов. Сталин окружил газету исключительной заботой и вниманием. В день подписания приказа о выходе газеты товарищ Сталин вызвал к себе товарища Магидова, сообщил ему о назначении его редактором и дал основные установки о характере газеты.

«Тов. Сталин сообщил мне, что «Известия» с нынешнего дня закрываются и создается популярная газета для красноармейцев—орган Военного совета под названием «Солдат революции». Это название обязывает новую редакцию ориентироваться на рядового бойца, а не на штабного сотрудника, как это делали «Известия». Надо, чтобы в газету обязательно писал о своих боевых и героических буднях сам боец—только тогда газета станет близкой и родной для армии. Особо товарищ Сталин потребовал создать аппарат для доставки газеты на передовые позиции. Даже хорошая газета не нужна армии, если она будет оставаться в городе, на полках экспедиции» [1].

Выполняя указания товарища Сталина, редакция газеты «Солдат революции» в № 1 поместила следующее обращение к читателям:

«Социалистическое трудовое отечество в опасности. Капиталисты, грабители всего мира спешат, торопятся, чуя приближение страшного народного суда, задушить дело народного освобождения... «Солдат революции» спешит своим революционным словом зажечь сердца обездоленных...

Привет тебе, воин революции!

Крепись, мужайся!

Отныне ты обрел друга.

Служить делу окончательного подавления всех угнетателей и освобождению рабочей и деревенской бедноты—вот знамя «Солдата революции» [2].

В том же номере помещено другое обращение редакции к красноармейцам с просьбой писать в газету, присылать свои корреспонденции, помогать газете материалами и т. д. Так с первых же дней своего существования газета вступила в тесное общение с массами, с рядовым бойцом. Красноармейцы писали в редакцию свои письма, посылали заметки.

Начиная с первых же номеров и кончая последними, «Солдат революции» неустанно в статьях, в публикуемых приказах Военного совета со всей остротой ставил вопрос о борьбе за

---

[1] «Большевистская печать» № 11 за 1936 г. Статья Магидова «Как я стал редактором «Солдата революции», стр. 30.

[2] «Солдат революции» № 1 от 7 августа 1918 г.

революционную дисциплину в армии. Огромное внимание уделялось также вопросам партийной и массово-политической работы в Красной Армии. Газета освещала все вопросы партийной жизни, работу царицынской партийной организации, положение на заводах.

Газета систематически воспитывала бойцов, освещая опыт лучших, передовых частей, подымала сознание каждого красноармейца до уровня больших политических вопросов, показывала перспективу борьбы.

На страницах «Солдата революции» красноармейцы читали приветствия товарища Сталина революционным полкам за их боевые заслуги. На страницах «Солдата революции» красноармейцы читали пламенные речи товарища Ворошилова, призывавшие их к дальнейшей борьбе, объяснявшие смысл и значение этой борьбы.

Выступления товарищей Сталина и Ворошилова на страницах любимой красноармейской газеты воодушевляли бойцов к новым подвигам, к новых боям.

О любви и преданности, о непререкаемом авторитете, о крепчайшей связи красноармейцев со своим вождем товарищем Сталиным свидетельствовали многочисленные приветствия, которые они посылали товарищу Сталину, письма, в которых они сообщали об одержанных ими победах.

Роль и значение газеты «Солдат революции» определялись не только тем огромным влиянием, которым она справедливо пользовалась среди славных бойцов Царицынского фронта. Эта роль была значительно шире. Идеи и лозунги газеты шли дальше: они действовали в стане противника не менее сильно, чем в своих красных рядах. Немало представителей казачьей бедноты, немало солдат армии Краснова под влиянием большевистской агитации, большевистской печати находило дорогу в ряды Красной Армии.

Газета «Солдат революции» выполняла все требования, которые предъявлял Ленин к большевистской печати. Газета клеймила подлое предательство меньшевиков и эсеров и всех врагов рабочего класса, политику буржуазии. Она воспитывала массы на живых, конкретных примерах. Простым, понятным языком говорила она о задачах рабочего класса и всех трудящихся. Она разоблачала врагов и привлекала к себе сердца всех друзей рабочего класса. «Солдат революции», как этого требовал Ленин от революционной печати, выступал «как орган диктатуры класса, доказывающего своими делами, что сопротивление капиталистов и хранящих капиталистические привычки тунеядцев будет сломлено железной рукой»[1].

Всем этим газета была обязана сталинскому руководству, тому вниманию, которым окружил ее товарищ Сталин.

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXIII, стр. 213.

Чтобы поднять всю эту массово-политическую работу, необходимо было вовлечь в нее царицынскую большевистскую партийную организацию. Надо было усилить боеспособность и сплоченность парторганизации, изжить, преодолеть ее крупнейшие ошибки. Под руководством товарища Сталина большевистской рукой наводится революционный порядок, разъясняются ошибки, к работе привлекаются все местные пролетарии-большевики.

Постепенно преодолеваются все старые вреднейшие распри между «местными» и «со стороны» прибывшими товарищами. Огромной ответственности задача сплачивает, объединяет, организует всех. Царицынская партийная организация под руководством товарища Сталина крепко становится на ноги.

Вся эта работа вскоре дала свои результаты. Из хаоса и неразберихи выросли организованность и порядок. Город превратился в красный военный лагерь, где господствовала строжайшая дисциплина. Военный совет со дня своего создания до начала первого окружения, буквально в 10—15 дней, проделал гигантскую работу. Ликвидирован штаб Северокавказского военного округа, где сидели предатели, разоблачена гибельная линия Троцкого. Руководство фронта—в верных руках товарища Ворошилова. Сплочена армия, определены боевые участки и боевые задания каждого участка. Установлена дисциплина, ликвидирована «отрядная неразбериха», проведена мобилизация, армия укреплена и количественно и качественно. Было обеспечено вооружение частей, создана авиация, формировались конные части.

Красный Царицын очищался от притаившегося внутри города врага. Развертывалась большая массово-политическая работа. В огромной степени выросла боеспособность и сплоченность царицынской большевистской организации.

Все военное, все политическое руководство в руках Военного совета, в руках товарища Сталина. Укреплен фронт и тыл. Не потерян ни один час, ни одна минута. И только эта огромная работа под сталинским руководством предопределила разгром первого окружения Царицына.

Глава V

РАЗГРОМ ПЕРВОГО ОКРУЖЕНИЯ ЦАРИЦЫНА

1. Объединенные силы контрреволюции готовят окружение Царицына

С самого же начала организации Военный совет определил единую боевую задачу, единый стратегический план, объединивший действия всех армий Северо-кавказского военного округа. План Военного совета вытекал из обстановки, которая сложилась на юго-востоке к середине июля 1918 г. Именно к этому времени относится наибольшая активизация Краснова, переход донской контрреволюции в решительное наступление на Царицын.

После избрания Краснова 17 мая 1918 г. так называемым «кругом спасения Дона» донским атаманом сразу же началось сколачивание донской белоказачьей армии. Если к началу мая из 252 станиц Донской области в руках у красновской контрреволюции было только 10 станиц, то в июне месяце большая часть Донской области была захвачена Красновым. В мае Красновым было мобилизовано 24 возраста казаков. К сере-

дине июня, по подсчетам самого Краснова, в Донской армии под ружьем находилось: 27 тыс. пехоты, 30 тыс. конницы, имелось 175 орудий, 610 пулеметов, 20 самолетов и 4 бронированных поезда, не считая так называемой «молодой армии», которую Краснов набирал из молодых казаков 19—20 лет, обучал и держал в резерве. К этому же примерно времени (середина июня) все воинские части были объединены в крупные соединения и разбиты на шесть групп: группа полковника Алферова на севере Дона, группа генерала Мамонтова в Чирском направлении под Царицыном, группа полковника Быкодорова под Батайском, полковника Киреева под Великокняжеской, генерала Фицхелаурова в Донецком районе и генерала Семенова в Ростове.

Донская армия Краснова имела в июне не только численный перевес над частями Красной Армии, действовавшими на Царицынском фронте, но основное ее преимущество заключалось, во-первых, в огромном преобладании конницы (30 тыс. конницы, в то время как в красных частях только возникали первые конные отряды, не превышавшие 2—3 тыс. сабель) и, во-вторых, в почти бесперебойном снабжении вооружением, шедшим из запасов германских империалистов.

Как только Краснов был «избран» донским атаманом, начались его переговоры с немцами о помощи Дону оружием для «борьбы с большевиками». В Киеве постоянно находились представители Краснова—генерал Черячукин и генерал Свечин, которые вели переговоры с немецким командованием и со Скоропадским о помощи Донской армии оружием. В этих переговорах решающее место занимал вопрос о Царицыне. 1 июня Свечин посетил главнокомандующего германской армией генерала Эйхгорна и германского посла на Украине Мумма и в разговоре с ними, как писал сам Свечин, «высказал послу пожелание атамана, чтобы германские войска заняли Царицын и Тихорецкую»[1]. Получив в ответ указание, что удобнее, если Царицын захватят красновские войска при соответствующей помощи немецких войск, Свечин передал содержание этого разговора в письме к Краснову.

11 июня 1918 г. Черячукин в свою очередь писал донскому атаману: «Хлопочу все время и ежедневно об отпуске нам оружия, снаряжения и аэропланов. Все это налаживается недурно, хотя всего не дают, но многое обещали. Сегодня я вновь был у начальника снабжения, и мы с ним решили, что, кроме отпускаемого нам ими, они, пожалуй, дадут на время и все остальное с обязательством возвратить им обратно через некоторое время...

Я иду на это, чтобы дать более оружия при операции против Царицына. Взятие Царицына сыграет большое зна-

[1] Письмо Свечина к Краснову от 19 мая ст. ст., ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. 76, л. 12—14.

чение при всех переговорах и взять его нашими силами необходимо...

Если мы его займем сами, впечатление будет громадное и все будут с нами более сговорчивы»[1].

В следующем своем письме Черячукин сообщил Краснову, что его посетил германский посол на Украине Мумм, который требовал, чтобы Краснов поторопился с захватом Царицына, иначе город может захватить «добровольческая» армия или чехословаки, что немцам нежелательно.

«Германии нужны заверения и доказательства в том, что если Царицын займем не мы, а чехословаки, то все же Дон пойдет с немцами и не позволит чехословакам итти дальше на запад. Имея на все вопросы от вас указание, я сказал, что для нас Царицын так же важен, как Ростов и Таганрог, и мы попытаемся отобрать Царицын и тогда, сохраняя нейтральность, не пустить на нашу территорию никого вооруженных»[2].

Исходя из этих предварительных переговоров с командованием германскими оккупационными войсками на Украине, Краснов в письме к Вильгельму от 23 июня (ст. ст.) прямо просил «содействовать к присоединению к войску Камышина, Царицына, станций Лиски и Поворино, а также помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами, инженерным имуществом и, если признаете это выгодным, устроить в пределах войска Донского орудийный, ружейный, снарядный и патронный заводы...»

Примерно в это же время Черячукин вручил германскому послу в Киеве ноту донского правительства, в которой говорилось, что если Германия признает Дон самостоятельным государством в границах, указанных Красновым в письме к Вильгельму (т. е. с включением Камышина, Царицына, Воронежа), то Дон не допустит на свою территорию никого из врагов Германии.

«К подаче этой ноты,—сообщал Черячукин в своем письме к Краснову от 9 июля,—не дождавшись еще вашего подтверждения, побудила меня и уверенность, что, боясь движения чехословаков, немцы могут сами занять Царицын и тогда, конечно, мои переговоры о признании самостоятельности Дона и о границах будут затруднены... Нам необходимо только скорей занять Царицын, чтобы, став [там] твердой пятой, никого не пускать через Волгу в нашу область.

Немцы очень ревниво относятся к добровольческой армии. Необходимо добиться от этой армии, если она пойдет через Царицын, чтобы она никоим образом не задерживалась в Царицыне, иначе это создаст вновь затруднения при переговорах с немцами. Немцам нужно от нас, как говорил посол Мумм, реального доказательства нашей дружбы с ними, и поэтому удержать нам Царицын в наших руках и не допускать туда

[1] ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. 46, л. 13—14.
[2] *Там же*, л. 51 об.

кого бы то ни было, как доказательство мной написанного в ноте, необходимо»[1].

Товарищ Сталин в своей статье «О Донщине и Северном Кавказе», опубликованной в «Правде» 1 июня 1918 г., писал: «Украина, как ширма, как прикрытие, видимо, исчерпала себя, между тем как немцам нужно новое продвижение. Отсюда спрос на новое прикрытие, на новую ширму».

Новое продвижение германских войск шло в направлении к юго-востоку России: от Дона к Царицыну, к Кубани, Тереку, ко всему Северному Кавказу и Закавказью. А новой ширмой, прикрывающей это дальнейшее продвижение, явилось белогвардейское правительство так называемого «Всевеликого войска Донского» во главе с Красновым.

Планы германских империалистов начиная с лета 1918 г. устремлялись по направлению к Царицыну по двум причинам.

Из Украины немцы вместо предполагаемых 60 млн. пудов хлеба смогли в это время вывезти только 9 млн. пудов, так как украинский народ поднялся на отечественную войну против иностранных поработителей. Немцы надеялись на Дону, на Кубани, через Царицын пополнить свои запасы продовольствия. Вместе с тем немецкое командование, очевидно, рассчитывало продвинуться в Закавказье, чтобы, соединившись со своими союзниками—турками, противостоять английским военным силам на Ближнем Востоке.

Начальник австрийского генерального штаба в письме министру иностранных дел Буриану от 13 июня 1918 г. приводил следующие выдержки из отчета об Украине командующего восточной армией генерала Крауса: «Германия преследует на Украине определенную хозяйственно-политическую цель. Она хочет, как очень удачно отметил в своем отчете ротмистр барон фон Вальдботт, навсегда закрепить за собой самый безопасный путь на Месопотамию и Аравию через Баку и Персию. Эта возможность особенно заманчива для германцев сейчас, когда они оккупировали Украину»[2].

Эти планы немецкого командования встревожили «союзников», в первую очередь англо-американских интервентов.

Американский генеральный консул в Москве Саммерс еще 22 апреля 1918 г. телеграфировал Лансингу: «Все яснее становится, что цель германского продвижения на юг—занятие не только Украины и Донецкого бассейна, но и Ростова, Царицына и, возможно, Астрахани и установление связи с турками на Кавказе»[3].

Английская газета «Таймс» писала в номере от 13 июля 1918 г.: «В настоящий момент немцы оккупировали всю Донскую область до Воронежа, где они находятся вблизи Волги

---

[1] ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. 46, л. 51—52.

[2] «Крах германской оккупации на Украине», Огиз, М. 1936 г., стр. 71.

[3] Документы о внешних сношениях США, т. II, стр. 626.

с ее богатыми запасами зерна и других продуктов. Повидимому, в данный момент объектом Германии является Царицын—продовольственный центр этой части России. Из Царицына транспорт по Дону очень легок, и зерно может быть отправлено к Черному морю и затем вверх по Дунаю в центральные державы».

Царицын потому и играл такую решающую роль в планах красновской контрреволюции, что он был «обещан» германским империалистам в качестве основной платы за помощь, полученную Красновым от немцев. И Краснов издал свой первый приказ — к 15 августа во что бы то ни стало «взять Царицын». Казалось бы, все благоприятствовало выполнению этого плана Краснова—60-тысячная армия, хорошо снабженная и вооруженная, обеспеченная с излишком командным составом из царских генералов; на западной границе области, на границе с Украиной, Краснову, как он сам говорил, не пришлось держать ни одного солдата; украинская контрреволюция и германские войска охраняли западную границу. Чтобы создать еще более благоприятные условия наступления на Царицын, Краснов решил также обезопасить себя с юга.

28 мая в станице Манычской произошло свидание Краснова с Деникиным[1], во время которого обсуждался вопрос о едином плане наступления на Царицын. Краснов не столько просил Деникина о совместном походе на Царицын, сколько о том, чтобы «добровольческая» армия защитила тыл Донской армии с юга, со стороны Кубани. Деникин со своей стороны указал, что силы «добровольческой» армии в данное время еще незначительны (2 500 штыков), что кубанцы тянут на Кубань, что для решительного наступления надо переформировать армию, дать ей отдохнуть и окрепнуть. Поэтому Деникин согласился с предложением Краснова, что само движение «добровольческой» армии на Кубань должно быть произведено так, чтобы Царицыну был нанесен одновременно удар с трех сторон—с севера, запада и юга и что удар с юга будет нанесен объединенными силами донской и «добровольческой» армий. Взамен Деникин требовал, чтобы Краснов снабжал всю армию вооружением за счет получаемого им от германских империалистов.

Так было достигнуто полюбовное соглашение, выработан общий план действий и в то же время разграничены сферы влияния.

---

[1] «Добровольческая» армия после освобождения Ростова частями Красной Армии 24 февраля 1918 г. отступила под командованием Корнилова на Кубань, где пыталась с боем взять Екатеринодар. Но все ее попытки взять город были разбиты советскими войсками. Корнилов был убит снарядом 13 апреля. После этого разгрома «добровольческая» армия под командованием Деникина отступила на юг Донской области, в район станиц Мечетинской и Егорлыкской, где находилась до организации нового похода на Кубань, т. е., примерно, до конца июня 1918 г.

«Совещание свелось к тому,—писал Краснов,—что добровольческая армия потребовала устройства лазаретов и госпиталей, этапных пунктов и вербовочных бюро в Ростове и Новочеркасске, потребовала оружия и снаряжения и взяла заимообразно 6 милл. рублей у Донского войска, *обязуясь обеспечивать тыл Донского войска со стороны Кубани*».

Значение этого соглашения в полной мере сказалось в конце июня—начале июля.

В 20-х числах июня «добровольческая» армия вышла из станицы Мечетинской и начала наступление на Сосыку и Торговую (Сальск). В это время «добровольческая» армия состояла из 4 дивизий—3 пехотных и 1 конной, всего 7 671 штыков и шашек, 103 пулемета, 20 орудий, 353 320 патронов. В 1-й дивизии было 1 079 штыков и шашек, во 2-й дивизии—1 669 штыков и шашек, в 3-й дивизии—1 652 и в 1-й конной дивизии—3 271 шашка [1].

Краснов в своей книге «Всевеликое войско Донское» следующим образом характеризовал значение этого совместного удара донской и «добровольческой» армий на линию Царицын—Тихорецкая:

«Красная гвардия базировалась на железную дорогу Царицын—Торговая—Тихорецкая. Центральные станции этой дороги Котельниково и Великокняжеская явились сильными узлами обороны. Кавказские большевики, не тревожимые пока никем, сообщались с Царицыном, и силы казаков, слишком незначительные, не могли сломить сопротивления большевиков.

В первых числах июня [2] Добровольческая армия, снабженная и окрепшая в Мечетинской, вышла из своего инертного состояния и начала наступление на Сосыку и Торговую. Одновременно и войска Задонской группы Донской армии были двинуты на Торговую и Великокняжескую. 17 июня донцы совместно с добровольцами заняли Великокняжескую станицу. В Великокняжеской добровольцы оставили свой гарнизон, а донцы самостоятельно продолжали наступление и заняли станции Двойную, Куберле и Зимовники...

Движение Добровольческой армии наперерез Владикавказской железной дороге заставило большевиков... покинуть побережье Азовского моря и отходить на Кубань. 13 июля на юге войска не оставалось больше большевиков, и Новочеркасск мог быть совершенно спокойным. Командующий армией стал перебрасывать войска с юга для развития операций на севере по направлению к Воронежу и Камышину» [3].

Торговая была захвачена деникинцами совместно с красновцами 25 июня, Великокняжеская—28 июня.

---

[1] «Сведения о боевом составе частей добровольческой армии по состоянию на 26 июня 1918 г. Материалы штаба Деникина», Ростов. Истпарт.

[2] Даты здесь даны по старому стилю.

[3] Сб. «Начало гражданской войны». Мемуары Краснова, «Всевеликое войско Донское», Гиз, 1926 г., стр. 158—159.

После совместного удара на Великокняжескую «добровольческая» армия, повернув на юг, 13 июля захватила Тихорецкую. Северокавказская армия отошла за реку Кубань, остальные же силы советских войск были прижаты к побережью Черного моря. Царицын был совершенно отрезан от Северного Кавказа. После захвата Ставрополя налетом Шкуро 22 июля Кубань и Ставрополье, как основные источники снабжения страны хлебом, были потеряны.

В свою очередь Донская армия, не ограничившись захватом линии Великокняжеская—Гашун, повела дальнейшее наступление на Ремонтную—Котельниково.

В конце июня шли кровопролитные бои в районе Ремонтная—Котельниково. Но 3 июля красными частями была освобождена Ремонтная, а 13 июля—Зимовники, Терновский, Бурульская. В июле в южном направлении дальше Зимовников и Гашуна красновцы не смогли пробиться. Но весь этот объединенный поход красновцев и деникинцев на юг имел решающее значение для подготовки первого окружения Царицына.

Он не только обеспечивал тыл Донской армии с юга, но и наносил серьезнейший удар Царицыну тем, во-первых, что совершенно отрезал Северокавказскую армию и лишал ее всякой связи с войсками Царицынского фронта, и, во-вторых, захват Кубани и ее центра Екатеринодара (Деникин захватил Екатеринодар 16 августа) означал потерю основного источника снабжения страны хлебом.

В этом свете не случайным, конечно, является совпадение даты первого окружения Царицына Красновым и даты окружения Екатеринодара Деникиным.

Таким образом, к середине июля 1918 г. окончательно определился план контрреволюции по захвату Царицына. Царицын окружался со всех сторон объединенными силами донских белогвардейцев (пользовавшихся помощью германских империалистов) и Деникина, в то время как чехо-словаки ближе всего подошли к линии Волги. Силы контрреволюции объединялись для нанесения удара Царицыну.

2. Военный совет определяет направление главного удара

Какой же план боевых операций наметил Военный совет в тяжелых условиях подготовлявшегося окружения Царицына?

Поход Деникина на Кубань со всей остротой поставил вопрос о необходимости самого решительного наступления на юг для того, чтобы вернуть стране основной источник снабжения хлебом, помочь Северокавказской советской республике в ее борьбе с деникинцами и их агентами и во что бы то ни стало восстановить связь с Северокавказской армией.

Оценивая значение похода Деникина—Алексеева на Кубань, т. Орджоникидзе писал в своем докладе Совнаркому 10 июля 1919 г.:

«В начале июня (1918 г.—*Э. Г.*) открывается новый фронт под командованием генералов Покровского, Деникина, Маркова, Алексеева. В то же самое время открылся чисто немецкий фронт на Таманском полуострове. На Кубани товарищам, совершенно отрезанным от России, приходилось защищать три больших фронта: германский—на Батайском, казачий—на линии Егорлыкская—Мечетинская—Торговая—Таманская, и в то же время начинают вспыхивать то там, то сям в станицах отдельные восстания...

Деникин, врезавшись в Ставропольскую губернию и забрав в свои руки Ставрополь, стал угрожать нам прорывом еще у Кавказской. Поставленные в такие условия, наши вынуждены были снять с немецкого фронта все войска и двинуться на выручку Екатеринодара, против которого Алексеев направил свои силы. В то же время началось контрреволюционное движение под главенством Шкуро и Бичерахова в Терской области, банды которых прервали сообщение у Прохладной, заняв последнюю.

Алексеев, завладев Екатеринодаром, стал нажимать на наши войска, поставив своей задачей очищение от наших войск сперва Кубанской области, а затем всего Северного Кавказа»[1].

Наступление «добровольческой» армии на Кубань означало, следовательно, усиление угрозы Царицыну, с одной стороны, всему Северному Кавказу—с другой.

Наступление Деникина окрылило контрреволюцию на Тереке. Деникинский агент Г. Бичерахов организовал в конце июня мятеж против советской власти и захватил в свои руки город Моздок. Совет народных комиссаров Терской народной республики начал наступление советских войск на Моздок. Ожесточенные бои с бичераховскими бандами шли у станции Прохладной, являющейся важнейшим железнодорожным узлом на Тереке. Серго Орджоникидзе, выехавший по поручению товарища Сталина из Царицына на Кубань, успел 10 июля пробиться на бронепоезде из Пятигорска в Владикавказ, за день до захвата бичераховцами Прохладной. С этого времени т. Орджоникидзе становится во главе трудящихся масс Терека в их борьбе с захватчиками и поработителями. В начале августа бичераховские банды организовали налет на Владикавказ; на улицах города шли ожесточенные бои. В результате этих боев бичераховцы были отбиты, и Владикавказ остался в руках советской власти. В августе же началась длительная осада Грозного (закончившаяся победой советских войск в ноябре 1918 г.), в июле—осада г. Кизляра.

[1] *С. Орджоникидзе,* Год гражданской войны на Северном Кавказе. Доклад Совету народных комиссаров 10 июля 1919 г., «Пролетарская революция» № 1 за 1939 г., стр. 207.

То обострение борьбы на Северном Кавказе, которое предсказывал товарищ Сталин накануне своего отъезда в Царицын, теперь стало фактом.

Чрезвычайно осложнилась также обстановка в Закавказье. К Баку подбирались турки и англичане. Шла ожесточенная борьба за весь Юг и Каспий.

Но в июле решающие центры—Екатеринодар, Пятигорск, Владикавказ, Грозный, Баку—были еще в руках советской власти. Помощь со стороны Царицына решала в этих условиях судьбу всего Северного Кавказа. Военный совет в соответствии с этим с первых же дней своего создания определяет направление *главного удара на юг*, в сторону Тихорецкой, для соединения с Северокавказской армией.

Основная цель этого удара на юг—освобождение всей Кубани, Черноморского побережья, Северного Кавказа и Закавказья от белогвардейских банд и немецких, турецких, английских и прочих захватчиков.

Поэтому, как только товарищ Сталин приехал в Царицын, сразу же в поле его зрения оказался весь Южный фронт до Баку. Уже в своей телеграмме Ленину от 4 июня, посланной из Грязей, на пути в Царицын, товарищ Сталин сообщал: «Баку посылаю нарочного с письмом». В первой телеграмме Ленину из Царицына от 7 июня товарищ Сталин писал, что нарочный в Баку уже послан. Так сразу же была установлена связь с Баку. Когда в июне, по заданию Ленина, происходило потопление Черноморского флота, чтобы не отдать его в руки немецким империалистам, уполномоченные, посланные для этой цели Совнаркомом, получали все директивы и указания непосредственно от товарища Сталина в Царицыне. По поручению товарища Сталина т. Орджоникидзе в 20-х числах июня выехал на Кубань—в Екатеринодар, из Екатеринодара в Пятигорск, а затем во Владикавказ для организации обороны на Северном Кавказе. Тов. Киров, приехавший в Царицын 23 июля, вскоре по прямому поручению товарища Сталина выехал в Астрахань.

В Баку Шаумян все время тесно был связан с товарищем Сталиным. Так важнейшие участки фронта были сразу же обеспечены соратниками Ленина и Сталина—Орджоникидзе, Кировым, Шаумяном. 1 июля 1918 г. в записке, посланной по прямому проводу в Москву, товарищ Сталин следующим образом характеризовал обстановку, сложившуюся в это время на Северном Кавказе и в Баку:

«Бакинский район действительно угрожаем. Турецкие войска во главе с немецкими офицерами ведут настоящую войну с бакинскими частями. Надо думать, что так называемое соглашение с немцами является ширмой для наступления на Баку. Нечего и говорить, что вся буржуазия за турок. Что касается Северного Кавказа, там заваривается такая каша, что не исключена самая фантастическая комбинация. Видимо, местами нала-

живается союз казачества с верхами горских племен. Чем это кончится, пока трудно сказать. Можно лишь предсказать, что с уборкой хлеба свалка на Северном Кавказе еще более усилится. Положение Баку и финал Тихорецкой портят всю картину. Мы принимаем срочные меры, о которых сообщит вам отправляемый к вам нарочный.

Надеемся, что справимся. *Сталин*»[1].

Больше всего товарища Сталина тревожило в это время положение в Баку и окружение Тихорецкой деникинской армией. Кроме того, товарищ Сталин подчеркивал неизбежность дальнейшего обострения борьбы на Северном Кавказе. Положение на Кубани все более ухудшалось, и 5 июля товарищ Сталин телеграфировал в Москву Чичерину: «Если Германия не признает Кубанской республики, то это значит, что она не признает России, ибо Кубанская республика есть часть России. Нужно настаивать на неприкосновенности Кубани, как части России». Одновременно товарищ Сталин требовал усиления помощи Туркестану: «В Туркестане,—писал он в этом же письме,—разыгрывается новый Мурман с тем различием, что Туркестанские советы не заражены англофильством. Необходимо выставить какую-либо силу на границу с Афганистаном, через который действует Англия»[2].

7 июля Ленин телеграммой сообщал товарищу Сталину о «лево»-эсеровском мятеже и его разгроме, о необходимости беспощадного подавления «лево»-эсеровской контрреволюции, просил об установлении самой тесной связи товарища Сталина с Шаумяном в Баку.

«Относительно Баку самое важное,—писал Ленин,—чтобы Вы были непрерывно в сношениях с Шаумяном, и чтобы Шаумян знал предложение германцев, сделанное послу Иоффе в Берлине относительно того, что немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся. Итак, будьте беспощадны против левых эсеров и извещайте чаще. *Ленин*».

Товарищ Сталин в тот же день ответил Ленину:

«Сегодня же отправляю Баку нарочного с письмом. Все будет сделано. Что касается истеричных—будьте уверены, у нас рука не дрогнет. С врагами будем действовать по вражески. *Сталин*»[3].

После этого обмена телеграммами товарищ Сталин сразу же отправил нарочного в Баку с подробным письмом к Шаумяну.

«Так как времени у меня мало,—писал товарищ Сталин в этом письме,—начинаю прямо с дела. Общая наша политика в вопросе о Закавказьи состоит в том, чтобы заставить немцев

---

[1] *Сурен Шаумян*, Бакинская коммуна, Баку 1927 г., стр. 38.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 52, л. 66—68. Телеграмма товарища Сталина от 5 июля 1918 г.

[3] Телеграмма В. И. Ленина от 7 июля и ответ товарища Сталина опубликованы в «Большевике» № 2 за 1936 г., стр. 74.

официально признать грузинский, армянский и азербайджанский вопросы вопросами внутренними для России, в которых немцы не должны участвовать...» Сообщая дальше ленинские директивы и указания, товарищ Сталин писал: «все сказанное примите не как мое личное мнение, а как предложение Ленина, с которым я говорил вчера по всем затронутым вопросам по прямому проводу». Сталин просил Шаумяна в конце письма всячески помочь оружием и людьми Туркестану, «с которым англичане, действующие через Бухару и Афганистан, стараются сыграть злую шутку». И, наконец, в этом же письме товарищ Сталин сообщал Шаумяну о «лево»-эсеровском мятеже и требовал принятия самых решительных мер «для предупреждения эксцессов со стороны этих жалких провокаторов войны с Германией» [1].

Через несколько дней, 13 июля товарищ Сталин опять подробно информировал Ленина о положении на Кубани и в Баку.

Сообщая о том, что на Бакинском фронте турецкие регулярные войска соединились с бунтовщиками против советской власти и ведут наступление, товарищ Сталин считал необходимым от имени Совнаркома выразить протест против вмешательства турок в наши внутренние дела.

В связи с ухудшением положения на Кубани и Северном Кавказе и взятием белыми Тихорецкой товарищи Сталин и Ворошилов в середине июля лично выехали на бронепоезде на южный участок фронта, где все время шли ожесточенные бои, чтобы проверить состояние частей и форсировать наступление на юг, в сторону Тихорецкой.

Доехав до станции Зимовники (в 270 километрах от Царицына), товарищи Сталин и Ворошилов добились очищения всей железнодорожной линии от Царицына до Зимовников от белобандитов. Разрушенный в четырех местах железнодорожный путь был исправлен, и железнодорожное движение восстановлено. Сообщая об этой поездке Ленину телеграммой 16 июля, товарищ Сталин передал о принятом решении начать немедленно наступление на юг, в сторону Тихорецкой, и о том, что это решение уже проводится в жизнь.

Для организации наступления в сторону Тихорецкой т. Ворошилов всю вторую половину июля и начало августа непосредственно находился на южном участке фронта, проводя там объединение и формирование отдельных партизанских частей в организованную армию.

В соответствии с решением направить главный удар на юг Военный совет в приказе от 24 июля основное внимание уделял укреплению Сальской группы. В распоряжение начальника Сальской группы была дополнительно назначена Доно-Ставропольская бригада Колпакова, и кроме того начальнику

---

[1] *С. Шаумян,* Статьи и речи, Баку 1929 г., стр. 292—293. Письмо товарища Сталина к Шаумяну от 8 июля 1918 г.

Царицынского участка было предложено «срочно отправить из числа вышедших из Донской области войск хорошо снабженный и вооруженный полк пехоты, силою не менее 1 500 штыков, 150 кавалеристов, 4 орудий полевой батареи калибра 3 дюйма и взвод гаубиц» [1] для усиления Сальской группы. Всем этим частям приказывалось образовать ударную группу для восстановления и очищения от белобандитов железной дороги до станции Тихорецкой.

Одновременно начальнику Кубано-Черноморского участка был отдан приказ: «1) принять меры к скорейшему очищению железнодорожной линии от ст. Тихорецкой до реки Малая Куберле и обеспечить этот участок от дальнейших покушений противника; 2) препятствовать всеми возможными мерами к дальнейшему продвижению немцев в глубь Кубанской области как со стороны Батайска, так и со стороны Азово-Черноморского побережья; 3) выяснить силы и направление движения противника как со стороны Таманского полуострова, так и со стороны Сухум-Кале вдоль Черноморского побережья; 4) препятствовать производству десантов противника на Азово-Черноморском побережьи» [2].

Таким образом, Сальский и Кубано-Черноморский участки, обладавшие вместе более чем 50-тысячной армией, должны были объединенными силами разгромить белоказаков, соединиться (после захвата белыми Тихорецкой оба эти участка были совершенно отрезаны друг от друга) и этим спасти Кубань и Северный Кавказ от захватнических планов интервентов и белогвардейцев. С севера и запада эту боевую операцию обеспечивали Усть-Медведицкий и Царицынский участки—первый должен был прочно держать в своих руках линию Царицын—Поворино (связь с Москвой), второй—очистить все подступы к Царицыну, не пуская белоказаков на левый берег Дона. Все 4 участка были объединены единой боевой задачей.

После объезда южного участка товарищами Сталиным и Ворошиловым план соединения с Северокавказской армией начал решительно проводиться в жизнь. Прежде всего Коммунистическая и Морозовско-Донецкая дивизии, выполняя приказ от 24 июля, организовали наступление на Западном (Чирском) участке, очищая левый берег Дона от белоказачьих войск. В конце июля шла ожесточенная борьба за Калач, и 31 июля Калач был взят советскими войсками. На этом участке боевая задача была выполнена. На южном направлении наступление проводилось под непосредственным руководством тов. Ворошилова. 2 августа в 6 часов вечера была занята красными частями станция Куберле (южнее Зимовников, в

---

[1] Приказ Военного совета № 1-а от 24 июля 1918 г., ЦАКА, д. 207—471, л. 62.

[2] *Там же.*

С. М. БУДЕННЫЙ

Е. А. ЩАДЕНКО

Г. И. КУЛИК

60 километрах от Великокняжеской). Тотчас же после взятия Куберле была проведена операция по освобождению революционного отряда Ковалева в слободе Мартыновке. После взятия Великокняжеской (28 июня) отряд не успел отступить, был со всех сторон окружен белыми, но выдержал длительную, 35-дневную осаду, героически сражаясь, чтобы прорвать враждебное кольцо.

В Мартыновке сражались все, кто только мог носить оружие. Вокруг станицы были вырыты окопы. Когда иссякли все патроны, мартыновцы начали изготовлять их собственными силами, создав специальную мастерскую. Постепенно стало приходить к концу продовольствие, все запасы муки были съедены, скот был перебит, мельница разрушена снарядами белых. Мартыновцы голодали, но не сдавались. Позиции возле Мартыновки были очень невыгодны—они находились в котловине, и неприятельская артиллерия наносила мартыновцам большой урон. Без помощи, организованной т. Ворошиловым, мартыновцы не смогли бы прорваться на соединение со своими частями. После взятия Куберле красные части под руководством т. Ворошилова прорвались к Мартыновке, освободили осажденные там революционные отряды, которые благодаря этой операции 5 августа соединились с Сальской группой.

8 августа т. Ворошилов из Куберле телеграфировал в Военный совет товарищу Сталину об освобождении мартыновцев.

«Мартыновцы, около трех тысяч бойцов, сопровождая обозы оставивших Мартыновку жителей, с боем продвинулись к Куберле и соединились с нашими войсками. Мартыновцы вышли бодрыми и свежими после тридцатипятидневной осады. Полковой командир и его помощник Ситников и военный комиссар Гызин—истинные борцы за советскую власть—вынесли на своих плечах все тяжести осады, выглядят прекрасно и готовы продолжать борьбу с бандами красновцев и других кадет. Потери мартыновцев за время осады сравнительно ничтожные... Я сейчас уезжаю в Ремонтную, где подожду еще день, а потом поеду в Царицын»[1].

Если Царицынский участок и Сальская группа, действовавшие под непосредственным руководством товарищей Сталина и Ворошилова, выполнили боевое задание, перейдя в наступление и захватив Калач на западе, Куберле—на юге, то на двух других участках, наиболее оторванных от Царицына,—Кубано-Черноморском и Северном дело обстояло значительно хуже. После взятия Тихорецкой в Царицыне никакой связи с северокавказскими армиями не было. Только 26 июля в Царицын удалось пробиться командиру Стальной дивизии, который приехал за директивами. Из разговора с ним товарищ Сталин получил действительную картину положения дел на Кубани.

[1] ЦАКА, д. 207—470, л. 63—64.

Полученные сведения товарищ Сталин в тот же день сообщил Ленину в Москву:

«Положение всей Кубанской армии отчаянно неприглядно, армия осталась без необходимых предметов вооружения, она отрезана и гонят ее к морю. *Если мы с севера не пробьемся и не соединимся с ними в ближайшие дни, то весь Северный Кавказ, закупленный хлеб и всю тамошнюю армию, созданную нечеловеческими усилиями, потеряем окончательно*»[1].

Отступив от Тихорецкой в середине июля, Северокавказская армия, совершенно отрезанная от центра и от Царицына, никаких мер к соединению с основными силами, находящимися под Царицыном, не принимала. Больше того, назначенный 3 августа Троцким командующий северокавказскими армиями авантюрист и предатель Сорокин, несомненно, намеренно не выполнял приказа о наступлении на Тихорецкую. Полная изолированность и полная в связи с этим свобода действий была на-руку проходимцу Сорокину. Бойцы Северокавказской армии рвались на соединение с Царицыном. Они знали, что в Царицыне находятся товарищи Сталин и Ворошилов, что только успешный удар в сторону Тихорецкой сможет обеспечить армию от разгрома. Но предательская линия Сорокина помешала этому соединению. Кубано-Черноморский участок боевого задания Военного совета не выполнил.

Центр Кубани—Екатеринодар был окружен, и 16 августа город захватили деникинцы.

Еще до взятия Екатеринодара, в начале августа Баку был захвачен англичанами.

К 20-м числам июля положение в Баку все более осложнялось. Мятеж Бичерахова резко ухудшил продовольственное положение Баку и возможность оказания городу военной помощи. Железнодорожная связь между Баку и Северным Кавказом была перерезана. Этим не замедлили воспользоваться эсеры и дашнаки в Бакинском совете. Они потребовали приглашения англичан якобы для защиты от турок. Шаумян телеграфировал об этом товарищу Сталину в Царицын. В ответ на запрос Шаумяна товарищ Сталин 21 июля передал в Баку категорическое требование ни в коем случае не пускать англичан.

«По последним сведениям народнические фракции Бакинского совдепа добиваются призвания варягов—англичан, якобы на помощь против турецких захватчиков. Принимая во внимание опыт такой помощи со стороны англо-французов на Мурмане и Дальнем Востоке, можно с уверенностью сказать, что народнические фракции, сами того не сознавая, подготовляют почву для оккупации Баку и его районов.

Вместе с тем несомненно, что попытки народнических партий кустарным образом разрешить вопрос международной

---

[1] ЦАКА, д. 118—765, л. 2. Курсив мой.—*Э. Г.*

политики в то время, когда Пятый Всероссийский съезд советов определенно высказался за независимую политику Российской советской республики, независимую как от немцев, так и англичан,—такая попытка народнических партий является грубым нарушением организованной воли народов России в угоду кучке англо-французских империалистов.

Именем Всероссийского ЦИК и Совета народных комиссаров я требую от всего Бакинского совета, от армии и флота полного подчинения воле рабочих и крестьян всей России. Во исполнение решений Пятого съезда советов я требую от Бакинского совнаркома безоговорочного проведения в жизнь независимой международной политики и решительной борьбы с агентами иноземного капитала вплоть до ареста членов соответствующих миссий.

По уполномочию Совета народных комиссаров
Народный комиссар *И. Сталин*»[1].

Посылая эту телеграмму Шаумяну, товарищ Сталин одновременно же послал ее Ленину с просьбой подтвердить свои директивы.

«Могу только поддержать вполне телеграмму Сталина против народнической фракции Бакинского совдепа и относительно воли пятого съезда советов»[2],—телеграфировал Ленин 22 июля в Баку.

Но руководство Бакинского совета не отстояло директивы товарища Сталина. 25 июля Бакинский совет вновь обсуждал вопрос о приглашении англичан. Шаумян, ссылаясь на резолюцию V съезда советов и телеграмму товарища Сталина, требовал снять с обсуждения этот вопрос. Но требование Шаумяна было отклонено. Бакинский совет—большинством 259 голосов против 226 голосов большевиков—принял резолюцию о приглашении англичан. Баку был потерян.

В конце июля, несмотря на саботаж Сорокина, несмотря на то, что Северокавказская армия была отрезана, Военный совет продолжал прилагать все усилия, чтобы во что бы то ни стало собственными силами пробиться к Тихорецкой и не допустить падения Екатеринодара. В своем письме к Ленину от 26 июля товарищ Сталин подчеркивал, что это наступление на юг надо обязательно провести именно в ближайшие дни, иначе будет поздно. Для того чтобы компенсировать хоть немного тот урон, который нанесло снятие со счетов в этом наступлении Северокавказской армии, товарищ Сталин просил срочно прислать в Царицын дивизию, которая формировалась для Баку (в это время уже ясно было, что Баку потерян). Тотчас же после этого началось наступление, занята была

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. 522, л. 40.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 115, л. 96.

станция Куберле, освобождены мартыновцы. Но в начале августа Военный совет вынужден был приостановить дальнейшее наступление в сторону Тихорецкой, так как положение на северном участке фронта резко изменилось к худшему.

«Наступление (в сторону Тихорецкой.—*Э. Г.*) повели в надежде, что северные участки Миронова—Киквидзе, Поворинский участок—обеспечены от разгрома. Между тем оказалось, что эти участки наиболее слабы и необеспечены» [1],—писал товарищ Сталин в письме Ленину 4 августа.

Краснов, при поддержке Деникина, в начале и середине июля повел наступление на юг и в результате отрезал Северокавказскую армию от Царицына, а во второй половине июля центр удара перенес на север. 25 июля красновцы захватили станцию Липки и линию железной дороги к северу от станции Лог; 28 июля в их руки перешли станции Панфилово и Бударино, 31 июля—Себряково. Железнодорожный путь Филоново—Алексиково был разрушен. К концу июля белоказаки заняли линию Урюпино—Алексиково—Бударино—Филоново—Панфилово—Кумылга—Себряково и вплотную подошли к Логу (116 километров от Царицына), который в первых числах августа переходил из рук в руки. Части Сиверса—Киквидзе отступили на Елань—Балашов—Камышин. Царицын вновь был совершенно отрезан от Москвы. Город начинал окружаться со всех сторон.

«В виду этого мы решили,—писал товарищ Сталин Ленину 4 августа,—приостановить наступательные действия в сторону Тихорецкой, приняв оборонительное положение и сняв боевые части с участков Царицынского фронта, составить из них северный ударный кулак в тысяч шесть солдат и направить его по левому берегу Дона вплоть до реки Хопер. Цель этого предприятия—очистить линию Царицын—Поворино и, выйдя в тыл врагу, дезорганизовать его и отбросить назад» [2].

Отступление частей северного участка (Сиверса—Киквидзе) на Елань—Камышин и Северокавказской армии от Тихорецкой отрезало Царицын от центра страны, отрезало Кубано-Черноморский фронт от Царицына, открыло дорогу Краснову и предопределило первое окружение Царицына.

В соответствии с новой тяжелейшей обстановкой, сложившейся к началу августа, Военный совет меняет направление главного удара, приостанавливает наступление в сторону Тихорецкой, собирая ударный кулак на севере и западе, и добивается выполнения того плана разгрома первого окружения, который изложил товарищ Сталин в письме к Ленину 4 августа.

---

[1] Письмо опубликовано в «Правде» 3 января 1935 г.

[2] *Там же.*

3. Героическая оборона красного Царицына в период первого окружения

Наступление Краснова, начатое в конце июля, в августе еще более усилилось: Краснов хотел во что бы то ни стало преподнести Царицын в качестве «подарка» заседавшему в это время (с 14 августа ст. ст.) Войсковому кругу. Белым командованием был разработан план общего наступления. Генерал Фицхелауров, которому дано было задание разбить своим корпусом части Миронова, после того как эта операция была выполнена, повернул на юг и вместе с Мамонтовым повел наступление на Царицын. 8 августа противник захватил станцию Лог и прервал железнодорожное сообщение между Иловлей и разъездом Белужкино (севернее Иловли). В тот же день белоказаки на Чирском направлении захватили станцию Ляпичево (в 88 километрах от Царицына). 9 августа красные части с боем оставили Калач. 11 августа красновцы захватили Иловлю на правом фланге и Кривомузгинскую на центральном участке. 12 августа белоказаками была захвачена Карповка, 13 августа—Качалино, 14 августа—Воропоново (в 15 километрах от Царицына). Это был день наивысшего успеха белоказачьих войск.

«Положение на фронте,—писал т. Ворошилов об этих днях,—становилось почти катастрофическим. Красновские части под командованием Фицхелаурова, Мамонтова и других хорошо продуманным маневром теснили наши измотанные, несшие огромные потери, войска. Фронт противника, построенный подковой, упиравшейся своими флангами в Волгу, с каждым днем сжимался все больше и больше»[1]. Радиус фронта к 15 августа равнялся 10—15 километрам. В городе стоял сплошной гул от беспрерывной артиллерийской стрельбы. В окнах домов лопались стекла. Наступавшие белогвардейцы уже ясно видели перед собой очертания города с его многочисленными заводскими трубами, с нефтяными баками, с лентами пристаней и лесных складов. За белоказаками тянулись обозы, многочисленные подводы. В лагере противника предвкушали богатую наживу, мечтали основательно пограбить богатый город. По ночам лучи прожекторов освещали город со всех сторон. В городе из-за артиллерийского обстрела начались пожары, горели лесные пристани, и ночью в нем было светло, как днем. Красные бойцы не знали ни минуты отдыха. В войсках и в городе свирепствовала испанка. Нередко бойцы шли в бой с высокой температурой. То и дело тревожные гудки созывали рабочих. Оружия для всех желающих нехватало. Заводы Царицына воевали посменно. Часть рабочих находилась на фронте, другая часть на заводе работала на оборону.

---

[1] *К. Е. Ворошилов,* Сталин и Красная армия, Воениздат, М. 1937 г., стр. 12.

Фронт приблизился к городу. Бой шли в предместьях города—около Садовой, в Бекетовке, Ивановке. Царицын был на волосок от гибели.

«Царицын окружается. Царицын может пасть»,—предупреждает Военный совет в своем приказе от 11 августа о грозной опасности, нависшей над городом.

В тот же день (11 августа) объявляется вторая мобилизация пяти возрастов. Первым днем мобилизации по Царицыну назначается 15 августа, по уезду—20 августа. В городе лихорадочно вооружаются рабочие, на фронт отправляются рабочие полки. Один только союз «Грузолес» в эти дни послал на фронт свой 1-й полк в количестве более 1 500 человек. Тов. Ворошилов 12 августа находится непосредственно на линии фронта, в Воропонове. Военный совет в создавшихся условиях считает необходимым прежде всего сократить фронт, подтянуть к Царицыну силы всех участков. Особенно важно было как можно скорее перебросить к Царицыну войска Сальской группы под командованием Шевкоплясова, иначе они в условиях окружения были бы совершенно отрезаны от Царицына. 11 августа товарищ Сталин ведет переговоры с начальником отряда в Котельниково Васильевым и настаивает на немедленной переброске войск южного участка к Царицыну. Товарищ Сталин требует, чтобы эта переброска началась сегодня же, не медля ни одного часа. «Торопитесь, не запаздывайте, ибо запоздать—значит проиграть»,—предупреждал товарищ Сталин.

12 августа в 4 часа ночи товарищ Сталин вызывает по прямому проводу Ремонтную, где находится штаб Шевкоплясова. Из разговора выясняется, что Шевкоплясов только начал грузиться и что особой торопливости в переброске частей к Царицыну он не проявляет. Шевкоплясов, который, по образному выражению товарища Сталина, «жалкий Куберле ставит выше России», по существу саботировал приказ Военного совета.

В разговоре по прямому проводу 12 августа товарищ Сталин повторяет свой приказ немедленно отправить в Царицын из частей Шевкоплясова полк с кавалерией, бронепоезд «Большевик», два эскадрона кавалерии Думенко и отряд мартыновцев, который 12 августа должен был прибыть в Ремонтную.

«Имейте в виду,—говорил товарищ Сталин, передавая приказ,—что Царицын, быть может, накануне падения. С севера наступают кадеты и уже окружили Качалинскую, с запада также наступают. Карповку взяли и наши отступили к Басаргину, гул уже слышен в Царицыне»[1]. Для того чтобы ускорить переброску частей с юга, Военный совет командирует в Ремонтную начальника оперативного отдела с секретным приказом и срочным поручением добиться немедленной

[1] ЦАКА, д. 215—387, л. 13.

[illegible] № [illegible] [illegible]

Экстренный выпуск газеты

„СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ".

БЮЛЛЕТЕНЬ

Военного Совета Северо-Кавказского округа.

Наши части укрепились на позициях близких к городу. Наступление противника приостановлено.

На левом фланге отбита атака с большими потерями для противника, который продвигается на Воропоново.

Но противник наступает опять, борьба идет с переменным успехом.

Подкрепления подходят.

Все революционные рабочие, все кому дороги завоевания революции,— призываются оказывать нашим отважным войскам поддержку, по примеру славных Бакинцев, которые выступили в нужный момент на фронт и содействовали победоносному отпору атак противника.

Город в опасности.

На красный Царицын стремятся гнусные наемники помещиков, банкиров, купцов.

Все, как один, на его защиту!..

Экстренный выпуск газеты «Солдат революции» от 15 августа 1918 г.

помощи Царицыну со стороны южного участка. Но Думенко и Шевкоплясов (оба впоследствии были разоблачены как предатели) не выполняют этого решающего приказа Военного совета. Это еще более ухудшает положение.

13 августа приказом Военного совета Царицын и губерния объявляются на осадном положении. Ежедневно начинает выходить экстренный выпуск газеты «Солдат революции». Ежедневно в Москву Ленину передаются сводки Военного совета.

«Фронт приближается к городу. Положение опасно. Войска отходят с боем. В городе порядок»[1],—сообщает Военный совет в экстрасводке, переданной 14 августа в 12 часов ночи.

«Товарищи рабочие, крестьяне, казаки!—призывает газета «Солдат революции».—Враг трудового народа наступает со всех сторон извне и изнутри; против него должны сплотиться с оружием в руках самые смелые и честные борцы, все, кто готов итти до конца вместе с трудовым народом, все, кто готов умереть с ним и за него. Не теряйте ни минуты—враг у порога вашей хаты.

Все на ноги! К оружию!»[2]

14 августа, когда враг был уже в Воропонове, Военный совет издает приказ о мобилизации буржуазии города для рытья окопов. Царицын опоясывается цепью окопов и проволочных заграждений. 15 августа с утра разъезды противника доходят до линии Бекетовка—Ивановка.

15 августа в 12 часов дня в сводке, посланной Ленину, Военный совет сообщает: «Наши войска укрепились на высотах вблизи города. Войска держатся хорошо. Правый фланг между Гумраком и Котлубанью. Левый опускается Воропоново и Садовая. При участии рабочих одного района атака противника на левый фланг отбита, противник отогнан к Воропонову. Положение остается в большой степени таким, как сказано в прежних экстрапроводках»[3].

15 августа—самый напряженный, решающий день в период первого окружения Царицына. Ожидаемая помощь из Астрахани не приходит. С утра 15 августа в Астрахани вспыхивает контрреволюционное восстание. Белогвардейцы Астрахани, ожидая неминуемого падения Царицына, зная, что, если падет Царицын, Астрахань будет совершенно отрезана и лишена всякой помощи советских войск, считают этот момент наиболее удобным для контрреволюционного выступления. Восставшие белогвардейцы под руководством полковника Маркевича 15 августа с утра захватывают вокзал, арестовывают совет и исполком. У военного комиссариата идет четырехчасовой бой. К ночи Астрахань окончательно попадает в руки белогвардейцев.

«В ночь на 15 августа, когда от вас были получены тревож-

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 13, д. 34, л. 118.
[2] «Солдат революции», экстренный выпуск № 3 от 14 августа 1918 г.
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 1, д. 26, л. 111.

ные сведения о положении Царицына,—сообщал военком Астрахани Анисимов,—немедленно был отдан приказ об отправке к вам помощи. Утром все было почти готово к отправке, но в 10 часов послышались выстрелы. По телефону уже нельзя было отдавать приказ—телефон не работал»[1].

Восстание белогвардейцев в Астрахани на следующий же день, 16 августа было подавлено под руководством Анисимова и находящегося в это время в Астрахани т. Кирова. Главари мятежа были расстреляны. Но это восстание белогвардейцев сорвало помощь Астрахани в самые решающие для Царицына дни.

Чем тревожнее, чем опаснее положение города, тем больше спокойствия, выдержки, уверенности в действиях Военного совета. 15 августа в 7 часов вечера, когда бои идут под Бекетовкой, Военный совет в своем бюллетене сообщает:

«В городе порядок. Среди рабочих подъем и сознательное отношение к моменту. Дезертиры из действующих и резервных частей, уклоняющиеся от исполнения своего революционного долга, задерживаются, арестовываются и штрафными командами отправляются на фронт.

Кое-где на телефонных и телеграфных станциях замечен преступный саботаж от преждевременной радости предателей. Принимаются осторожные, но решительные меры.

Совет народных комиссаров и все революционные соседи с горячим вниманием и возможным содействием следят за героической борьбой красного Царицына за глубочайшие интересы всей советской России, а также за свое избавление от нашествия красновских банд.

Спасение красного города зависит от дальнейшей стойкости, дисциплинированности, сознательности, выдержки и кипучей самодеятельности советских кругов.

Положение города остается осадным.

Военный совет—*Сталин, Ворошилов*»[2].

День 15 августа, тяжелейший день первого окружения, одновременно был и днем перелома. В этот день наступление противника было приостановлено. К вечеру 15 августа красные части захватили обратно Воропоново, белоказаки были отброшены за линию Гумрак—Воропоново. Но «положение города остается осадным»,—предупреждает Военный совет. И действительно, атаки белоказаков в дни 16—17—18 августа были особенно ожесточенными. Все силы бросает Краснов, чтобы последним ударом взять, наконец, неприступный Царицын. Особенно жестокий натиск красновцы ведут на северном участке, всеми силами пытаясь захватить Гумрак и одновременно усиливая удар на юге под Сарептой. Железнодорожная линия от

---

[1] «Солдат революции», экстренный выпуск № 8 от 19 августа 1918 г.
[2] «Солдат революции», экстренный выпуск № 5 от 15 августа 1918 г.

Сарепты на Абганерово была взорвана. 17 августа противник захватывает Ерзовку на Волге и пытается задержать баржи со снарядами, следующие в Царицын. Посланный на судах из Царицына отряд отбросил противника и привел баржи в Царицын.

Именно в эти дни наиболее ожесточенной борьбы на фронте в городе готовилось контрреволюционное выступление, подготовляемое Носовичем. Самого главаря не было уже в эти дни в Царицыне. Но его сподручные назначили восстание на 2 часа ночи во время смены караула с 17 на 18 августа в надежде, что Краснов 18 августа будет уже в Царицыне. ЧК в ночь с 17 на 18 августа арестовала весь штаб заговорщиков, не дав им выступить. При аресте штаба был найден подробно разработанный план выступления, план захвата советских правительственных учреждений и складов вооружения, белогвардейские листовки, зарытые в землю три мешка с деньгами на сумму свыше 9 миллионов. Заранее была заготовлена целая кипа красных нашивок для участников заговора, чтобы этим обмануть бдительность красноармейского караула.

Главари заговора были расстреляны: поручик Угневенко, командующий «вооруженными силами» заговорщиков, эсер Котов—«начальник политической части штаба», Алексеев и его два сына, Выскубов—председатель союза «Фронтовик», Гарягин—член ЦК партии эсеров и др. Последнему, очевидно, ЦК партии эсеров поручил общее руководство мятежом. Заговорщики в Астрахани и заговорщики в Царицыне были, несомненно, связаны друг с другом. И тех и других постигла одна и та же судьба.

О ликвидации заговора Военный совет сообщил в экстренном выпуске газеты «Солдат революции»: «В Царицыне раскрыт крупный заговор белогвардейцев,—говорилось в этом извещении.—Видные участники заговора арестованы и расстреляны. У заговорщиков найдено 9 милл. рублей. Заговор в корне пресечен мерами советской власти.

Берегитесь, предатели!

Беспощадная расправа ожидает всех и каждого, кто посягнет на советскую рабоче-крестьянскую власть»[1].

Так был ликвидирован контрреволюционный заговор в условиях, когда враг был в 10—15 километрах от города. В Царицыне в это время никакой вооруженной силы, за исключением небольшого отряда ЧК и караульной команды при комендатуре, не было—все находились на фронте. На это и рассчитывал враг, готовя мятеж. Но все расчеты врага были биты. Благодаря исключительной прозорливости товарища Сталина фронт не только не дрогнул, а наоборот, раскрытие заговора и его ликвидация еще более подняли боеспособность бойцов, их уверенность в неизбежной победе.

---

[1] «Солдат революции», экстренный выпуск № 10 от 21 августа 1918 г.

СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК. №10.

В Царицыне раскрыт крупный заговор белогвардейцев. Видные участники заговора арестованы и расстреляны. У заговорщиков найдено 9 миллионов рублей. Заговор в корне пресечен мерами советской власти.

Берегитесь предатели!

Беспощадная расправа ожидает всех и каждого, кто посягнет на советскую рабоче-крестьянскую власть.

БЮЛЛЕТЕНЬ ВОЕННОГО СОВЕТА.

I. ЦАРИЦЫНСКИЙ ФРОНТ: Центральный и южный участки—без перемен.

Северный участок: 20 августа к вечеру наши части продвинулись к северу, утвердив за собою Рынок, взяв с бою хутор Орловку и господствующие высоты за рекой Мечеткой.

Г. ЦАРИЦЫН: Организация рабочих полков идет успешно, особенно в союзе „Грузолес".

II. ЮЖНЫЙ ФРОНТ: Сегодня утром наступление противника на ст. Жутово. Атаки отбиваются нашими частями при участии броневых поездов.

III. После подавления белогвардейского восстания в Астрахани укрепляется Советская власть.

IV. Царицынской чрезвычайной комиссией по борьбе с контр-революцией был раскрыт крупный заговор против Советской власти.

В заговоре принимали участие в качестве руководителей [illegible] и др. У заговорщиков обнаружен целый штаб [illegible] был план захвата Советских [illegible] складов вооружения, приготовлена была [illegible] для участников заговора и уже [illegible] прокламация о свержении власти большевиков. Само восстание назначено было на время смены караула в 2 часа ночи с 17-го на 18-е августа. Главные заговорщики [illegible]. [illegible] с деньгами суммой до 9-ти миллионов. [illegible] заговор [illegible] ликвидирован.

Военный Совет.

Экстренный выпуск газеты «Солдат революции» от 21 августа 1918 г.

На следующий день после раскрытия заговора, 18 августа Военный совет издал приказ, устанавливающий линию закрепления «во что бы то ни стало»,—предел, дальше которого нельзя было отступать ни на один шаг.

«Военный совет приказал: для более планомерного руководства боевыми операциями царицынский фронт разделить на три боевых участка.

1) Северный участок от станции Гумрак на восток и северо-восток до Волги—правое крыло.

2) Западный участок от станции Гумрак на юг и юго-запад до станции Воропоново—центр.

3) Юго-западный участок от станции Воропоново на юг и на юго-восток до станции Сарепта—левое крыло...

Члены Военного совета *Сталин, Ворошилов*»[1].

После издания приказа от 18 августа противник ни разу не смог перешагнуть за эту установленную линию красных войск, железным кольцом охватывающую Царицын и обоими своими концами упирающуюся в Волгу (Гумрак—Воропоново—Сарепта). Удержание этой линии решало не только успех оборонительной операции, но и явилось основой для дальнейшего наступления. Именно на этой линии с 15 по 20 августа шли кровопролитные бои.

В эти дни партийная организация города мобилизовала все свои силы. В осажденном городе, где ни на минуту не смолкает гул орудий, открывается общегородская конференция районных организаций партии. 19 августа на заседании конференции члены военной комиссии городского комитета партии сообщают о мероприятиях, предпринятых для обучения коммунистов военному делу, о количестве коммунистов, находящихся на фронте и несущих караульную службу на важнейших постах в городе. Еще 9 августа было опубликовано воззвание Царицынского комитета коммунистической партии об обязательном обучении всех без исключения членов партии военному делу. Такое же решение принимает и царицынский комсомол. Подавляющее большинство членов партии и комсомольцев находилось на фронте, сражаясь с красновцами. Об этом рассказывали на конференции представители районных организаций. «Все они ярко нарисовали, с какой силой и быстротой нарастают у сознательных рабочих масс революционный дух и твердое стремление стоять вместе с нашими доблестными армиями на своих местах до конца, как бы трудно это ни было»[2].

Красноармейцы самоотверженно выполняли приказ от 18 августа. Потери красных частей были очень велики. Но еще значительнее были потери красновских банд. Красноармей-

---

[1] ЦАКА, д. 5—136, л. 63.

[2] «Борьба», Царицын, № 190 от 22 августа 1918 г.

ские части, следуя примеру своих командиров, которые всегда были впереди, сражались с исключительным героизмом.

Огромную роль в эти дни сыграли бронепоезда под командованием Алябьева. Двигаясь по 40-километровой зоне вокруг Царицына (Гумрак—Воропоново—Сарепта), они всегда и всюду наносили сокрушительный удар противнику, спасали положение на самых решающих участках боя. Алябьев, замечательный командир (погиб на фронте в 1919 г.), всегда показывал пример личной храбрости и самоотверженности.

Не меньшую роль, чем бронепоезда, сыграла и артиллерия под командованием Кулика. Метко била она врага, несмотря на то, что снарядов было очень мало.

Особенно отличилась в этих августовских боях под Царицыном Коммунистическая дивизия, состоявшая из донецких шахтеров и металлистов. Когда на каком-либо участке положение становилось угрожающим, туда для укрепления перебрасывались части Коммунистической дивизии. Так, в дни первого окружения, когда на северном участке группа войск под командованием Колпакова была сбита с позиций и отступила до Гумрака, т. Ворошилов отдал распоряжение перебросить на северный участок несколько частей Коммунистической дивизии. Под Гумрак были брошены лучшие полки—Луганский и Сиверский с двумя батареями; они зашли в тыл противника, и положение было спасено.

До отправки этих полков на Гумрацкий участок они выдержали ожесточенный бой с противником. 23 августа в 12 часов дня части Коммунистической дивизии перешли в наступление. Войска сначала продвигались тихо и неуверенно, но пример командиров воодушевил бойцов. Противник открыл по наступающим цепям убийственный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь. Красные части, несмотря на этот убийственный огонь, бросились в штыки. Но неудачное наступление бригады Колпакова помогло противнику перейти в контратаку.

«Противник бросился в штыки, но был отбит с большими для него потерями. Во время боя противник потерял много убитых и раненых—от 600 до 700. Наши потери очень значительны, не менее 400 человек, большая часть легко раненых, убитых человек 20 или 30. Трофеи незначительны,—взято 5 пулеметов и 200 штук винтовок... Противник защищается отчаянно и превосходит нас силами, кроме того, из слов пленных у них было два митинга, на которых решили ни шагу не отступать, хотя бы пришлось всем лечь. Но под ударом наших героев они слова своего не сдержали»[1],—так сообщал командир Коммунистической дивизии о результатах боя 23 августа.

Ни ожесточенное сопротивление противника, ни огромные потери, ни убийственный артиллерийский, пулеметный и ру-

---

[1] ЦАКА, д. 207—407, ч. 2, л. 78.

жейный огонь не могли остановить красных бойцов. Раненые отправлялись в Царицын, немного подлечивались и сразу же отправлялись обратно в бой. Линия Гумрак—Воропоново—Сарепта, как и требовал Военный совет, стала пределом, дальше которого белоказаки после 18 августа уже не смогли перешагнуть, несмотря ни на какие усилия.

Личный пример товарищей Сталина и Ворошилова, которые почти все время в эти решающие дни находились на линии огня, в цепи, в окопах, на самых боевых участках фронта, воодушевлял все части—и пехоту, и кавалерию, и бронепоезда, и артиллерию.

«Нужно было видеть товарища Сталина в это время,—писал т. Ворошилов.—Как всегда, спокойный, углубленный в свои мысли, он буквально целыми сутками не спал, распределяя свою интенсивнейшую работу между боевыми позициями и штабом армии... У нас не было путей отхода. Но Сталин о них и не заботился. Он был проникнут одним сознанием, одной единственной мыслью—победить, разбить врага во что бы то ни стало. И эта несокрушимая воля Сталина передавалась всем его ближайшим соратникам, и, не взирая на почти безвыходное положение, никто не сомневался в победе.

И мы победили. Разгромленный враг был отброшен далеко к Дону»[1].

4. Ликвидация первого окружения

20 августа Красная Армия под Царицыном от героической обороны перешла в решительное наступление. На северном участке в этот день были заняты Орловка—Мечетка—Рынок. Но противник в свою очередь не прекращает контратак. Красновцев не покидает еще надежда, что желаемая и такая неприступная цель—Царицын будет взят. Они сосредоточивают последние усилия и 21 августа обстреливают артиллерийским огнем станцию Гумрак. Одновременно они усиливают натиск в районе Жутово. Неприятельская артиллерия обстреляла вокзал и железнодорожный мост. Бой под Жутово длился 16 часов, и в результате Жутово было захвачено белыми. Красные части отступили к Гнилоаксайской. Но временный успех белых на южном направлении уже решающего значения не имел, так как на северном и западном участках—под Гумраком и Воропоново успешное наступление красных частей продолжалось. 22 августа были заняты Пичуга и Ерзовка на Волге. Это был несомненно первый крупный успех в наступательной операции красных частей. 23 августа перешли в наступление части центрального участка (Коммунистическая и Морозовско-Донецкая дивизии). 24 августа они продвинулись к Басаргину, а 25 августа заняли Карповку (в 36 километрах от Царицына). Насту-

---

[1] *К. Е. Ворошилов,* Сталин и Красная армия, Воениздат, М. 1937 г., стр. 12, 13.

пление это было настолько успешно, что, опасаясь, как бы Коммунистическая дивизия не выдвинулась слишком далеко вперед, в то время как фланги ее (особенно справа) не были достаточно обеспечены, Военный совет 24 августа приказал временно приостановить наступление на западе и помочь частям северного участка в боях, которые шли около Гумрака. Этот приказ был полностью выполнен.

Поддержанные лучшими полками Коммунистической дивизии, части северного участка 26 августа в 9 часов вечера перешли в решительное наступление, отбросили противника на 18 верст от Гумрака и в ту же ночь заняли станцию Котлубань. Отступление белоказаков превратилось в паническое бегство по всему северному участку. Под Котлубанью был отбит у красновцев большой обоз, 2 орудия, 5 пулеметов, пятьдесят винтовок, большое количество патронов. В Котлубани находился штаб Мамонтова, который вынужден был спешно бежать, оставив вооружение и снаряжение. Канцелярия штаба Мамонтова была захвачена. Одновременно с захватом Котлубани очищается полностью путь по Волге вплоть до Дубовки. Противник откатывается почти на 30—40 километров от Царицына.

«Дружными усилиями советских войск 23—26 августа противник отброшен от города,—телеграфировал Военный совет 27 августа Ленину в Москву.—На южном участке на 50 версте нами занята Бузиновка, на центральном участке на 20 версте—станция Карповка, на Северном участке—на 20 версте—нами занята ст. Котлубань» [1].

26 августа товарищ Сталин телеграфировал в Москву Пархоменко: «Положение на фронте улучшилось. Везите немедля все, что получили. *Сталин*» [2].

После первых успехов 23—26 августа наступление на всех участках продолжается еще более решительно. Надо было прежде всего подтянуть фронт с юга—со стороны Жутово. Отрезанные от Царицына с середины августа части Сальской группы, Котельниковские части, ободренные и воодушевленные дошедшими до них сведениями об успешном разгроме красновцев под Царицыном, 22 августа перешли в наступление со стороны Котельниково, разбили противника, отбросив его за Дон, и заняли станицы Нагавскую и Верхне-Курмоярскую. Утром 30 августа особая колонна войск той же группы заняла с боем станцию Жутово. Железнодорожный путь Жутово—Гнилоаксайское был очищен от неприятеля. Принимались срочные меры к восстановлению взорванного под Жутово железнодорожного моста. Одновременно продолжалось наступление на северном и центральном участках. Правый фланг продвигался от Котлубани к Качалинской (станция Качалино и станица Качалинская были освобождены красными частями 1 сен-

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 13, д. 26, л. 118.
[2] ЦАКА, д. 236—831, л. 123.

тября), части центрального участка заняли 2 сентября Кривомузгинскую. В этот же день на Волге была освобождена от белых Песковатка. Противник у станицы Голубинской вынужден был переправиться на правый берег Дона.

Так за 10 дней, с 20 августа по 1 сентября, от красновских банд был совершенно очищен левый берег Дона, и линия фронта имела уже радиус в 60—70 и больше километров от Царицына (Песковатка—Качалино—Кривомузгинская—Жутово).

После освобождения Жутово от белоказаков произошло соединение с Сальской группой, и линия Царицын—Куберле была полностью восстановлена.

Если красновские банды, окружая Царицын, с огромными усилиями и потерями продвигались примерно не больше чем на 5 километров в сутки, каждый свой шаг завоевывая с бою, то откатывались они от Царицына значительно быстрее, делая по 15, а то и по 20 километров ежедневно.

К началу сентября стало ясно, что первое окружение отбито. Краснову надо было придумывать новый план и назначать новые сроки похода на Царицын.

«Если недавно мы были принуждены держаться оборонительной тактики по отношению к противнику,—писала газета «Солдат революции» в своей передовой от 1 сентября,—то в настоящий момент предпринятое нами удачное продвижение по всему фронту вполне ясно определило исход наших боевых операций на всех направлениях... Стремительность нашего наступления и паническое отступление кадетских банд к Дону указывают на прочное положение советского Царицына. Проникнутая всецело сознанием важности удержания для Советской России Царицына, Красная армия оказалась на высоте своего положения, лихо отбив атаки неприятеля и перейдя в наступление.

Нажим советских войск с Кавказа, разложение в рядах красновцев, растущее движение большевизма—все это признаки того, что близок тот час, когда генерал Краснов, роясь усердно в календаре для назначения... захвата Царицына, найдет и тот день, когда наши красноармейцы подойдут к его Ростову и Новочеркасску. Что близок этот час—в этом никто не сомневается» [1].

Этот призыв—не останавливаться на достигнутых победах, а продолжать дальнейшее наступление до полного разгрома врага являлся основным лозунгом Военного совета сразу же после ликвидации первого окружения.

31 августа утром, когда успехи наступления красных частей определились с полной ясностью, товарищ Сталин написал письмо Ленину, извещая его о первых победах.

«Наши дела на фронте идут хорошо,—писал товарищ Сталин.— Не сомневаюсь, что пойдут еще лучше (казачество разлагается

[1] «Солдат революции» № 21 от 1 сентября 1918 г.

окончательно)»[1]. В этом же письме товарищ Сталин четко и ясно определяет задачи дальнейшего наступления. В центре его внимания опять борьба за весь юг и Каспий. Для этого он просит прислать в Царицын несколько миноносцев легкого типа и две подводные лодки. «Баку, Туркестан, Северный Кавказ будут (безусловно!) нашими, если немедля будут удовлетворены требования»,—со всей решительностью ставит вопрос товарищ Сталин. «Жму руку моему дорогому, горячо любимому Ильичу»,—огромной теплотой звучат последние слова этого письма.

Письмо еще не было отправлено, когда 31 августа телеграф принес в Царицын тяжелое известие—вечером 30 августа после выступления на заводе б. Михельсона Владимир Ильич Ленин был ранен двумя выстрелами из револьвера эсеркой Каплан. Известие было неожиданным и ошеломляющим. Жизнь Ленина в опасности!—в мгновение пронеслась печальная весть по всему городу. Бойцы, сражавшиеся на фронте, узнали о гнуснейшем покушении.

Огромная тревога за жизнь величайшего вождя революции, огромная ненависть к врагам, поднявшим руку на Ленина, наполнили сердца рабочих Царицына, бойцов на фронте, всех, кому дорого было дело пролетарской революции, дело социализма.

«Военный совет Северокавказского военного округа,—телеграфировали тотчас же товарищи Сталин и Ворошилов в Москву,—узнал о злодейском покушении наймитов буржуазии на жизнь величайшего революционера в мире, испытанного вождя и учителя пролетариата—товарища Ленина. Военный совет отвечает на это низкое покушение из-за угла организацией открытого массового систематического террора на буржуазию и ее агентов»[2].

Непримиримая и ожесточенная борьба с врагами народа, красный террор против буржуазии и ее агентов, борьба до конца за победу дела социализма—вот задача, которая в эти дни объединяла всех. Сурово и просто об этом было сказано в телеграмме Военного совета.

Каждая деталь состояния здоровья Ленина волновала всех. По поручению товарища Сталина в 3 часа дня 1 сентября Царицын вызвал по прямому проводу Москву. Когда Бонч-Бруевич сообщил, что состояние здоровья Ленина вполне удовлетворительно, что непосредственная опасность для жизни миновала, хотя есть еще опасность осложнения,—огромное облегчение и радость испытывали все.

«Сегодня будут делать снимки рентгеновскими лучами,—сообщал дальше Бонч-Бруевич,—пули находятся совершенно под кожей, так что их вынуть очень легко, но пока их не трогают,

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 34, л. 72.
[2] «Солдат революции» № 21 от 1 сентября 1918 г.

чтобы дать немного окрепнуть Владимиру Ильичу. Боли уменьшились. Кровоизлияния совершенно нет. Левое легкое начинает дышать. Процесс рассасывания крови, как говорят врачи, идет вполне благополучно»[1].

«Ильичу впервые после ранения дали выпить молока... он спит спокойно... Шутит... Хочет разговаривать, но ему это категорически запрещено врачами. Просит книг и газет... Спрашивает о положении на фронте...» С огромным волнением и тревогой выслушивались и читались все эти сведения о здоровье Ленина.

Больной, тяжело раненный злодейской, вражеской рукой, Ленин спрашивал о положении на фронте. И недаром как бы в ответ на это гнусное покушение начало сентября 1918 г. было временем серьезнейших успехов как на южном, так и на восточном фронтах. В эти дни Ленин получил известие об освобождении Казани, о взятии советскими войсками Уральска, Вольска и своего родного Симбирска. Именно в эти дни телеграф ежедневно приносил сведения о крупнейших победах на Царицынском фронте. Наступательный порыв войск Царицынского фронта еще более вырос. К 5 сентября все пространство от Волги до Иловли было очищено от неприятеля. 6 сентября красные части взяли Калач, Иловлю, Ляпичево. Противник был отброшен на те позиции, которые он занимал в июле, до начала наступления.

Ленин получил 6 сентября письмо товарища Сталина от 31 августа. Писать в эти дни Ленин еще не мог. Он только начал поправляться. Поэтому, опустив обращение и подпись, относящиеся к нему лично, Ленин немедленно отправил письмо товарища Сталина в Петроград как свою директиву, за своей подписью.

7 сентября товарищ Сталин спешит порадовать Ленина хорошей вестью.

«Наступление советских войск Царицынского района увенчалось успехом,—телеграфирует он в 2 часа 7 сентября.—На севере взята станция Иловля, на западе—Калач, Ляпичево, мост на Дону. На юге—Лашки, Немковский, Демкин. Противник разбит на голову и отброшен за Дон. Положение Царицына прочное. Наступление продолжается.

Нарком *Сталин*»[2].

Но в эти дни успешного наступления враг сделал последнюю попытку сорвать успех советских войск. Опять, как и в середине августа, враг стремился нанести удар изнутри. В ночь с 7 на 8 сентября в городе вспыхнуло контрреволюционное восстание запасного полка «Грузолеса». Союз «Грузолес» был создан весной 1918 г. и объединял лесопильных и береговых

---

[1] «Солдат революции» № 22 от 3 сентября 1918 г.

[2] ЦАКА, д. 3—918, л. 120.

Письмо И. В. Сталина В. И. Ленину от 31 августа 1918 г.

рабочих. Количественно это был самый большой в Царицыне союз. Число его членов достигало 20 тысяч. Благодаря сезонности работы состав союза часто менялся, в союз проникало много случайных людей—уклонявшиеся от мобилизации, кулаки из соседних деревень, спекулянты, мешочники и т. д. Основное же ядро союза—береговые рабочие-грузчики и рабочие лесопильных заводов сыграли огромную роль в защите Царицына от красновских банд, самоотверженно сражаясь на фронте. Немало «грузолесовцев» погибло в боях под Ворошиловом, Карповкой, Кривомузгинской.

Весной 1918 г. на работу в союз пробрался правый эсер Молдавский, сыгравший там подлую роль провокатора. Молдавский, дворянин по происхождению, юрист по образованию, офицер царской армии, местный царицынский уроженец, сначала работал в союзе «Грузолес» в скромной роли не то письмоводителя, не то юрисконсульта. Вскоре он добился, чтобы ему поручили формирование полков «Грузолеса». Молдавский знал, что, пока лучшая, наиболее революционная часть союза была в городе, все его провокационные попытки встретят жесточайшее сопротивление и он будет немедленно разоблачен. Поэтому, пока формировался и готовился к отправке 1-й полк «Грузолеса» в количестве более 1 500 штыков, Молдавский выжидал. Когда же в середине августа 1-й полк «Грузолеса» ушел сражаться с красновцами, Молдавский начал собирать вокруг себя все враждебные советской власти и случайные элементы союза, вел среди них контрреволюционную агитацию, вооружал их, скрывая подготовку к мятежу под флагом формирования второго запасного полка «Грузолеса». В этом полку было много агентов самого Молдавского, много кулачья, дезертиров и спекулянтов, сознательно идущих за своим вожаком, но были и обманутые рабочие, не знавшие истинных целей Молдавского и подпавшие под влияние его контрреволюционной агитации. Заговор Молдавского был, несомненно, охвостьем «Алексеевского заговора». Правый эсер Молдавский был связан с лидером местных эсеров Котовым, который был в августе расстрелян, как член «штаба» Носовича—Алексеева. Но, очевидно, в августе Молдавский еще не успел подготовить все для участия в мятеже. К тому же заговорщики были разоблачены раньше, чем они успели выступить. Молдавскому удалось остаться в стороне и продолжать свою контрреволюционную работу.

Когда 2-й запасный полк «Грузолеса» был сформирован, Молдавский стал всячески саботировать отправку его на фронт. Он бесконечно требовал дополнительного вооружения, все время ведя контрреволюционную агитацию. Когда красновцы стали в начале сентября стремительно откатываться от Царицына, Молдавский поспешил помочь им с тыла.

7 сентября днем Молдавский организовал митинг, где открыто призывал к выступлению против советской власти. В 12 часов

ночи с 7 на 8 сентября мятежники открыли орудийный огонь по городу. Но и эта последняя вспышка контрреволюции была ликвидирована в ту же ночь.

В Царицыне в это время, как и во время «Алексеевского заговора», почти никакой вооруженной силы не было. Все части были на фронте. Остался единственный выход—вызвать несколько полков с фронта. Два лучших полка Коммунистической дивизии—Сиверский и Луганский, которые еще днем 7 сентября были в бою, преследуя противника за Кривую Музгу, при первом известии о начале мятежа были немедленно отправлены в Царицын. Но прибыли они тогда, когда контрреволюционное выступление уже было ликвидировано. Главари шайки бежали, а остальные сдались почти без боя.

Утром 8 сентября был опубликован приказ Военного совета о подавлении контрреволюционного мятежа. «Ночью с 7 на 8 сентября,—говорилось в приказе,—группа предателей русского народа во главе с подкупленным Молдавским обманным путем вывела на улицу часть грузолесовцев против Военного совета.

Группа эта, именующая себя штабом «Грузолеса», хотела свергнуть советскую власть в Царицыне и, напав на истекающий кровью фронт с тыла, помочь врагу русского народа Краснову привести в порядок свои расстроенные полки.

В 12 часов ночи открылось восстание выстрелами из орудий грузолесовцев по городу.

Военный совет, ограждая фронт и охраняя власть народа в Царицыне, принял срочные меры, мобилизовал революционные силы и к утру ликвидировал контрреволюционное выступление.

Повстанцы уже разоружены.

Наиболее деятельные члены штаба «Грузолес», как оказалось, позорно бежали, покинув обманутых ими грузолесовцев еще ночью.

Военным советом приняты меры к их немедленному аресту.

Военный совет решил, что изменники и предатели должны быть наказаны по всей строгости революционного закона.

Члены Военного совета *Сталин, Ворошилов*»[1].

В тот же день, 8 сентября Военный совет телеграфировал Ленину о подавлении мятежа, сообщая, что полк разоружен, а зачинщики арестованы. «В городе порядок. Есть убитые и раненые. Наше наступление на фронте успешно продолжается»,—заканчивал Военный совет свою телеграмму Ленину.

Огромное возмущение и негодование вызвал мятеж Молдавского среди рабочих города, особенно среди всех членов союза «Грузолес».

На собрании союза «Грузолес» рабочие требовали от Военного совета самой решительной расправы с предателями. В ре-

---

[1] «Солдат революции» № 28 от 10 сентября 1918 г.

золюции, принятой на собрании, они просили «немедленно проверить именные списки в штабе рабочей армии союза «Грузолес»... и тогда будет видно, что большинство членов союза «Грузолес» на фронте, начиная с первого района Балканского и кончая районом Сарептским, уже давным-давно принимает самое горячее участие в боях против всех нападающих банд на советскую власть и не на одном фронте, а на многих.

А поэтому просим наш красный город Царицын в лице советской власти после пересмотра именных списков напечатать в газетах всех виновников этой авантюры и снять это позорное пятно с нас, честных тружеников союза «Грузолес», падающее на нас через какого-то авантюриста Молдавского с его компанией.

И тогда рабочие организации красного города Царицына увидят цель этого мерзавца с его подобранной шайкой из разных организаций и из сел кулаков, а также, вероятно, немало найдется спекулянтов, мешочников, прятавшихся от мобилизации, и дезертиров, через которых наш союз невинно опозорен. Это разбойничья авантюра, скрывавшаяся под честным именем трудящихся... Товарищи, не давайте никакой пощады всем, кто явится к вам из этих негодяев—предателей. Мы со своей стороны заявляем, если какой из них явится к нам с просьбой о его защите и как бы ни изливался перед нами, не можем отнестись к нему как к товарищу, а отнесемся как к изменнику, предателю и его кровью смоем с себя тот позор, который он возложил на нас. Ведь они кругом запятнали нас, честных рабочих союза «Грузолес».

Мы снимем с себя пятно позора в расправе над ними и покажем себя на деле против всех наступающих на советскую власть...»[1]

Так называемое восстание «Грузолеса» было организовано кулацко-эсеровской бандой, охвостьем заговора Алексеева—Носовича. К восстанию примкнули только отбросы союза, обманутая кучка наиболее отсталых рабочих. Союз же «Грузолес» как был, так и остался опорой советской власти, и рабочие полки этого союза, в которых находились все лучшие рабочие, продолжали героически сражаться на фронте.

Никакой помощи Краснову этот мятеж кучки кулаков и эсеров уже оказать не мог. Наступление Красной Армии продолжалось с неослабевающим успехом. Военный совет решил отметить и наградить наиболее отличившиеся в боях под Царицыном полки. В городе в это время находились лучшие полки Коммунистической дивизии—1-й Коммунистический луганский полк и 4-й революционный Сиверский украинский полк. Впервые после многих месяцев непрерывных боев оба полка получили два дня отдыха.

---

[1] «Солдат революции» № 30 от 12 сентября 1918 г.

10 сентября в Царицыне был устроен праздник революционных полков и бойцам вручены боевые награды.

В 7 часов вечера к зданию Военного совета подошел стройными рядами 1-й Коммунистический луганский полк. Открылся митинг. С балкона выступил товарищ Сталин, тепло приветствуя полк от имени Совета народных комиссаров и Военного совета. Товарищ Сталин передал командиру полка красное знамя с надписью от Военного совета Северокавказского военного округа: «За доблесть в боях». Командир полка в своей ответной речи, подняв высоко знамя, поклялся вместе с товарищами красноармейцами бесстрашно нести его вперед, защищая дело революции.

Затем подошел 4-й революционный Сиверский украинский полк. Этот полк также был встречен приветствием товарища Сталина, который вручил командиру полка красное боевое знамя. Под гром аплодисментов обязались бойцы по призыву своего командира никогда не склонять знамени перед врагами революции. Революционным полкам были вручены знамена также и от Царицынского комитета коммунистической партии. С приветствиями выступали командир Коммунистической дивизии и председатель Царицынского комитета большевистской партии т. Магидов.

По окончании митинга красноармейцы направились к зданию Царицынского совета, где для них был устроен большой концерт. В перерыве с речью выступил любимый руководитель украинских бойцов т. Ворошилов, с которым они проделали весь путь от Донбасса до Царицына.

Тов. Ворошилов напомнил о том, какую жестокую борьбу пришлось выдержать украинским полкам, когда они пробивались к Царицыну, как враги революции всячески пытались сорвать этот героический поход. Враги знали, говорил т. Ворошилов, что «если мы соединимся с нашими братьями, живущими на Дону и на Волге, то революция будет непобедима. Но мы, устлав трупами пространство [от] Донского моста до Воропонова, не дрогнули, не пали духом, а с полным сознанием своей великой задачи продолжали свой путь, многократно бросаясь в жестокий кровопролитный бой с врагом и штыком пробивая себе дорогу»[1].

Тов. Ворошилов призывал к борьбе с врагами народа, к дальнейшим решающим боям за полную победу социализма.

«Настанет время,—говорил он,—когда мы сумеем устраивать праздники в мирных свободных условиях. Теперь же у нас торчат штыки, и это наша гордость, ибо мы исполняем свой социалистический долг.

Искренно, от всей души поздравляю вас, дорогие товарищи, с получением красного знамени!

Я горжусь, что состою в рядах столь доблестных, героических революционных войск.

---

[1] «Солдат революции» № 30 от 12 сентября 1918 г.

От Конотопа я шел вместе с вами *(гром аплодисментов)* и вместе с вами буду продолжать борьбу до конца». *(Продолжительные, восторженные аплодисменты.)*[1]

В заключение т. Ворошилов рассказал о гнуснейшем и предательском покушении на жизнь Ленина, о том, что Ленин поправляется, что «он оказался не только титаном мысли, но и физически титаном—организм выдержал—к ужасу капиталистов и их прихвостней и на радость нам, трудящимся».

Горячо встретили красноармейцы предложение т. Ворошилова послать Владимиру Ильичу приветствие от имени Военного совета и бойцов, получивших боевые награды.

К концу заседания было получено и другое радостное известие—о взятии советскими войсками Казани. Послав свое приветствие славным освободителям Казани, бойцы поздно ночью покинули здание совета, чтобы вновь на следующий же день отправиться на фронт и с еще большей силой и воодушевлением бить врага.

Через несколько дней, 15 сентября Военный совет опять вручал боевые красные знамена еще трем отличившимся полкам—2-му Коммунистическому, 3-му Революционному украинскому и 1-му Сводному коммунистическому кавалерийскому. Горячо приветствовал бойцов т. Ворошилов, обращаясь к ним на украинском языке и передавая им боевую награду. Товарища Сталина в этот день в Царицыне не было. 12 сентября товарищ Сталин выехал на несколько дней в Москву, чтобы лично договориться с Лениным по ряду важнейших вопросов, связанных с борьбой на Южном фронте, снабжением царицынских армий оружием и т. д.

Поэтому митинг решил послать в Москву два приветствия любимым вождям революции—Ленину и Сталину.

«*Москва. Кремль. Предсовнаркома т. Ленину,*—гласило первое приветствие.—Мы, солдаты революции, в день получения боевых наград от Военного совета Северокавказского военного округа и Царицынского комитета коммунистов горячо приветствуем вас, вождя мирового пролетариата, и клянемся с красными знаменами в руках победить хищников мирового капитала и довести до конца начатую борьбу за освобождение рабочего класса.

2-й Коммунистический, 3-й Революционный Украинский и 1-й Сводный коммунистический кавалерийский полки»[2].

«*Москва, Кремль. Наркому, председателю Военсовета Севкавокра т. Сталину,*—гласило второе приветствие.—Мы, революционные полки вверенного вам округа, счастливы, что во главе нас стоит истинный представитель и вождь рабочего класса. Шлем горячий привет вам, дорогой товарищ, и, получив

---

[1] «Солдат революции» № 30 от 12 сентября 1918 г.

[2] «Солдат революции» № 35 от 17 сентября 1918 г.

красные знамена, клянемся победить или славно умереть за рабочее дело.

2-й Коммунистический, 3-й Революционный Украинский и 1-й Сводный коммунистический кавалерийский полки»[1].

Через несколько дней после отправки этих приветствий, уже находясь на фронте, на линии огня, красноармейцы получили ответ Ленина и Сталина, посланный 19 сентября 1918 года:

«Передайте наш братский привет,—говорилось в телеграмме, адресованной Военному совету и начальникам боевых участков,—героической команде и всем революционным войскам Царицынского фронта, самоотверженно борющимся за утверждение власти рабочих и крестьян. Передайте им, что Советская Россия с восхищением отмечает геройские подвиги коммунистических и революционных полков Харченко, Колпакова, кавалерии Булаткина, броневых поездов Алябьева, военно-волжской флотилии... Держите красные знамена высоко, несите их вперед бесстрашно, искореняйте помещичье-генеральскую контрреволюцию беспощадно и покажите всему миру, что социалистическая Россия непобедима.

Председатель Совета народных комиссаров

В. Ульянов (Ленин).

Народный комиссар и председатель
Военно-революционного совета Южного фронта

И. Сталин»[2].

5. Условия разгрома первого окружения

Условия, обеспечившие разгром первого окружения, очевидны: это—большевистское руководство товарища Сталина и помощь его лучшего соратника т. Ворошилова. Все рычаги, все приводные ремни, все возможности были использованы для организации обороны города, для разгрома красновцев. Несмотря на яростные атаки врага, город продолжал стоять неприступной крепостью на юго-востоке России, не давая объединиться силам контрреволюции. Донская белая армия Краснова была лучше вооружена, лучше оснащена всеми военными средствами, количественно значительно была больше. Красновцы со всем ожесточением и настойчивостью боролись за овладение Царицыном.

«Несмотря на тяжелое положение страны и молодость Красной Армии, не успевшей еще окрепнуть в результате принятых мер обороны, первые успехи были уже налицо. Генерал Краснов

---

[1] «Солдат революции» № 35 от 17 сентября 1918 г.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 41, л. 7.

был оттеснен от Царицына, захват которого он считал обеспеченным, и отброшен за Дон»[1].

В чем же была сила и преимущество Красной Армии, которая разбивала все нападения врагов? Уже позже, в конце октября, выступая на заседании Московского совета, товарищ Сталин, обобщая царицынский опыт, исчерпывающе ответил на этот вопрос.

«В чем же состоит сила нашей армии?—говорил товарищ Сталин.—Почему же так метко бьет она врагов?» Сила нашей армии в ее сознательности и дисциплине, таково первое условие боеспособности армии. Наши красноармейцы, указывал далее товарищ Сталин, «гордо называют себя солдатами революции. Они знают цели войны за освобождение России. Они открыто идут к своей цели. Жажда дисциплины в наших войсках доходит до того, что сами красноармейцы ловят своих провинившихся товарищей и часто жестоко наказывают и расстреливают. Это первое, чем объясняется успех на Южном фронте—сознательность и пролетарская дисциплина»[2].

Второе условие силы и боеспособности Красной Армии—это, как указывал товарищ Сталин, появление нового кадра красных командиров, главным образом из бывших солдат, из рядовых красноармейцев, получивших боевое крещение в ряде сражений. Этот растущий пролетарский командный состав ведет к победе наши войска.

И, наконец, третье условие боеспособности армии—наличие крепкого тыла, без которого не может быть и крепкого фронта.

Все эти три условия были налицо в Царицыне благодаря сталинскому руководству. В огромной степени выросла сознательность и дисциплина, заботливо выращивался и воспитывался кадр красных командиров из рядовых бойцов, тыл беспощадно очищался от врагов и являлся надежной опорой фронта.

Всего этого не было и не могло быть в армии Краснова.

Июль и август были периодом, когда, казалось бы, Донская армия достигала наивысших успехов. Вся Донская область—Ростов, Новочеркасск, Таганрог, Донецкий бассейн были всецело во власти Краснова, армия его вплотную подходила к Царицыну. Окрыленный помощью немцев, имея своей соседкой с запада Украину, где господствовал в это время гетман Скоропадский, «атаман Всевеликого войска Донского» мечтал о дальнейших головокружительных успехах, о походе на Москву и т. д. Сила союзников атамана, немцев, казалась в это время еще незыблемой, а помощь их—неисчерпаемой.

Но даже в эти лучшие для Краснова дни его непрестанно тревожило одно—настроение казачества, отсутствие уверенности в силе и крепости своей армии. Сигналов для этой тревоги у Краснова уже в июле—августе было достаточно. Мобилизуя

[1] «Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 218.

[2] МОАУ, ф. Рогожско-Симоновского райсовета, д. 27, л. 200—203.

насильственно 25 возрастов казаков, Краснов не мог не видеть, с какой «охотой» идут в его армию казаки.

Используя все свое искусство бульварного писателя и краснобая, беспрерывно выступая с льстивыми речами о славном донском казачестве, о «свободном» и «самостийном» Доне, Краснов с каждым днем все более убеждался, как мало действует его «агитация». Классовая борьба в самом казачестве и в армии Краснова не затихала ни на одну минуту.

Выступая 16 августа (ст. ст.) на заседании большого Войскового круга, Краснов приводил многочисленные примеры бегства полков с фронта, невыполнения боевых приказов, попыток отдельных отрядов перебегать к красным частям и т. д.

«13 августа,—рассказывал Краснов,—в полках Трехостровянской, Новогригорьевской и Сиротинской станиц происходили митинги, на которых казаки этих полков собирались послать делегацию к красногвардейцам с целью заявить о бесполезности и нежелательности настоящей войны. Полки эти разбегаются.

В Усть-Медведицком округе отказались исполнить боевой приказ 1-й и 4-й донские полки и полки Усть-Белокалитвенской, Верхне-Кундрюченской и Нижне-Кундрюченской станиц, казаки этих станиц стреляли по своим братьям, исполнявшим приказ начальника»[1].

Так, уже в августе вынужден был «атаман» собственноручно расписаться в своем бессилии, признаться, что с боеспособностью белой армии дело обстоит более чем неблагополучно. Нередко казаки посылали парламентеров к красным частям для ведения переговоров о прекращении войны.

В конце июля на Кривомузгинском фронте казаки выслали своих представителей для переговоров со стоящими там частями Коммунистической дивизии. С обеих сторон пришло человек по 17. Казаки пришли вооруженные, красноармейцы намеренно вышли без оружия. Тогда и казаки бросили свое оружие.

«Мирно сели, закурили махорку и заговорили,—рассказывал очевидец этой встречи.

— Бросайте, товарищи, ссору,—говорим,—за что кровь проливаем, неужели вам хочется опять Николая II да разных там Красновых—обманули вас, насильно забрали, да и морочат вам головы.

Тут в разговор вступились офицеры.

— Сдайте,—говорят,—нам оружие и следуйте дальше в Царицын.

— Нет,—говорим,—только через трупы наши пройдете, армия у нас сильная,—расшибем вас в пух и прах.

Пожали друг другу руки и разошлись. На прощанье один казак, уходя, заплакал.

---

[1] ЦАОР, ф. 1258, ВВД, оп. 3, д. 4, л. 9 и 9 об. Речь Краснова на заседании большого Войскового круга 16 августа (ст. ст.) 1918 г.

— Обманули,—говорит,—нас наши предатели.

После мы уже не видели этого полка на позиции, должно быть попал в разряд «неблагонадежных»[1].

Когда началось первое окружение Царицына, казаков пытались воодушевить только одним—им указывали на взятие Царицына, как на конец войны. После взятия Царицына обещали распустить всех мобилизованных по домам. Перед решительным боем спаивали водкой, так что наши оперативные сводки нередко сообщали, что белоказаки, участвующие в сражении, были совершенно пьяны.

Особенно усилилось разложение среди казачества, когда стало ясно, что наступление на Царицын потерпело поражение. 26 августа, когда красными частями на северном участке была взята Котлубань, казаки 4, 6-го и других полков Краснова организовали митинг, на котором выбрали делегатов для переговоров с советскими войсками. Командный состав белых тотчас же прислал карательный отряд для разоружения митингующих полков. Казаки этих полков, как сообщала разведывательная сводка Военного совета от 31 августа, зарывали при отступлении винтовки и патроны, оставляли записки, в которых писали, что воевать с большевиками не хотят и не будут, что при первом же удобном случае, перебив командиров-белопогонников, они перейдут на сторону красных. Занимая окопы, красноармейцы находили записочки, обращенные к ним, много патронов и винтовок.

1 сентября в боях под Качалино на сторону Красной Армии перешла почти вся неприятельская дивизия, оперировавшая на северном участке. Один из полков этой дивизии сдался целиком—с оружием и пулеметами. Из четырех полков этой дивизии один, совместно с нашими войсками, вступил в бой с карательным неприятельским полком, высланным против восставших казаков. Два кавалерийских неприятельских полка, соединившись с кавалерией красных частей, бросились наперерез убегающей неприятельской кавалерии и разбили противника.

Огромное значение в создании этого перелома в настроении казачества имел сталинский приказ № 39 от 30 августа 1918 г.

В приказе указывалось, что донские генералы принудительно мобилизовали иногородних и трудовых казаков, среди которых имеется больше половины сторонников советской власти. Поэтому трудовое население в войсках противника подымает оружие против своих белопогонных командиров и одиночками, группами и целыми частями переходит на сторону советских войск.

Приказ предписывал всему командному составу и каждому красноармейцу в отдельности продолжать беспощадную войну против контрреволюционных банд и ни в коем случае «не

---

[1] ЦАКА, д. 47—657, л. 16.

расстреливать переходящих на нашу сторону перебежчиков, добровольно складывающих оружие, и не чинить над ними никаких насилий»[1].

Тотчас же после опубликования этого приказа товарищ Сталин дал следующее распоряжение авиации:

«Авиакому. Препровождаем при сем 2000 экземпляров приказа № 39, предлагаем немедленно принять меры к распространению по линии и в тылу противника. Об исполнении донести точно, где и сколько распространено»[2].

Как бы в ответ на этот приказ и на разбрасываемые аэропланом листовки—все больше и больше записочек, писем, приветствий после отступления белых находили красные бойцы в занимаемых ими окопах. Многие из этих писем печатались на страницах газеты «Солдат революции». С исключительной яркостью показывали эти письма, как быстро под влиянием большевистской агитации шло разложение белой армии, каким огромным тайным сочувствием к большевикам горели сердца многих рядовых бойцов белой армии.

«Товарищи большевики! Просим мы вас освободить нас как-нибудь,—говорилось в одном из таких писем, опубликованном в газете «Солдат революции» 5 сентября 1918 г.—Мы все иногородние против кадет, но ничего не можем сделать... Мы не знаем, как перейти к вам, за нами так следят, что к вам перейти невозможно. Товарищи большевики! Мы просим вас убедительно—брать в плен и разбираться с этим делом. Сейчас здесь идет сильный разлад между казаками и кадетами. Товарищи, мы вас просим убедительно принять к себе в армию и просим вас наступать больше ночью, тогда иногородние, т. е. хохлы, будут оставаться у вас, будут отставать от кадетских банд, а то днем невозможно. Ждем, полны надежды, солдаты русской социалистической Красной армии.

Товарищи, печально писать, ибо больно на сердце. Как с нами обращаются и как нас стерегут, вам расскажут жители. Пускайте чаще в ход бронированный автомобиль. Пусть он отрежет хоть одну пехоту, и вы увидите, что со своими же бьетесь—ваши же товарищи.

Крепко жмем ваши братские руки. Солдаты и казаки».

И в другом письме:

«Шлем вам, товарищи, сердечный привет и спасибо вам за вашу храбрость и просим быть еще храбрей. Передайте привет песковатским казакам. Мы—казаки 8-го полка станицы Трехостровянской. Гоните дюжее. Привет из хутора Колягина...»

«Действуйте вперед смелее,—пишет в своем письме один казак,—ибо у нас сейчас очень даже с нетерпением ожидают вас в станицу Иловлинскую. Прошу по поднятии моей записки передайте всем станичникам, что у нас в станице... все ограб-

---

[1] «Солдат революции» № 20 от 31 августа 1918 г.

[2] Материалы секретариата ИГВ. Воспоминания т. Строева, стр. 83.

лено... у всех имения оценены и будут скоро продаваться. Еще я вас прошу, дорогие товарищи, делайте сильнее напор. У нас сейчас мобилизованы до 44 л. и еще 4 года будут мобилизованы».

И тот же призыв в другом письме:

«Идите смелее, ибо мы вас ожидаем и просим итти смелее и передать, чтобы брошюр больше бросали с аэропланов, у нас большое волнение в войсках»[1].

В этих письмах все характерно: и чисто военные советы, и просьба брать в плен, и наступать главным образом ночью, потому что ночью легче перейти на сторону красных. Казаки жалуются красноармейцам на свою тяжелую жизнь и ждут освобождения от красных частей.

«Спасибо вам за вашу храбрость и просим быть еще храбрее», «гоните дюжее», «делайте сильнее напор»—всеми этими призывами полны письма. Но самое замечательное—это просьба «побольше бросать брошюр с аэропланов». Это значит, что большевистская агитация оказывала полностью свое действие, пробуждая сознание обманутых Красновым рядовых бойцов белой армии.

Листовки, воззвания к рядовым казакам армии Краснова распространялись не только на аэропланах. Много героизма проявляли бойцы Красной Армии, чтобы большевистская правда проникла через линию фронта к противнику.

В «Солдате революции» в октябре 1918 г. был опубликован рассказ очевидца о том, как герои-красноармейцы распространяли большевистские газеты и листовки среди белых частей. Шла перестрелка между белоказачьими частями и красными войсками, расположенными на противоположных берегах Дона.

«Через 10 минут стрельба как с нашей стороны, так и со стороны противника замолкла... Наши храбрые орлы в числе 3-х человек, раздевшись донага, вышли на открытый берег с целью плыть к кадетам. Кадеты были удивлены этой храброй игрой со смертью. Храбрые товарищи привязали себе на шею по одной бомбе на всякий случай и, взяв с собой три туго закупоренных бутылки со всякого рода воззваниями и газетами, бросились вплавь через Дон».

Белые, не зная, с какой целью красные бойцы переплывают Дон, с удивлением ожидали их на берегу. Подплыв к берегу, три героя, быстро выскочив из воды, бросили казакам в окопы бутылки с литературой и немедленно вновь оказались в воде. Пока белые пришли в себя от неожиданности всего происшедшего, красные бойцы успели отплыть на некоторое расстояние.

«Но тут вдруг неприятель открыл по ним сильный ружейный огонь. Пули осыпали товарищей, как град. Наша цепь открыла по врагу ружейный огонь. Огонь наших батарей

---

[1] «Солдат революции» № 24 и 25 от 5 и 6 сентября 1918 г. «Письма друзей с позиций противника».

обратил противника в бегство и дал возможность нашим храбрецам благополучно вернуться»[1].

В сентябре 1918 г. царицынская газета «Борьба» писала о других методах агитации, применяемых красными бойцами.

На ближайших к фронту станциях бойцы на паровозах и вагонах писали свои лозунги и обращения.

На одном паровозе было написано:

«Бедняк! Оставь жену—бери винтовку—на белогвардейца! Только с нею в руках ты добудешь себе и народу права человека; если же придут белогвардейцы, то они отнимут у тебя землю твою, твою свободу, а твою жену на глазах твоих будут мучить и насиловать.

Помни мои слова.

Писал тот, у кого на глазах изнасиловали его жену украинские белогвардейцы».

А на другом паровозе были написаны пламенные слова, полные веры в будущее: «А все-таки мы победим».

Одна из основных задач большевистской агитации среди казачества заключалась в том, чтобы разбить искусно и намеренно культивируемую белым командованием вражду между иногородними и трудовым беднейшим казачеством.

Поэтому товарищи Сталин и Ворошилов резко возражали против идеи созыва в 1918 г. «походного круга советского войска донского», исходящей из кругов донского советского правительства.

Правительство Донской советской республики после захвата Ростова белыми эвакуировалось сначала в Царицын, а затем избрало местом своего пребывания ст. Великокняжескую. Но в конце июня, когда Великокняжеская была занята деникинцами и красновцами, донское советское правительство пробилось обратно в Царицын. Оставшиеся члены донского правительства вместо того, чтобы активно включиться в борьбу за очищение Донской области от белых, больше думали о формальных прерогативах власти, хотели издавать свою газету, требовали предоставления им специальной типографии и т. д.

30 июля делегация донского советского правительства имела специальную беседу с товарищем Сталиным.

Товарищ Сталин просто и коротко сформулировал задачи, которые стояли перед донским советским правительством в создавшихся условиях.

«Донского советского правительства в настоящее время нет,— указывал товарищ Сталин,—есть только бывшие члены (не все) правительства, мало популярные (или совсем не популярные) в массах. Донское советское правительство должно быть создано, но оно может быть создано лишь в результате разгрома красновской контрреволюции. Ввиду этого все трудоспособ-

---

[1] «Солдат революции» № 59 от 17 октября 1918 г.

ные элементы бывшего Донского правительства должны отдать себя немедленно и целиком делу вооруженной борьбы с контрреволюцией»[1].

В ответ на требование делегации созвать съезд казачества товарищ Сталин ответил: «Что касается съезда, он пока не нужен, он будет необходим лишь в результате победы Советской власти на Дону»[2].

Но оставшиеся члены донского советского правительства, уехав из Царицына в Балашов и выждав некоторое время, 24 августа сообщили во ВЦИК Свердлову о том, что ими готовится созыв походного круга советского войска донского.

«Решено созвать,—телеграфировали они,—походный Совет донских казачьих полков для руководства всей работой морального завоевания казачества»[3].

Сначала ВЦИК, не будучи информирован о том, что из себя представляли оставшиеся члены донского правительства и каковы их цели, декретом от 3 сентября разрешил созыв походного круга донских советских войск, назначив председателем комиссии по созыву находившегося тогда в Балашове Подвойского.

Когда в Царицыне стало известно о попытке созыва такого круга, товарищи Сталин и Ворошилов 10 сентября телеграфировали Ленину и Свердлову, возражая против созыва круга, указывая, что в создавшихся условиях такой съезд будет не популярен среди советских войск. Самое название «казачий круг» было враждебно красным бойцам, сражавшимся все время именно против войскового правительства Краснова. Созыв такого круга противоречил тогда основным задачам борьбы за завоевание казачества, он мешал начавшемуся объединению трудовых казачьих масс и иногородних.

Поэтому, заканчивая свою телеграмму Ленину и Свердлову, товарищи Сталин и Ворошилов писали:

«Ввиду всего этого Военный совет Севкавокра настаивает на том, чтобы применение декрета 3 сентября отложить до момента окончательного освобождения Дона от контрреволюции»[4].

Выехав 12 сентября в Москву, товарищ Сталин по пути заехал в Балашов к Подвойскому, в беседе с ним сразу же договорился о том, что Подвойский отложит работу комиссии по созыву походного круга донских советских войск. Но вопреки этому решению остальные члены комиссии все же назначили открытие съезда на 20 сентября в г. Воронеже, хотя к этому дню съехалось всего 90 человек. Когда товарищ Сталин приехал в Москву и изложил все свои мотивы Свердлову, президиум ВЦИК сразу же принял следующее решение:

---

[1] ЦАОР, ф. 1940, оп. 1, д. 2, л. 13.
[2] *Там же.*
[3] ЦАОР, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 57.
[4] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. 19, л. 4—5.

«Созыв казачьего круга и деятельность комиссии по созыву круга временно приостановить и сообщить об этом по телеграфу председателю тов. Подвойскому и казачьему комитету... Имущество быв. Донского войскового круга передать Революционному совету Южного фронта. Сообщить товарищу Сталину... и Ворошилову, чтобы они снеслись с Воронежем для использования для агитационных целей всех делегатов, приехавших на съезд казачьего круга»[1].

22 сентября в Воронеж выехал представитель ВЦИК для окончательного урегулирования вопроса, а одному из членов Донского советского правительства т. Свердлов телеграфировал:

«Ввиду новых обстоятельств, временно комиссия приостанавливает свои работы по решению президиума ЦИК. *Поезжайте в свои части, ведите агитацию, сражайтесь всей доблестью за советскую власть.* Привет всем товарищам от ЦИК.

Председатель ЦИК *Свердлов*»[2].

Так была дана установка вести работу и агитацию среди казачества на линии фронта в боях с белогвардейцами, освобождая донские станицы от господства белых генералов, помещиков и капиталистов, объединяя воедино силы трудового казачества, иногородних крестьян и рабочих.

Одной из лучших форм агитации являлись победы, одерживаемые красными частями. Каждая такая победа освобождала донские станицы, устанавливала в них советскую власть, показывала, как неисчерпаемы, как велики силы Красной Армии.

Но именно эта обстановка усиливающегося брожения среди казачества, роста влияния большевистской агитации заставила Краснова, силы которого в сентябре—октябре были далеко еще не исчерпаны, вновь предпринять еще более бешеный, еще более настойчивый натиск на Царицын.

---

[1] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. 46, л. 41.
[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 14, д. № 10, л. 47. Курсив мой.—*Э. Г.*

Глава VI

РАЗГРОМ ВТОРОГО ОКРУЖЕНИЯ ЦАРИЦЫНА

1. Создание Военно-революционного совета Южного фронта

Постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета от 2 сентября 1918 г. Советская республика была объявлена единым военным лагерем. Во главе всех фронтов и всех военных учреждений был поставлен Революционный военный совет Республики.

В связи с этим решением ряд изменений был внесен в руководство отдельными фронтами. 11 сентября 1918 г. приказом Реввоенсовета Республики был образован Южный фронт. На заседании Реввоенсовета 17 сентября 1918 г. в присутствии товарища Сталина, только что прибывшего из Царицына в Москву, был решен вопрос об образовании Военно-революционного совета Южного фронта.

Председателем Военно-революционного совета был утвержден товарищ Сталин, командующим Южным фронтом—генерал Сытин, его помощником—член Военно-революционного совета Южного фронта т. Ворошилов.

«Означенному Реввоенсовету,—говорилось в решении Реввоенсовета Республики,—принадлежит вся полнота военной власти на Южном фронте...» Кроме того, в этом решении специально оговаривалось:

«1) Предоставить Реввоенсовету Южного фронта самому выбрать свое местопребывание... 2) Предоставить Реввоенсовету Южного фронта в недельный срок выставить кандидатуру на пост командующего Южным фронтом на случай, если Сытин окажется не подходящим»[1].

Таким образом, кандидатура Сытина, выдвигавшаяся Троцким, с самого начала была утверждена лишь условно: право окончательного решения предоставлялось Военно-революционному совету Южного фронта и лично товарищу Сталину. Южный фронт был разделен на пять армий: VIII армия—Брянский, Курский и Воронежский участки; IX армия—Поворинское и Балашовское направления; X армия—Камышинское и Царицынское направления; XI армия—западная часть Северного Кавказа; XII армия—восточная часть Северного Кавказа и Астраханская группа.

22 сентября товарищ Сталин возвратился обратно в Царицын, и через несколько дней после его приезда Военревсовет наметил четкий план дальнейшего развертывания боевых операций против Краснова.

Этот план был изложен в письме Военревсовета, посланном в Реввоенсовет Республики 27 сентября 1918 г.

В письме указывалось, что с 20 сентября положение на фронте несколько ухудшилось, что Краснов перебросил к Царицыну 20 полков, главным образом конных, и этим частям удалось в одном месте (между станцией Ляпичево и хутором Ильменским) прорвать наш фронт. Военревсовет предлагал немедленно осуществить следующую программу военных действий:

«1) Заняв станцию Лог, на севере приостановить временно дальнейшее наступление,

2) снять из-под Лога несколько полков, усилить ими части, стоящие западнее Царицына, под Кривомузгинской, для ликвидации прорыва,

3) подготовить наступление через Дон в сторону Лихой,

4) открыть наступление по левому берегу Маныча Северокавказских советских частей в сторону Батайск—Ростов,

5) продвинуть степные войсковые группы в сторону Великокняжеской, по правому берегу Маныча,

6) организовать наступление со стороны Воронежа по направлению Кантемировка—Миллерово.

Все это необходимо сделать для того, чтобы перенести театр военных действий поближе к Ростову и, наконец, покончить с Красновым»[2].

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 15, д. № 12, л. 48.

[2] Письмо Военревсовета Южного фронта в Реввоенсовет Республики 27 сентября 1918 г., «Правда» от 3 января 1935 г. Курсив мой.—*Э. Г.*

Сталинский план разгрома Краснова опять, как и в период первого окружения, исходил из задачи борьбы за весь юг и Каспий, из необходимости во что бы то ни стало соединиться с Северокавказской армией (XI армия), отрезанной от Южного фронта. Но направление главного удара со стороны Царицына в новых условиях конца сентября—начала октября было изменено в сторону Лихой.

Для выполнения сталинского плана необходимо было согласованное выступление всех армий Южного фронта. VIII и IX армии должны были поддержать это наступление с севера (VIII армия «со стороны Воронежа по направлению Кантемировка—Миллерово»); Северокавказская (XI армия)—с юга, установив непосредственную связь (через Дивное—Кресты—Заветное) с Царицыном. По приезде товарища Сталина из Москвы в Царицын (22 сентября 1918 г.) был отдан приказ Сорокину (командовавшему в это время XI армией) добиться соединения с Царицыном и нанести основной удар от Армавира на Тихорецкую. Но вопреки сталинскому приказу предатель Сорокин дал своим войскам директиву об отступлении к Невинномысской. Лучшие командиры Северокавказской армии, в частности командующий Таманской армией Матвеев, резко протестовали против отступления к Невинномысской. Они требовали во что бы то ни стало выполнить приказ Сталина и пробиться на соединение с Царицыном. Ставленник Троцкого Сорокин расстрелял Матвеева якобы за неподчинение последнего приказу и пытался расстрелять других честных командиров, требовавших безоговорочного выполнения сталинской директивы.

Подобное же сопротивление решительному наступлению против красновской контрреволюции оказывали троцкистские предатели из числа руководителей северными участками фронта, и в первую очередь командующий Южным фронтом Сытин.

В письме от 27 сентября, излагавшем план разгрома Краснова, товарищи Сталин и Ворошилов дали исчерпывающую характеристику Сытину, указав на его полную непригодность для роли командующего фронтом:

«Командующий же Сытин,—говорилось в письме,—странным образом не интересуется положением фронта в целом (если не считать Поворинский участок), видимо не принимает или не в силах принять меры для оздоровления северных участков Южного фронта. Более того, на наш двукратный запрос о состоянии северных участков он до сих пор не ответил ни единым словом, не говоря уже о том, что своей оторванностью от южных участков фронта он, видимо, совершенно не тяготится»[1].

28 сентября, на следующий день после посылки этого письма, в Царицыне в здании штаба Северокавказского округа состоя-

---

[1] Письмо Военревсовета Южного фронта в Реввоенсовет Республики 27 сентября 1918 г., «Правда» от 3 января 1935 г.

лось первое заседание Военревсовета Южного фронта, на котором присутствовал и Сытин. На заседании обсуждались вопросы о разделении Южного фронта на армии, об организации военных советов и штабов армий, о местопребывании Военного совета, о пополнении фронта людьми, о снабжении армии и создании политотдела и ревтрибунала.

При обсуждении всех этих вопросов сразу же возникли серьезные разногласия с Сытиным. Последний потребовал невмешательства Военного совета в оперативные дела, т. е. предоставления Сытину полной свободы действий, а также настаивал на переезде Военного совета из Царицына в Козлов. С самого же начала, совершенно не доверяя Сытину, имея для этого достаточно веские основания, которые полностью подтвердились впоследствии, Военревсовет 1 октября принял следующее решение:

«1) Ходатайствовать перед Реввоенсоветом Республики об отстранении от должности командующего Южным фронтом Сытина. Мотивы: а) полное отсутствие у Сытина интереса к положению на Южном фронте в целом, б) полное отсутствие у Сытина какого-либо стратегического плана, в) полное неумение Сытина наладить дело Поворинско-Еланского участка, оказавшегося в 60 верстах позади царицынско-камышинских групп, продвинувшихся уже к Арчеде и Себрякову.

2) Ходатайствовать о назначении командующим Южным фронтом члена Военревсовета тов. Ворошилова»[1].

Троцкий всеми средствами мешал переходу в наступление на Краснова. Сытина он избрал в качестве своего орудия. Ставленник Троцкого, генерал Сытин, намеренно и предательски пытался сорвать все планы Военревсовета по разгрому Краснова.

Снабжение Царицынского фронта оружием вопреки требованиям Ленина и Свердлова упорно саботировалось. На царицынских складах в это время осталось всего 150 снарядов, 500 комплектов обмундирования и не было ни одного пулемета, ни одного патрона. Выдвигая самые скромные требования на вооружение, Военревсовет настаивал на немедленном удовлетворении их, иначе ликвидация наступления Краснова была немыслима.

2 октября 1918 г. в записке Ленину, Свердлову и в Реввоенсовет Республики товарищ Сталин опять со всей решительностью поставил вопрос о снабжении Царицына оружием. Не требуя никакой помощи людьми и, наоборот, отмечая, что можно справиться собственными силами, товарищ Сталин указывал, что имеющуюся армию не во что одеть, нечем вооружить. Отсутствие вооружения лишало армию возможности развернуть боевые действия и быстро очистить линию Царицын—Поворино. Отсутствие вооружения мешало использовать северокавказ-

---

[1] ЦАКА, д. 51—829, л. 457—459.

ские войска, «количество которых растет по дням, ввиду большого притока иногородних, но все эти войска не одеты, не обуты, страдают отсутствием снарядов, патронов, пулеметных лент и т. д.»

«Наконец, мы могли бы двинуть,—говорилось в записке от 2 октября,—кое-какие части на Баку и на защиту Астрахани, напасть на которую намерены казаки с суши, а отступивший от Баку Бичерахов—с моря. Но для этого необходимо хотя бы пару подводных лодок, прислать которые нам обещались, но получить которые удастся лишь после закрытия навигации»[1].

Троцкий, взяв линию на развал Южного фронта, самыми гнусными мерами срывал снабжение оружием, помогая на деле Краснову. Приказом от 3 октября Троцкий потребовал эвакуации штаба и Военного совета Южного фронта из Царицына в Козлов и невмешательства Военного совета в оперативные дела, т. е. предоставления полной свободы действия своему ставленнику Сытину. Отъезд товарищей Сталина и Ворошилова из Царицына в условиях начавшегося ожесточенного наступления Краснова означал неизбежное поражение на Царицынском фронте, полную оторванность Военного совета от места решающих боевых действий.

Товарищи Сталин и Ворошилов тотчас же по получении приказа послали в ЦК партии резкий протест, разоблачая предательскую линию Троцкого.

«Мы получили телеграфный приказ Троцкого,—телеграфировали они 3 октября,—копию которого и ответ на который вы, должно быть, уже получили. Мы считаем, что приказ этот, писанный человеком, не имеющим никакого представления о южном фронте, грозит отдать все дела фронта и революции на юге в руки генерала Сытина, человека, не только не нужного на фронте, но и не заслуживающего доверия и потому вредного. Губить фронт ради одного ненадежного генерала мы, конечно, не согласны. Троцкий может прикрываться фразой о дисциплине, но всякий поймет, что Троцкий не Военный революционный совет республики, а приказ Троцкого—не приказ Реввоенсовета республики.

Приказы только в том случае имеют какой-нибудь смысл, если они опираются на учет сил и знакомство с делом. Отдать фронт в руки незаслуживающего доверия человека, как это делает Троцкий, значит попрать элементарное представление о пролетарской дисциплине и интересах революции, фронта. Ввиду этого мы, как члены партии, заявляем категорически, что выполнение приказов Троцкого считаем преступным и угрозы Троцкого—недостойными.

Необходимо обсудить в ЦК партии вопрос о поведении Троцкого, третирующего виднейших членов партии в угоду предателям из военных специалистов и в ущерб интересам фронта

---

[1] ЦАКА, д. 51—829, л. 457—459.

и революции. Поставить вопрос о недопустимости издания Троцким единоличных приказов, совершенно не считающихся с условиями места и времени и грозящих фронту развалом. Пересмотреть вопрос о военных специалистах из лагеря беспартийных контрреволюционеров.

Все эти вопросы мы предлагаем ЦК партии обсудить на первом очередном заседании, на которое в случае особенной надобности мы вышлем своего представителя.

Член ЦК партии *Сталин.*
Член партии *Ворошилов*»[1].

До обсуждения этого письма товарищей Сталина и Ворошилова в ЦК партии Троцкий поторопился издать приказ о назначении т. Ворошилова командующим X армией, что по существу отменяло приказ Реввоенсовета Республики от 17 сентября о назначении т. Ворошилова помощником командующего Южным фронтом. Тов. Ворошилов телеграфировал во ВЦИК и в Реввоенсовет Республики об этом новом приказе, указывая, что единоличные приказы Троцкого он не в праве выполнять, считая для себя законными только постановления Реввоенсовета Республики.

«Считаю долгом заявить,—писал т. Ворошилов,—что бесконечная путаница приказов, один другой отменяющих, в последние дни пагубно отражается на положении фронта, что уже дает плачевные результаты. Если в срочном порядке не будут устранены подобные явления и не получится снаряжение, я за последствия ответственность с себя снимаю. *Ворошилов*»[2].

Для разрешения всех вопросов, связанных с преступными приказами Троцкого, товарищ Сталин 5 октября выехал в Москву для личных переговоров с Лениным. Договорившись с Лениным и Свердловым и получив их полную поддержку, товарищ Сталин тотчас же выехал обратно в Царицын. Военный совет, вопреки всем гнуснейшим ухищрениям Троцкого сорвать оборону Царицына, в Козлов не переехал, остался в Царицыне вплоть до полного разгрома второго окружения.

Но предатель Троцкий все же постарался в решающий момент наступления белоказаков оставить Царицын без вооружения.

11 октября, сразу же после возвращения в Царицын, товарищ Сталин вызвал по прямому проводу Свердлова и сообщил ему, что Троцкий, несмотря на договоренность в Москве, попрежнему не выполняет прямой директивы Ленина и Свердлова о немедленной отправке в Царицын необходимого вооружения.

«Только что приехал в Царицын,—сообщал товарищ Сталин Свердлову 11 октября в 2 ч. 20 мин. дня.—Свидетельствую, что до сих пор не получено ни одного снаряда, ни одного патрона. Фронт переживает ужасное положение. Мне сдается,

---

[1] Телеграмма опубликована в «Правде» 3 января 1935 г.
[2] ЦАКА, д. 86—016, л. 298.

что прекращение снабжения не случайность, что чья-то умелая рука старается доканать Царицын. Кому это выгодно—понять не трудно. Заявляю, что оставить этот вопрос без немедленного разрешения немыслимо, преступно. Пока все. Приеду в Москву для того, чтобы изложить перед ЦК партии весь ужас положения. Казаки в 5 верстах от Волги, южнее Сарепты, а Сытин и его защитники на деле отказывают в снарядах. Передайте тов. Карпову, что терпеть такое положение немыслимо... Говоря о Карпове, я подразумеваю Владимира Ильича. Я кончил. *Сталин*».

Свердлов, отвечая товарищу Сталину, обещал немедленно сделать все необходимое. «С Карповым вчера виделся; он надnях начинает работать,—говорил Свердлов.—Сейчас же дам соответствующую телеграмму по всем пунктам с категорическим требованием немедленно послать снаряжение, произвести строжайшее расследование причинах задержки с привлечением виновных к самой строгой ответственности. Захвати с собой материалы о выделении Царицына в особую губернию. Жду, что скоро приедешь. Все. Копии телеграмм своих пошлю тебе. Все. Привет, до свидания. *Свердлов*»[1].

И тотчас же после этого разговора т. Свердлов послал телеграмму в Наркомвоенмор с требованием немедленной отправки вооружения в Царицын.

«Только что получил сообщение Сталина,—телеграфировал он 11 октября,—неполучении до сих пор никакого снаряжения. [В] разговорах Козлове выяснилось, что посылка туда не приостанавливалась. Настаиваю необходимости немедленно расследовать причины задержки, привлечь всех виновных самой строгой ответственности. Принять все меры немедленной отправке необходимого снаряжения. Последующем поставить меня в известность. Председатель ВЦИК *Свердлов*»[2].

Таким образом, в решающие дни второго окружения Царицын оставался почти без вооружения и боеприпасов. Снаряжение, посланное под давлением Ленина и Свердлова, приходило с большим запозданием. Но ничто не могло поколебать боеспособность Царицына. Интересы революции, интересы страны требовали удержания Царицына во что бы то ни стало. И Царицын был удержан.

Нет оружия, нет снаряжения. Военно-революционный совет решил организовать производство его собственными силами. На территории оружейного завода оборудуется специальная мастерская, изготовляющая снаряды для фронта.

Учитывая исключительную измотанность частей, беспрерывно находящихся на линии огня, огромное количество больных и раненых, товарищ Сталин еще 27 сентября предписал командующему войсками Северного Кавказа срочно отправить Сталь-

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 15, д. 20, л. 17—21.
[2] *Там же*, л. 25.

ную дивизию в распоряжение Военревсовета Южного фронта. Это имело большое значение в исходе боев за Царицын в период второго окружения.

Опять, как в дни первого окружения, все было поставлено на ноги, все направлено к одной цели—удержать Царицын.

22 сентября в связи с ухудшением положения на фронте Военревсовет приказал т. Щаденко мобилизовать изыскательную партию по прорытию Волго-Донского канала. Инженеры и специалисты, работавшие в изыскательной партии, необходимы были для постройки красноармейских казарм. Царицынский совет, возражая против мобилизации, просил отменить этот приказ. Но товарищи Сталин и Ворошилов наложили на этой просьбе поистине замечательную и пророческую резолюцию:

«Канал пророем после утопления кадет в Волге и Дону.
Члены Военревсовета Сталин, Ворошилов».

И действительно, не мало кадетов нашло свою бесславную смерть в Волге и Дону. Сталинское руководство обеспечило разгром красновцев в период второго окружения так же, как в период первого окружения. Враг снова был далеко отброшен от Царицына.

2. Соотношение сил в период второго окружения

В международной и внутренней обстановке Страны советов ко времени второго окружения Царицына произошли существенные изменения в сравнении с периодом первого окружения.

Основное изменение в международной обстановке заключалось в том, что к концу сентября, т. е. к моменту начала второго окружения, явно определилось поражение Германии в мировой империалистической войне. Именно в конце сентября на Западном фронте Германия получала удар за ударом. Внутри самой Германии разразился политический кризис.

Под влиянием жестоких поражений «четверной союз» начал разваливаться. Сначала Болгария, потом Турция предложили «союзникам» сепаратный мир. 5 октября Германия обратилась к президенту США Вильсону с мирной нотой, в которой германское правительство просило правительство США взять в свои руки дело «восстановления мира». 12 октября Германия ответила согласием на все предложения Вильсона. Поражение Германии в мировой войне стало фактом. Мировая война закончилась победой Антанты.

Этот факт не мог сразу же не отразиться на международном положении Советской России, а также и на позиции всех русских белогвардейцев и в том числе красновцев.

«Теперь появляется для нас новая опасность,—говорил Ленин в докладе на объединенном заседании ВЦИК 22 октября

В Военный Совет. Телефонограма

Прошу экстренно сообщить разрешил ли Военный Совет тов. Щаденко в Сарепте мобилизовать изыскательную партию по прорытию Волго-Донского канала? Мобилизацию считаю не в коем случае не допустимым:

1/ По приказанию из центра работы должны вестис наибольшей интенсивностью

2/ мобилизация партии оставляет на произвол весьма ценное казенное имущество заключающееся в технических редких инструментах и

3/ Тогда все специалисты инженеры оставлены на своих местах. Одновременно сообщаю что тов. Щаденко запретил заместителю заведующаго по изысканию отправить телеграммы о мобилизации партии в центр и мне. Прошу немедленно отдать распоряжение о освобождение от мобилизации, которое прошу выдать на руки Бобровой, которая придет с моей запиской.

Передал Р. ЛЕВИН

Принял Гришковский

22-го сентября 1918 года.

Резолюция товарищей Сталина и Ворошилова на телефонограмме Царицынского совета

1918 г.,—которая еще не вся развернулась и не вся видна, которую англо-французские империалисты готовят исподтишка, которую мы должны яснее сознавать, чтобы через руководителей масс сознание этой опасности принести в массы, потому что англичане и французы ни в Сибири, ни в Архангельске не имели большого успеха,—наоборот, потерпели ряд поражений, но они теперь направляют усилия на то, чтобы напасть на Россию с юга»[1].

«Южный наш фронт не есть фронт единичный,—говорил далее Ленин в той же речи,—это фронт против всего англо-французского империализма, против самого могущественного врага в мире...»[2]

Так оценивал Ленин изменение международной обстановки в октябре 1918 г.

Военное поражение Германии в мировой войне имело двоякое значение для Советской страны. С одной стороны, оно в корне облегчало положение Советского Союза, так как последовавшая вскоре германская революция создала для нашей страны

[1] *Ленин,* т. XXIII, стр. 233.
[2] *Там же,* стр. 237.

более благоприятную международную обстановку и дала возможность аннулировать грабительский Брестский мир.

С другой стороны, военное поражение Германии привело к усилению Антанты, к усилению интервенции и создало новые трудности для Советской страны. Пока шла империалистическая война, руки обеих групп воюющих хищников были связаны. Поражение Германии сразу развязало руки англо-французским империалистам для нападения на Страну советов, причем основной удар, как предупреждал Ленин, Антанта намеревалась направить на юг. Поэтому Южный фронт все более становился решающим фронтом. На Восточном фронте поражение чехословаков к этому времени окончательно определилось. 10 сентября советскими войсками была взята Казань, 12 сентября—Вольск и Симбирск, 7 октября—Самара. Волга была вновь свободна. Но передышки Советской стране это не дало, ибо на востоке начал собирать силы Колчак, а на юге нарастала угроза нападения англо-французских империалистов.

В сентябре Краснов все более явно начал ощущать ненадежность и шаткость положения своих союзников—немцев.

«В распоряжениях германского командования уже в начале сентября,—писал в своем рапорте представитель Донского правительства при командовании оккупационных войск в Ростове генерал Измайлов,—появилась неуверенность, нервность и нелогичность. Войсковые части, находящиеся на территории войска, снимались с мест и уходили не в назначенные сроки, а после колебаний и откладываний... В начале сентября ушла из района Кантемировка—Ровенки 16-я ландверная дивизия, 1 сентября выехал из Ростова штаб 7-й ландверной дивизии...

Представитель германского командования барон фон-Кохенхаузен делал все, что мог, чтобы скрыть развивавшуюся катастрофу, но истина вскоре сделалась очевидной» [1].

Обстановка в тылу у Краснова становилась все беспокойнее, все напряженнее. Нарастало революционное сопротивление в городах, в деревнях, в станицах. В самой германской армии большевистская агитация получала все большее влияние и распространение.

Белогвардейская газета «Вечернее время», выходившая в Новочеркасске, 13 (26) сентября в статье, носящей характерное название «Неумирающий большевизм», писала о положении в Донской области:

«Распространившиеся слухи об оставлении немцами Донской области создали почти всюду версию, что вслед за немцами в области снова упрочится большевистская власть... В Таганрогском округе, например, уход из станицы Новониколаевской расквартированного там немецкого отряда крестьянами хуторов, расположенных вблизи станицы, был истолкован... как возврат к большевизму. Крестьяне собрали по хуторам сходы,

---

[1] ЦАОР, ф. 114, д. 8, оп. 2, л. 25.

на которых и выбирали себе Совет крестьянских депутатов... Аналогичные картины наблюдались в с. Успенском вблизи г. Луганска и других местах. Как только какой-либо населенный пункт оставлялся немцами, так тотчас же воскресали большевики»[1].

Дисциплина в армии Краснова все более падала. Количество солдат, самовольно оставлявших армию, не выполнявших приказы своих офицеров, катастрофически росло. В сентябре 1918 г. войсковой круг издал специальный указ о перебежчиках.

Указ гласил:

«Войсковой круг по заслушанию доклада командующего Донской армией о том, что в последнее время на разных участках фронта были отмечены факты перехода отдельных казаков и групп на сторону советских войск, каковое явление особенно широко наблюдается в войсках Усть-Медведицкого округа, постановил...» Далее перечислялись все репрессивные меры против перебежчиков, угрозы карать их по всей строгости закона, с конфискацией их имущества, лишением казачьего звания и т. д., и предлагалось «настоящий указ войскового круга огласить не менее трех раз на станичных и хуторских сборах, в полках, сотнях и батареях»[2].

В ответ на усиление революционного брожения в красновском тылу и на фронте начался свирепый белый террор. Виселицы, карательные экспедиции, палочная дисциплина, телесные наказания, массовые лишения казачьего звания—сменили прежние медоточивые разговоры о «вольном» Доне и «славном» донском казачестве. Верхи казачества, белогвардейское офицерство с остервенением расправлялись с рабочими, с иногородними, с донской беднотой.

Так, например, в одном из центров пролетарского Донбасса—Макеевке в ноябре на стенах заборов и домов появилось следующее объявление коменданта Макеевского района есаула Жирова, передающего приказ командующего Донской белоказачьей армией генерала Денисова:

«Настоящим объявляю полученные мною телеграммы:

1) «Рабочих арестовывать запрещаю, а приказываю расстреливать или вешать. 10 ноября. Денисов. № 2428».

2) «Приказываю всех арестованных рабочих повесить на главной улице и не снимать три дня. 10 ноября. Денисов. 2431».

Такой же зверский белогвардейский террор против трудящихся царил и во всех других районах, где господствовал Краснов и его ставленники.

Одновременно Краснов начал подыскивать себе новую опору, способную заменить кайзеровские войска, к тому времени уже переставшие быть реальной силой. Еще вчера Краснов продавал Россию немецким оккупантам, а сегодня он пытался

---

[1] «Вечернее время», Новочеркасск, № 79 от 13 сентября 1918 г.
[2] ЦАКА, д. 422, л. 48.

продать ее победителям в мировой войне—англо-французским империалистам.

«При первом же известии о событиях в Болгарии,—писал Краснов в своих мемуарах,—атаман поручил находившемуся в городе Яссах по делам снабжения предметами артиллерийского довольствия генералу барону Майделю войти в связь с союзниками и нащупать почву для сношения с ними. Известия от барона Майделя были получены самые благоприятные».

В ноябре Краснов снарядил посольство в Яссы, с которым переслал личное письмо генералу Франшэ д'Эсперэ, командующему союзными войсками на востоке. В письме Краснов просил прислать на помощь Донскому войску 3—4 корпуса союзнических войск количеством около 100—120 тыс. человек. Одновременно представитель Краснова при белогвардейском правительстве в Крыму генерал Власов от его имени вел переговоры с командованием прибывшей в Севастополь англо-французской эскадры.

На закрытом заседании Круга накануне своей отставки (1 февраля 1919 г.) Краснов сам рассказывал всю историю своих переговоров с союзниками, а также и план расстановки тех 3—4 корпусов интервентов, которые он просил себе в помощь:

«Один корпус нужен для направления на Харьков,—рассказывал Краснов,—одна дивизия с могущественной артиллерией на Воронеж, одна дивизия с такой же артиллерией и техническими средствами на Царицын и один корпус на Кавказ»[1].

Краснов усиленно любезничал в это время с немецким ставленником на Украине гетманом Скоропадским, а также вновь повел переговоры с «добровольческой» армией Деникина о совместных действиях. Армия Деникина, захватившая 16 августа Екатеринодар, быстро усиливалась и росла. С июня по ноябрь она выросла численно в несколько раз, достигнув 50 тыс. штыков и сабель. В руках у деникинцев была Кубань, Ставрополь. Агент Деникина на Тереке меньшевик Г. Бичерахов вел ожесточенную борьбу против вооруженных народных масс Терской республики. В августе—октябре Кизляр и Грозный находились в белоказачьем кольце. Часть советского Дагестана (Дербент, Петровск) была захвачена бандами английского агента Л. Бичерахова.

Англо-французские империалисты, чувствуя в Деникине силу растущую, а в Краснове—силу слабеющую, относились к первому гораздо «благосклоннее» и «дружелюбнее», чем ко второму.

На юге явно завязывался новый узел союзнической интервенции. Но в сентябре—октябре этот новый узел только еще намечался, только еще определялся, хотя коренное изменение ситуации было достаточно ясно выражено.

---

[1] ЦАОР, ф. 1258, ВВД, д. 3—7, 1919, л. 38.

Этим и определялись особенности второго окружения. Немецкие оккупационные войска еще не оставили в это время ни Украины, ни Донской области. Но шаткость их положения была достаточно ясна. Силы Краснова были очень истощены, авторитет его в казачьих войсках все более падал, внутреннее разложение, борьба внутри Донской области между казачьей беднотой и кулачьем все более обострялась. Трудовое казачество начинало все яснее понимать, что его втянули в войну с советской властью обманными, лицемерными посулами.

Но именно потому, что красновцы, готовя второе окружение, чувствовали, что близкая гибель подстерегает их на каждом шагу, что взятие Царицына—их последняя ставка, последний козырь, которым можно восстановить подорванный престиж Донской армии,—они дрались в период второго окружения особенно ожесточенно, особенно настойчиво, особенно упорно.

Это была борьба не на жизнь, а на смерть, последнее судорожное и потому исключительно ожесточенное, почти отчаянное нападение. Все, что осталось у Краснова, было брошено в бой. Никакие потери не могли его остановить. Если в период первого окружения Краснов хотел поднести Царицын в качестве «подарка» немцам, то в период второго окружения Краснову нужен был Царицын как аванс, как своего рода задаток англо-французским империалистам. Невиданно жестоко и зверски расправлялись красновцы в это время с попадавшими в их руки красноармейцами—рубили на куски, зарывали живыми в землю, придумывали всевозможные пытки. План взятия Царицына был продуман до мельчайших подробностей. Краснов потом говорил, что генерал Мамонтов разработал план захвата города вплоть до занятия отдельных домов. На длительную и систематическую осаду города красновцы не были уже в это время способны. Весь план был рассчитан на быстрый, стремительный, жестокий и кровопролитный натиск. К тому же командование красновской армии по опыту первого окружения хорошо знало своего противника, знало всю силу его сопротивления. Вся надежда возлагалась именно на взятие города исключительно стремительным нападением.

Вооружены красновцы в это время были едва ли не лучше, чем в период первого окружения. Помощь оружием со стороны немецких оккупационных войск, несмотря на увеличивающуюся шаткость их положения, не только не уменьшилась, но, пожалуй, даже возросла. По неимоверно высоким ценам немцы, готовясь к эвакуации, распродавали Краснову свое военное имущество. Большей частью это были русские же боевые припасы, захваченные немцами в оккупированных ими областях.

За период с сентября 1918 г. по январь 1919 г., как сообщал генерал Измайлов, Краснов получил, вернее купил, у немцев «не менее 12 разных орудий, до 30 000 снарядов и до 10 000 000 винтовочных патронов. Кроме того, свыше 2 000 винтовок,

пулеметы, ручные гранаты, капсюли, заряды, седла и др. предметы снаряжения»[1].

Однако в связи с растущими революционными настроениями в самой германской армии открытая продажа оружия Донской армии Краснова становилась для немецкого командования все более и более затруднительной. Поэтому немцы просили производить закупку тайком, а в качестве приемщиков посылать не офицеров, а частных посредников. Донское белогвардейское правительство было явно обеспокоено тем фактом, что немалая часть оружия попадала через солдатские советы, возникавшие в германской армии, рабочим и крестьянам Украины и Дона.

«Грозные германские солдаты,—писал Краснов,—всего неделю тому назад суровым «Halt» останавливавшие толпы рабочих и солдат на Украине, покорно давали себя обезоруживать украинским крестьянам. Украинские большевики останавливали эшелоны со спешившей домой баварской кавалерийской дивизией, отбирали оружие и уводили из вагонов лошадей»[2].

Все это заставляло Краснова особенно торопиться с захватом Царицына.

Силы Краснова к октябрю 1918 г. группировались следующим образом:

В Камышинском направлении действовали 2 конные и 2 пехотные дивизии общей численностью 7 тыс. штыков и сабель, 50 пулеметов, 11 орудий.

В направлении Качалино—Дубовка—Царицын действовали 3 пехотные и 2 конные дивизии общей численностью 13 тыс. штыков и сабель, 72 пулемета, 36 орудий, 2 бронепоезда.

В направлении Воропоново—Царицын—2 конные и 1 пехотная дивизии общей численностью 5 тыс. штыков и сабель, 56 пулеметов, 35 легких и 15 тяжелых орудий и 3 бронепоезда.

В направлении Сарепта—Царицын действовали 6 конных и 2 пехотные дивизии общей численностью 20 тыс. штыков и сабель, 100 пулеметов, 33 легких и 10 тяжелых орудий и 3 бронепоезда[3].

Кроме того, в резерве у Краснова находилась так называемая «молодая армия» (казаки призывного возраста, 19—20 лет), которая должна была быть пущена в бой в решающий момент.

Таким образом, Краснов двинул против Царицына в начале октября 12 конных и 8 пехотных дивизий общей численностью в 45 тыс. штыков и сабель (без «молодой армии»), прекрасно вооруженных и снабженных всем необходимым.

---

[1] ЦАОР, ф. 1261, оп. 1, д. 62, стр. 66 об.

[2] *Краснов,* Всевеликое войско донское, сб. «Начало гражданской войны». М.—Л. Гиз, 1926 г., стр. 186.

[3] См. *Меликов,* Героическая оборона Царицына, М. Воениздат, 1940 г., стр. 189.

Решающий и наиболее сильный кулак Краснов на этот раз собрал в направлении Царицын—Сарепта, намереваясь нанести самый жестокий и сокрушительный удар с юга.

Силы красных частей ко времени подготовки первого окружения (к 15 сентября 1918 г.) располагались следующим образом:

На Камышинском направлении действовали войска в количестве 5813 штыков, 489 сабель, 31 пулемета, 8 орудий.

На северном участке Царицынского фронта действовала Доно-Ставропольская бригада и ряд других частей в количестве 5975 штыков, 1507 сабель, 100 пулеметов, 20 орудий.

На центральном участке Царицынского фронта, в направлении Лог—Калач, находилась 1-я Коммунистическая дивизия и несколько царицынских полков (в том числе 1-й полк «Грузолес»)—всего в количестве 6619 штыков, 1522 сабель, 194 пулеметов, 21 орудия.

На южном участке Царицынского фронта (район Чирская—Ляпичево—Сарепта—Жутово) находилась Морозовско-Донецкая дивизия и бригада Круглякова—всего в количестве 12377 штыков, 2468 сабель, 210 пулеметов, 57 орудий[1].

Всего на Царицынском фронте против Краснова были выставлены войска силой в 30784 штыка, 5986 сабель, 535 пулеметов и 106 орудий. В это количество не входила Южная группа войск X армии (Котельниковская дивизия Штейгера, дивизия Ковалева в районе Ремонтной и другие части) и группа войск степного фронта, так как в период второго окружения эти части (так же как и в период первого окружения) были совершенно отрезаны от Царицына. Не считая Стальной дивизии, которая подошла к Царицыну только 15 октября, против 37 тыс. штыков и сабель Красной Армии было сосредоточено свыше 45 тыс. штыков и сабель противника. Правда, подход Стальной дивизии (8 тыс. штыков, 3 тыс. сабель), казалось бы, уравнивал количественно силы Красной Армии и белоказаков (и с той и с другой стороны свыше 45 тыс. штыков и сабель). Но и на этот раз у Краснова был значительный перевес конницы и изобилие снарядов, патронов и другого вооружения, в то время как преступная рука Троцкого лишила Царицын необходимого военного снаряжения в решающий момент боев.

Недостаток техники компенсировался людским составом. Разутая, раздетая, лишенная вооружения и обмундирования как раз в период наступления холодных осенних месяцев, Красная Армия, воспитанная Сталиным и Ворошиловым, дралась с исключительным героизмом. Краснов на войсковом круге вынужден был с огорчением признать, что «рабочий Ворошилов и портной Щаденко» нещадно били его генералов, обучавшихся

---

[1] «Состав, численность, дислокация войск Северокавказского военного округа на 15 сентября», 1918 г., ЦАКА, д. 248—041, л. 3—9.

А. Я. ПАРХОМЕНКО

АЛЯБЬЕВ

Н. А. РУДНЕВ

в генеральных штабах, но не сумевших осилить замечательную стратегию большевистских полководцев. Сила Красной Армии заключалась в ее сознательности и пролетарской дисциплине, в ее беззаветном героизме, в качествах ее пролетарских командиров, в крепости ее тыла.

И, наконец, решающее преимущество красных частей Южного фронта определялось тем, что в период второго окружения разгромом Краснова продолжал руководить товарищ Сталин—лучший стратег пролетарской революции, величайший мастер революционного руководства.

3. Разгром второго окружения Царицына.

В середине сентября еще продолжалось успешное наступление советских войск Царицынского фронта, главным образом на северном участке, куда к этому времени были переброшены лучшие части Коммунистической дивизии.

Находясь в Москве, товарищ Сталин особенно интересовался исходом наступления на этом участке фронта и 15 сентября специально запрашивал т. Ворошилова, почему до сих пор не взяты станции Лог, Липки и Арчеда, за овладение которыми шли в это время бои. Вместе с тем, предвидя близость нового натиска красновцев, товарищ Сталин предлагал немедля взяться за сформирование новой дивизии, которая может на-днях понадобиться на фронте. 22 сентября части северного участка перешли в наступление, дружным натиском сбили противника с занимаемых им позиций, заняли станцию Лог, разъезд Белуженский, ряд хуторов и уничтожили переправу через реку Дон у станицы Сиротинской.

24 сентября красные части с боем продвинулись к железнодорожной станции Липки, заставив около 4 полков противника отступить к северу. Во время ожесточенного боя у станции Липки был тяжело ранен и скоро скончался командир 2-го Коммунистического пехотного полка Коммунистической дивизии т. Туз, бросившийся первым на врага. 25 сентября были заняты все переправы через Дон на участке Ново-Григорьевском и Белуженском.

К началу октября Камышинская группа войск на Медведицком направлении заняла станцию Себряково, подошла к Арчеде, соединившись с войсками, наступавшими на Арчеду с юга.

Так, на северном участке к концу сентября была освобождена линия железной дороги Лог—Липки—Арчеда и заняты переправы через Дон у станиц Сиротинской и Ново-Григорьевской.

Но именно в это время части Краснова начинают в свою очередь решительное наступление на центральный и южный участки Царицынского фронта.

23 сентября оперативная сводка Военного совета, сообщая об успехах, одержанных нашими частями на северном участке,

вместе с тем отмечала и начавшееся наступление белых на центральном участке.

«22 сентября противник пытался перейти вброд левый берег реки Дона в районе переправы Голубинской, но ружейным и пулеметным огнем наших войск принужден был бросить переправу. Громадное количество казаков утонуло в реке Дон. На переправах Пятиизбянской, хутор Калач, Лебедев противник сосредоточил крупные силы и с боем переправился на левый берег реки Дона, чем заставил наши войска отойти на пять—шесть верст от реки Дона... На южном участке выделенная противником часть войск, переправившаяся в районе Пятиизбянской, повела наступление в сторону ст. Ляпичево, и завязался ожесточенный бой, исход которого пока неизвестен»[1]. Это был первый серьезный сигнал начавшегося наступления белых. Противник переправился с огромными усилиями у станиц Голубинской и Пятиизбянской на левый берег Дона и прорвал наш фронт на центральном участке между станцией Ляпичево и хутором Ильменским. В создавшихся условиях нарастающей опасности Военревсовет сразу же принял решение приостановить дальнейшее наступление на северном участке и, укрепившись на ст. Лог, перебросить лучшие части Коммунистической дивизии с северного участка на центральный, под Кривомузгинскую, для ликвидации прорыва.

Кроме того, Военный совет 1 октября приказал начальнику южного участка немедленно занять Бузиновку, чтобы связаться с частями, действовавшими в это время на центральном участке, и таким образом установить непосредственную связь между самыми угрожаемыми со стороны противника участками—южным и центральным.

«Бузиновка должна быть взята во что бы то ни стало и каких бы это усилий ни стоило. И, кроме того, как можно раньше,—передавал приказ т. Ворошилов,—...не доверяйте руководительствовать другим. Ведите части под своей собственной командой»[2].

Товарищ Ворошилов в это время, как всегда в серьезные моменты, выехал на самый угрожаемый участок—в Карповку и 29 сентября сообщал Военному совету, что из Карповской выезжает прямо на линию огня в Кривомузгинскую.

В ответ на все эти мероприятия Военного совета противник переправил через Дон к 1 октября новые крупные силы, стремясь взять Царицын с юго-запада.

29 и 30 сентября происходили кровопролитные бои за Калач. Красновцы, переходя в контратаку, ввели в бой на этом участке 13 эскадронов при поддержке 500 человек пехоты. Полк «Грузолес», отбивавший эти атаки, во главе со своим командиром, несмотря на ожесточенное сопротивление, на плечах неприятеля

---

[1] «Борьба», Царицын, № 219 от 26 сентября 1918 г.
[2] Опубликовано в «Правде» 3 января 1935 г.

ворвался в Калач и овладел им. В этом бою геройски погиб командир полка «Грузолес» т. Карпов. Так же успешно отражались и все другие атаки белых. Но решающий удар противника был еще впереди. В первых числах октября этот удар был направлен на юг, на левый фланг советских войск. 2 октября белоказаки захватили Гнилоаксайскую и Абганерово на южном участке. В районе Жутово они сосредоточили крупные силы и вновь, как в период первого окружения, совершенно отрезали от Царицына Котельниковскую дивизию Штейгера и стрелковую дивизию Ковалева в районе Ремонтной.

После захвата белыми Абганерово (в 87 километрах от Царицына) Военный совет немедленно принял решающие меры для ликвидации наступления белых на южном участке фронта.

5 октября был дан секретный приказ следующего содержания: «По полученным донесениям, противником занята станция Абганерово, причем наступление кадетских банд велось с востока. Для ликвидации наступления и для освещения всего района между линией Владикавказской железной дороги и озерами Сарпой, Цаца, Барманцак и Альматин Военно-революционный совет приказал:

1) Товарищу Харченко немедленно послать два эскадрона кавалерии для обследования указанного района от колонии Сарепта на юг до линии Гнилоаксайская—озеро Альматин.

2) Выделить один батальон пехоты и взвод артиллерии из Морозовской дивизии и направить на ст. Абганерово для занятия и охраны таковой.

3) Назначить от Сарептского штаба формирования одну роту пехоты в прикрытие броневого поезда «Коммунист».

4) Товарищу Алябьеву выделить один броневой поезд и послать на линию Тингута—Абганерово—Гнилоаксайская.

Председатель Военно-революционного Совета
Южного фронта *Сталин*.
Член Военревсовета *Ворошилов*»[1].

В этот же день товарищ Сталин выехал в Москву. С пути, из Камышина он дополнительно послал указания Военному совету, предвосхищая с исключительной дальновидностью дальнейшее развитие наступательной операции белых и намечая меры для ее ликвидации.

«После некоторого размышления на досуге,—телеграфировал товарищ Сталин 6 октября,—для меня стало очевидным, что казаки намерены во что бы то ни стало соединиться с астраханскими казаками, прервать Волгу, если даже Царицын не будет взят, то отрезать совершенно Северокавказскую армию

---

[1] ЦАКА, д. 5—436, л. 79.

от центра снабжения, взять Астрахань, закрепить за собой северный Каспий и Северный Кавказ. Поэтому наша основная *очередная задача во что бы то ни стало закрепить за собой линию: Сарепта, Барманцак, Садовое, Обильная, Киселева*, без выполнения этой задачи положение будет угрожающее. Через час выезжаю в Москву. *Сталин*»[1].

Уже через несколько дней предвидение товарища Сталина о дальнейших намерениях противника подтвердилось полностью. Но благодаря тому, что товарищ Сталин разгадал заранее все планы донского командования, благодаря мерам, намеченным приказом Военревсовета от 5 октября, директива товарища Сталина, устанавливающая линию «удержания во что бы то ни стало» для второго окружения, была выполнена, ставка противника в конечном итоге и на этот раз была бита.

11 октября товарищ Сталин вернулся из Москвы в Царицын. К этому времени положение на фронте стало еще более угрожающим. Как и предвидел товарищ Сталин, основной удар белые направили на юг, в сторону Сарепты. Если в первых числах октября противник на южном участке занял линию Гнилоаксайская—Абганерово, то к 10 октября в его руках уже находилась вся линия от Жутово до Червленой (Тундутово). 10 октября в 4 часа дня красные части отступили к Чапурникам, а к ночи этого же дня вынуждены были оставить и Чапурники и с боем занять высоты юго-западнее и северо-западнее Сарепты. Противник, казалось бы, почти находился у цели—вот-вот в его руки должна была перейти Сарепта. 11 октября вечерняя оперативная сводка за подписью т. Ворошилова сообщала, что 10 октября «селение Цаца и окружающий район заняты противником силою более 1 000 человек пехоты и кавалерии при 2 орудиях, из которых большая часть направилась на помощь своим в сторону Чапурники, Светлый яр на Волге»[2].

12 октября после упорного боя, длившегося целый день, красные части оставили на севере станцию Лог, а на юге, как сообщала оперативная сводка, «наши войска к вечеру 12 октября с боем продвинулись к Ивановке, имея левый фланг южнее Сарепты. Сегодня с утра (13 октября.—*Э. Г.*) идет ожесточенный бой по всему Царицынскому фронту. Сосредоточив около 4 пехотных и кавалерийских полков в районе Чапурники—Ивановка, противник повел энергичное наступление в направлении Сарепты...»[3]

13 октября одно из советских вооруженных судов обстреляло противника у Светлого яра артиллерийским огнем. Но против-

---

[1] *К. Е. Ворошилов*, Сталин и Красная армия. М. Воениздат, 1937 г., стр. 50. Курсив мой.—*Э. Г.*

[2] ЦАКА, д. 2—730, л. 130.

[3] ЦАКА, д. 229—097, л. 20—21.

ник все же сумел переправиться у Светлого яра на левый берег реки Волги и занял Верхне-Ахтубинское и Пришиб. Пароходное сообщение с Астраханью было прервано. Предупреждение товарища Сталина в телеграмме 5 октября о том, что противник постарается прервать Волгу и отрезать Царицын от Астрахани, целиком и полностью оправдывалось.

Чрезвычайно тяжелое положение Царицына еще более ухудшилось 14 октября. В этот день белоказаки взяли Кривую Музгу и Карповку на центральном участке. На следующий день, 15 октября белые захватили Басаргино на западе, вплотную подойдя к Воропоново, а с юга занимали Сарепту.

Подобно тому как день 15 августа в период первого окружения, так и день 15 октября в период второго окружения был самым тяжелым в героической борьбе за Царицын. У белых не было сомнения, что в этот день (15 октября) они прорвутся, наконец, к Сарепте и тем самым возьмут и Царицын. Борьба достигла исключительного напряжения. Не дни, а часы и минуты решали исход боя.

Царицын был опоясан двойным кольцом окопов. Но и тут подстерегала беда. Окопы под Садовой были вырыты под руководством полковника Адамса, позже разоблаченного как предателя, и поэтому вырыты вредительски. Они были открыты артиллерийскому обстрелу противника.

И без того чрезвычайно тяжелое положение Царицына, судьба которого 15 октября висела на волоске, еще более ухудшилось вследствие измены двух полков из мобилизованных (1 и 2-й крестьянские полки). Эти полки, действовавшие на южном участке, в районе Бекетовки, 15 октября предательски открыли фронт и с 3 орудиями попытались перейти на сторону врага. Противник, зная исключительную стойкость красных частей, не понял, что к нему идут перебежчики, и поэтому во время перехода большая часть предателей была уничтожена огнем противника.

Узнав об образовавшемся прорыве на самом решающем месте боя, молодой, талантливый начальник формирования и обучения X армии—Николай Руднев немедленно выехал на фронт, чтобы лично ликвидировать прорыв. 23-летний Коля Руднев, проделавший вместе с Ворошиловым весь героический путь от Донбасса к Царицыну, недаром был любимцем всей армии, любимцем товарищей Сталина и Ворошилова. Это был талантливый человек, храбрый и самоотверженный молодой командир. Прибыв на место прорыва, т. Руднев узнал, что в связи с изменой двух полков часть красноармейцев, не выдержав натиска белогвардейцев, начала стремительно отступать. Неприятельская разведка захватила в это время наше орудие. Тогда Руднев собрал вокруг себя горстку храбрецов и, увлекая их собственным примером, бросился на врага, отбил орудие и ликвидировал прорыв. Но сам он был во время боя смертельно ранен и вскоре скончался в Бекетовском госпитале.

К смерти

Тов. РУДНЕВА.

С глубокой скорбью отмечаю геройскую смерть товарища Р У Д Н Е В А на славном посту воина с контр-революцией. Вечная память беззаветному воину коммунизма. Месть беспощадная царским генералам и их прихвостням эсаулам.

Член Военно-Революционного Совета Республики
Народный Комиссар *Сталин.*

Товарищ Сталин о героической смерти Н. А. Руднева.

«С глубокой скорбью отмечаю геройскую смерть товарища Руднева на славном посту воина с контр-революцией,—писал товарищ Сталин о Рудневе в газете «Солдат революции».— Вечная память беззаветному воину коммунизма. Месть беспощадная царским генералам и их прихвостням эсаулам.

Член Военно-Революционного Совета Республики
Народный комиссар *Сталин*» [1].

Гибель Руднева была одним из самых тяжелых ударов, нанесенных белыми в день 15 октября.

Обстановка под Царицыном создалась чрезвычайно тяжелая. Но товарищи Сталин и Ворошилов в эти дни как всегда были спокойны, как всегда свободны от всякого подобия паники. И эта уверенность передавалась бойцам, обеспечивала победу.

Царицын не будет отдан несмотря ни на что—эта непоколебимая уверенность чувствовалась во всех директивах Сталина и Ворошилова в эти опаснейшие для Царицына дни.

«Объехал Морозовскую дивизию. Приняты все меры для восстановления положения. Тундутово—займу сегодня. Еду в Чапурники, куда в случае надобности телеграфируйте. Положение не так плохо, как это многим трусам и дуракам кажется. К вечеру или ночью буду в совете» [2],—телеграфировал т. Ворошилов в Военный совет 10 октября.

«Броневые поезда работают самоотверженно и исключительно стойко, если положение восстановится, то исключительно благодаря бронепоездам. Я напрягаю все силы и принимаю

---

1 «Солдат революции» № 61 от 19 октября 1918 г.
2 «Правда» от 3 января 1935 г.

меры спасти положение. Еду опять на фронт, в цепь»[1],— сообщал т. Ворошилов 14 октября из Воропоново о событиях на фронте.

Когда 14—15 октября кое-какие паникеры заговорили о неизбежности эвакуации и отступления, т. Ворошилов издал замечательный приказ начальникам участков:

«Приказываю с занимаемых позиций не отступать ни шагу назад впредь распоряжения. Не исполнившие настоящего приказания будут расстреляны».

Командующий *Ворошилов*»[2].

И в тот же день товарищи Сталин и Ворошилов отдают распоряжение—угнать на север все переправочные средства через Волгу, чтобы все знали, что путей к отступлению нет, что есть только одна цель—победить врага в открытом бою.

В эти решающие дни, когда враг был у Садовой, командующего северным и южным участком фронта вызвал к себе товарищ Сталин. Было 4 часа утра. Сталин не спал уже много ночей подряд. Он работал всю ночь и уснул от усталости, сидя за столом. Когда вызванный им командир вошел, товарищ Сталин проснулся от звона его шпор. Товарищ Сталин спросил о положении на фронте, о принимаемых мерах. Выслушав сообщение, товарищ Сталин сказал, что надо драться до последней возможности, так как отступать некуда.

Затем он задал вопрос: «А если не выдержим, куда отступать?» Командир ответил, что надо отступать на Иловлю, чтобы не бросать эшелонов, иначе все имущество перейдет в руки казаков. Тогда товарищ Сталин ответил: «Поезжай и ни на шаг не отступай. Лучше умереть, чем отступать».

Так действовали в эти дни товарищи Сталин и Ворошилов, вселяя в бойцов уверенность в неизбежной победе, ободряя их, борясь против всякой мысли о возможности отступления и сдачи Царицына.

В осажденном городе господствовали организованность и порядок. Рабочие отправлялись на фронт. На орудийном заводе изготовлялись снаряды и бронепоезда.

Военный совет ни на минуту не забывал о массовой агитационной работе среди войск и населения. Ежедневно выходили газеты «Борьба» и «Солдат революции» с боевыми призывами. В тяжелейший день—15 октября—Военный совет издал обращение «К донской бедноте», которое было опубликовано в царицынских газетах 16 октября.

«Советские армии окружают всю Донскую область,—говорилось в обращении.—Не дайте убежать вашим насильникам и обманщикам, следите за каждым их движением, за их поездками, за их работой в тылу. Не дайте ускользнуть никому.

Час расплаты приближается. Скоро они сами сознаются перед судом бедноты во всей своей лжи...

[1] «Правда» от 3 января 1935 г.
[2] ЦАКА, д. 217—802, л. 254.

Выше подними голову, донская беднота, час освобождения твоего близок.

Долой царских генералов!

Долой дворянских последышей!

Долой вековых палачей трудящихся!

Да здравствует власть донской бедноты!

Военно-революционный совет Царицынского фронта—
Сталин, Ворошилов»[1].

С исключительным вниманием следили в Москве Ленин и Свердлов за героической обороной Царицына. «Предлагаем принять самые срочные меры подаче помощи Царицыну, исполнении донести. *Ленин. Свердлов*»[2],—телеграфировали они 15 октября в Реввоенсовет республики.

Бронепоезда в эти дни, как и в дни первого окружения, делали чудеса. Недаром белые прозвали их «красными дьяволами». Оперативная сводка 15 октября сообщала о том, как один из советских бронепоездов, прорвавшись далеко вперед, пробился на ст. Лог, вступил там в бой с двумя эскадронами противника. Одним из снарядов бронепоезд разбил находившийся на станции штаб неприятельской дивизии. В рукопашном бою команда бронепоезда захватила одно 48-линейное орудие и подводы со снарядами. Бронепоезд благополучно вернулся и доставил красным частям захваченные им у неприятеля трофеи. Все эти огромные усилия, исключительная стойкость и самоотверженность в борьбе вскоре дали результаты.

Тяжелейшие дни окружения—15 и 16 октября—одновременно были и днями перелома. Огромное значение имел тот факт, что именно в эти дни на помощь Царицыну пришла вызванная товарищем Сталиным с Северного Кавказа Стальная дивизия. Проделав за 16½ дней огромный путь от Святого Креста через Благодарное—Петровск—Заветное до Царицына, Стальная дивизия подоспела как раз во-время. Ее своевременное прибытие было совершенно неожиданным для противника. Когда части Стальной дивизии подошли к Заветному, командир дивизии вызвал к прямому проводу Царицын. От товарищей Сталина и Ворошилова он получил приказ подойти к Царицыну не позже как через 5—6 дней, так как город в опасности. Но, не зная шифра и боясь, что противник перехватит разговор, командир намеренно преувеличил сроки, сказав, что раньше чем дней через 15 он подойти к Царицыну не сможет. На самом же деле дивизия двинулась с огромной быстротой к Царицыну и достигла его значительно раньше намеченного срока (дивизия подошла к Царицыну 15 октября).

Не доходя до Чапурников, части дивизии были приведены в боевой порядок, готовясь к наступлению. Так как у бойцов

---

[1] «Солдат революции» № 58 от 16 октября 1918 г.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 23, л. 153.

дивизии почти совершенно не было патронов и снарядов, они, бросившись на врага, сразу же перешли в стремительную штыковую атаку. Натиск был настолько неожиданным и внезапным (никакой опасности с тыла белые совершенно не предвидели), что в три четверти часа исход боя был решен.

Так же неожиданна эта помощь была и для красных частей, день и ночь сражавшихся под Сарептой. В бой были брошены последние резервы. Противник почти занимал Сарепту. Но вдруг красные бойцы заметили, что в тылу у противника, в районе Чапурников начали рваться снаряды. Никто не мог понять, что это означает и кто стреляет по тылу белых. Наступавшие с ожесточением красновцы внезапно притихли, и вдруг... стало ясно видно, что белые бегут, стремительно отступая перед каким-то невидимым противником. Красноармейцы, отстаивавшие Сарепту, не дожидаясь команды, не зная даже, откуда помощь, в свою очередь стремительно бросились на отступающего врага. А с тыла белых, прижавшись к седлам, вытянув шашки вперед, в бурках и кубанках, с криком «ура» неслась красная конница Стальной дивизии. Враг был разбит и мгновенно откатился от Сарепты на несколько десятков километров. Всякая надежда для врага на возможность взятия Царицына с юга была потеряна.

Но красновцы все еще пытались нащупать слабое место в крепкой броне войск, опоясывающих Царицын. Потерпев поражение на юге, они перенесли удар на центральный участок, 16 октября захватили Воропоново, но уже 17-го откатились от Воропоново к Басаргино, а от Басаргино опять к исходным позициям, к Кривой Музге. 17 октября стало ясно, что и удар на Сарепту и удар на Воропоново отбиты.

Краснов еще раз бросил свои части в бой, чтобы прорваться на северном участке, захватив Лог—Иловлю—Качалино. За линией войск белоказаков генералы и белогвардейские офицеры ставили пулеметы, угрожая смертью всякому, кто вздумает отступать. Но помочь уже ничем было нельзя. После разгрома своего правого фланга и центра Краснов был бессилен нанести решающий удар на северном участке.

18 октября на всех участках Царицынского фронта началось наступление красных частей. На юге советские войска заняли станции Гнилоаксайскую и Абганерово.

Товарищ Сталин спешил порадовать Ленина хорошей вестью о разгроме второго окружения:

«Положение фронте крепнет,—телеграфировал он 18 октября,—противник сбит и отступает, наши части ведут успешное наступление, все дело—своевременно подвозить требуемые припасы. Если сегодня положение нашего фронта не ухудшится, завтра выеду в Москву.

Нарком *Сталин*»[1].

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 1, д. 4, л. 61.

К 20 октября красные части на юге, взяв Тингуту—Абганерово—Гнилоаксайскую, вновь соединились с котельниковскими частями и дивизией Ковалева. Положение на южном участке было полностью восстановлено. На центральном участке 20 октября была взята Карповка, и наши бронепоезда дошли до Кривомузгинской. На севере наступление на Котлубань было отбито, и красными частями был взят хутор Вертячий.

Противник опять был отброшен в течение 2—3 дней на 30—40 километров от города и разбит по частям, сначала на юге, потом на западе и, наконец, на севере.

Только тогда, когда выяснилось, что второе окружение окончательно отбито, товарищ Сталин 20 октября выехал из Царицына в Москву. Но и из Москвы товарищ Сталин продолжал неустанно руководить боевыми операциями по окончательному разгрому Краснова. Почти ежедневно в ноябре и декабре товарищи Сталин и Ворошилов обменивались телеграммами, вели переговоры по прямому проводу. Товарищ Сталин давал указания, советовал, помогал всем, чем можно. Все оперативные сводки, все приказы командования X армии направлялись товарищу Сталину в Москву. Как только 22 октября товарищ Сталин приехал в Москву, он в тот же день послал приветствие отличившимся войскам Царицынского фронта.

«Передайте Морозовскому, Тихорецкому, 3-му революционному и другим полкам... передайте им, окружившим противника и разбившим его на голову, мой горячий коммунистический привет. Скажите им, что советская Россия никогда не забудет их героических подвигов и вознаградит их по заслугам. Да здравствуют отважные войска царицынского фронта.

Член Реввоенсовета Республики
Народный комиссар *Сталин*»[1].

Через несколько дней после приезда в Москву, 29 октября 1918 г. товарищ Сталин на пленуме Московского совета сделал доклад о положении на Южном фронте. Он исчерпывающе показал, в чем заключалась важность Южного фронта, почему Царицын стал центром удара всех контрреволюционных сил и в чем заключалась сила Красной Армии, разбившей и разбивавшей все белогвардейские натиски. Говоря о разгроме Краснова, товарищ Сталин с особой остротой подчеркнул, что на юге завязывается новый международный узел, что авантюру, провалившуюся в Самаре, белогвардейцы хотят возобновить теперь на юге. Но эта авантюра на юге неизбежно кончится так же печально для интервентов и белогвардейцев, как и на востоке.

В начале ноября, незадолго до открытия VI Чрезвычайного съезда советов, происходил разговор по прямому проводу между товарищами Сталиным и Ворошиловым.

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 4 (15), д. 31, л. 29.

Тов. Ворошилов сообщил о положении на фронте, об ухудшении положения под Камышином, о том, что Царицын попрежнему не получает необходимого вооружения и обмундирования. «Я полагаю, что вы должны стянуть из Астрахани, Воронежа,—говорил товарищ Сталин в ответ на сообщения т. Ворошилова,—всех своих активных товарищей для того, чтобы образцово поставить дело фронта. Ворошилов, как командующий—хозяин фронта, и он имеет возможность поставить дело, как найдет нужным...»

Товарищ Сталин сообщал также о положении Северокавказских войск и ответил на вопрос т. Ворошилова о положении на Западе.

Тов. Ворошилов просил передать привет Владимиру Ильичу.

«Ильич душой с вами, он полюбил вас, чертей»[1],—отвечал товарищ Сталин.

15 ноября в разговоре по прямому проводу с Царицыном товарищ Сталин, информируя т. Ворошилова о складывающейся в это время международной обстановке, дал характеристику положения в Германии после революции 9 ноября 1918 г. Так изо дня в день товарищ Сталин и после отъезда из Царицына продолжал руководить борьбой по окончательному разгрому донской контрреволюции.

К середине ноября 1918 г. положение на фронте под Царицыном еще более окрепло. Под руководством т. Ворошилова войска Царицынского фронта продолжали успешное наступление против красновских банд. Белоказаки, озлобленные непрерывными неудачами под Царицыном, потеряв надежду взять неприступный город, старались отдельными вылазками, внезапными нападениями хоть немного расстроить, обескровить силы красных частей. Бои шли под Кривой Музгой, под Гнилоаксайской, под Логом.

24 октября на помощь Царицыну прибыл 38-й московский Рогожско-Симоновский полк. Полк состоял почти исключительно из московских рабочих заводов «Гужон» и «Динамо». Тов. Ворошилов впоследствии говорил, что это был лучший из полков, какие он видел на фронте. Все в этом полку, начиная от командира и кончая бойцами, было хорошо. Полк был включен в состав лучшей дивизии фронта—Коммунистической и в первых числах ноября был отправлен на позиции под Логом. «В Царицыне в штабе X армии и Военном совете нас встретили и проводили на позиции с удивительным радушием»,—писал в Москву 9 ноября 1918 г. комиссар полка т. Моисеев.

«...Был приказ по армии, которым наш полк был зачислен в считавшуюся здесь лучшую (Коммунистическую) дивизию, что, нужно сказать, было сделано как совершенно особое исключение. Она составлена из полков исключительно испытан-

[1] Разговор по прямому проводу опубликован в «Правде» 3 января 1935 г.

ных. Полки, которые являются кандидатами в нее, первоначально к ней прикомандировываются на испытание».

Далее в письме сообщалось о положении на Царицынском фронте, о состоянии снабжения армии и т. д.

«Теперь о X армии вообще. Участок ее страшно заброшен, не хватает не только снарядов, патронов, но в Царицыне даже хлеба не хватает... обмундирования недостаток, шинелей, сапог—совсем не было, когда мы приехали. Нет подрывных материалов, почти отсутствовал шанцевый инструмент, отсутствует запас биноклей и подобных оптических инструментов. Не хватает лошадей, нет сахару, чаю, табаку, спичек, с величайшим трудом можно достать бензин. В данный момент, например, нельзя употребить в дело два бронированных автомобиля, так как бензина нельзя достать... У нас сейчас на позиции скопилось в нашем участке масса орудий, но из-за недостатка снарядов нельзя открывать достаточного огня по противнику.

Штаб X армии, ее Военный совет производят впечатление великолепное, как люди, их отношение исключительно внимательное и товарищеское. Люди большой энергии и чуть ли не все коммунисты. Командир X армии тов. Ворошилов пользуется в войсках доверием и очень популярен. Только его исключительной энергии обязан участок X армии, что здесь есть что-нибудь хоть в смысле снабжения...»[1]

Это письмо, написанное вскоре после прибытия Рогожско-Симоновского полка в Царицын, наглядно рисовало обстановку на Царицынском фронте в ноябре 1918 г. Сразу увидев в товарище Ворошилове настоящего пролетарского полководца, прибывшие бойцы не могли не заметить, что чья-то вредительская рука намеренно срывала снабжение армии. Волга к этому времени уже начала замерзать, линия Царицын—Поворино все еще была прервана, и единственный путь сообщения с Москвой по Волге—не был своевременно использован для присылки вооружения в Царицын.

Тов. Ворошилов в это время был вынужден почти ежедневно посылать в Москву Ленину и Сталину тревожные телеграммы, свидетельствующие о том, как преступно Троцкий продолжал срывать снабжение оружием войск Царицынского фронта.

«Волга замерзает, патронов нет,—телеграфировал т. Ворошилов 22 октября,—распорядитесь отправить патроны, снаряды из складов Самары, Симбирска, Сызрани и других городов, иначе опоздаете.

Командарм X. *Ворошилов*»[2].

«Утром заморозки. Ночью 7 градусов,—телеграфировал т. Ворошилов на следующий день, 23 октября, в Козлов командующему Южным фронтом Сытину.—Каждый день Волга

---

[1] ЦАКА, д. 223—310, л. 7—23.

[2] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 48, л. 56.

может стать... Патронов нет. Противник усиливается. Что вами сделано, чтобы завтра или через два дня мы получили бы патроны, снаряды и обмундирование... Еще раз повторяю—торопите снабжением, иначе будет поздно... Я просил, требовал, большего сделать не могу, а чувствую, что мы остаемся в тех же условиях, каких находятся около 200 тысяч кавказских войск. Жду вашего ответа.

Командарм Х-ой *Ворошилов*»[1].

В связи с телеграммами т. Ворошилова Ленин и Свердлов 29 октября лично запрашивают Сытина, посылая копию своей телеграммы в Царицын т. Ворошилову:

«Получаем отчаянные телеграммы Ворошилова о неполучении снарядов и патронов вопреки его многократным требованиям и настояниям. Предлагаем немедленно проверить это, принять самые энергичные меры для удовлетворения и известить нас, что сделано. Указать ответственных исполнении лиц.

Предсовнаркома *Ленин*.
Председатель ВЦИК'а *Свердлов*»[2].

В создавшихся труднейших условиях, когда связь с центром через Волгу могла быть каждый день прервана на весь зимний период, необходимо было как можно скорее восстановить железнодорожное сообщение с Москвой. Поэтому Рогожско-Симоновский полк сразу же после прибытия в Царицын был брошен на позиции под Логом с боевым заданием: освободить от противника при помощи других частей ст. Лог.

В 6 часов 6 ноября Рогожско-Симоновский полк получил приказ о наступлении. Полк дрался героически. Во время боя был смертельно ранен и вскоре скончался помощник комиссара полка, контужен в голову командир полка.

Наблюдая исключительную боеспособность полка, т. Ворошилов в тот же день (6 ноября) телеграфировал в Москву товарищам Сталину и Свердлову:

«Вчера впервые прибывший из Москвы 38-й Рогожско-Симоновский советский полк был пущен в бой. С радостью могу констатировать, что, наблюдая за действиями полка, я видел умелое руководство начальников, бесстрашие молодых солдат и сознательность всего полка вообще. Надеюсь, что новый Московский 38-й Рогожско-симоновский советский полк будет с каждым днем крепнуть и закаляться в боях и в ближайшие дни покроет себя славой, которая будет и славой матушки Москвы.

Командующий Х армией Южного фронта
К. Ворошилов»[3].

Полк полностью оправдал данную ему т. Ворошиловым характеристику. 7 ноября, в день первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции полк героически сра-

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 12, д. 48, л. 57—58.
[2] ЦАКА, д. 21—10, л. 18.
[3] ЦАОР, ф. 1235, оп. 52, д. 534, л. 107.

жался на фронте. На участке около станции Лог в это время создалась чрезвычайно тяжелая обстановка.

6 ноября три полка Вольской дивизии бежали с фронта, захватив с собой девять орудий и тринадцать пулеметов. Вольская дивизия, скомплектованная по вредительским установкам Троцкого, только незадолго до этого была прислана штабом Южного фронта «в помощь» Царицыну. Тов. Ворошилов, решив проверить ее боевые качества, направил ее на позиции. Части Вольской дивизии должны были помочь Рогожско-Симоновскому полку в выполнении его боевой задачи под Логом. Но вместо этого они, поддавшись контрреволюционной агитации провокаторов, изменнически оставили фронт. Однако, несмотря на эти тяжелейшие условия, Рогожско-Симоновский полк самоотверженно выполнил приказ, оказывая героическое сопротивление наседавшему врагу. Узнав об условиях, в которых находился Рогожско-Симоновский полк, т. Ворошилов тотчас же сам выехал на позиции, организовал помощь, поднял настроение бойцов и спас положение на этом участке.

Между тем части Вольской дивизии, переправившиеся через Волгу, открыли огонь по отряду, посланному для их разоружения. Но изменники были вскоре окружены, разоружены, погружены на баржи и доставлены в Царицын, где главари были преданы суду Военно-революционного трибунала.

12 ноября т. Ворошилов издал приказ по армии, в котором говорилось, что Военный совет «не потерпит изменников в рядах доблестной Красной армии, что всякий предатель найдет скорый суд и верную смерть, ибо недопустимо и нетерпимо, чтобы верные храбрые сыны рабоче-крестьянской нашей социалистической республики самоотверженно умирали, а ставшие рядом с ними негодяи тут же продавали великое дело освобождения всех трудящихся» [1].

Тов. Ворошилов призывал всех бойцов «объединиться в беспощадной борьбе с изменниками и шкурниками».

В те же дни, когда произошла измена Вольской дивизии, т. Ворошилов получил известие о бегстве Носовича к белым. После отъезда из Царицына Носович получил от Троцкого назначение в штаб Южного фронта, где он безнаказанно, до своего бегства, продолжал вести вредительскую работу. Тов. Ворошилов сразу же после получения этого известия телеграфировал товарищам Сталину и Свердлову, требуя немедленного ареста соратников Носовича—Снесарева и Ковалевского.

«Мы полагаем,—телеграфировал он 6 ноября Свердлову,—что в настоящий момент необходимо принятие ряда экстренных мер по отношению к ближайшим соратникам Носовича, занимавшим совместно с ним видные посты: генералу Снесареву, освобожденному из-под ареста и командующему западной завесой, и в особенности Ковалевскому, начальнику штаба

[1] «Солдат революции» № 81 от 13 ноября 1918 г.

Южного фронта, открыто заявлявшему (что может быть подтверждено Сталиным и Серго Орджоникидзе), что с казаками он не воюет. Совершенно настоятельно необходима и неотложная чистка Южного фронта и замена всех шифров, так как факт беспрепятственного прохождения Носовича не только через нашу линию, но и неприятельскую, ясно указывает на сношения Носовича с неприятелем во время нахождения его в штабе фронта»[1].

Товарищи Сталин и Ворошилов разоблачили Носовича и Ковалевского как предателей еще в начале августа 1918 г. По приказу Военного совета эти изменники тогда же были арестованы. Однако покровительство Троцкого дало возможность обоим предателям продолжать свою вредительскую работу еще свыше трех месяцев в штабе только что созданного Южного фронта.

В конце октября—начале ноября 1918 г. все войска, действовавшие под Царицыном, окончательно оформляются в X Красную армию под командованием т. Ворошилова.

4 ноября т. Ворошилов объявил приказом, что «все бывшие учреждения Северокавказского округа с сего числа переименовываются в учреждения X армии»[2].

Одновременно был создан Военно-революционный совет X армии. Троцкий послал в Царицын в качестве члена Военревсовета своего ставленника, заядлого троцкиста Окулова. Последний сразу же после приезда затеял дрянную склоку, мелкие дрязги, всячески срывая нормальный ход боевых операций.

12 декабря командование X армии обратилось к Ленину, Сталину и Свердлову с письмом, разоблачающим предательскую линию, взятую Окуловым, требуя немедленного его отозвания. «Десятая армия истекает кровью,—говорилось в письме,—тая от ежедневных боев с наседающими красновскими бандами, стремящимися во что бы то ни стало взять Царицын. Чувствуя колоссальную ответственность перед мировой революцией, мы не считаем положение безнадежным, мы напрягаем все наше умение и все наши силы и вкладываем весь наш революционный боевой опыт, чтобы сплоченной стальной коммунистической стеной отразить и разбить врага. К сожалению, в этот ответственнейший и опасный в боевом отношении момент наша внутренняя спайка, наша дружная самоотверженная работа товарищей, закинутых сюда из разных углов Российской республики, но тесно связанных между собой великими задачами социалистической революции и боевым соратничеством в классовой войне, разрушается нетактичностью, кичливой грубостью, полным непониманием практических задач, выполняемых армией, присланного сюда в члены реввоенсовета армии Окулова...

---

[1] Телеграмма т. Ворошилова опубликована в «Правде» 3 января 1935 г.
[2] «Борьба», Царицын, № 254 от 9 ноября 1918 г.

Исчерпав все меры товарищеского воздействия, мы считаем печальной необходимостью честно сознаться, что наша дальнейшая совместная работа с Окуловым невозможна, если эта воля дезорганизатора будет попрежнему превалировать здесь благодаря поддержке Троцкого...»[1]

Вскоре после этого письма Окулов был отозван из Царицына. Но Носович и Ковалевский при прямом попустительстве Сытина в штабе Южного фронта, Окулов в Царицыне—вся эта троцкистско-белогвардейская свора причинила не мало вреда героическим войскам, защищавшим Царицын, стремясь прямым вредительством и скрытым саботажем предотвратить окончательный разгром красновщины.

Взяв в свои руки командование X армией, т. Ворошилов вскоре превратил ее в лучшую армию Южного фронта. Борьба с партизанщиной, укрепление в войсках революционной дисциплины все время были в центре его внимания. Конные части под командованием Буденного, отрезанные от Царицына в период первого и второго окружения, теперь приняли активное участие в разгроме красновцев на Царицынском фронте. Они подтянулись к Царицыну и в конце ноября одержали ряд блестящих побед в районе Гнилоаксайской, где не прекращался натиск белых частей.

25—26 ноября конные части при поддержке пехоты зажали противника в кольцо (в районе Абганерово—Гнилоаксайская), наголову разбили его кавалерию и 46-й и 2-й Волжские пехотные полки в полном составе.

«Благодаря выдающемуся хладнокровию и распорядительности командующих,—говорилось в приказе Военревсовета X армии от 26 ноября,—и беспредельному мужеству героев-красноармейцев, стремительно и точно исполнивших боевой приказ, почти весь наличный состав неприятельских полков оказался уничтоженным, а трофеи, доставшиеся нам,—громадными»[2].

В плен было взято свыше 700 белоказаков. Захвачено 2 орудия, 11 пулеметов, 2 тыс. винтовок, около 300 тыс. патронов, свыше 1 500 снарядов.

«Объявляя об этой блестящей победе по войскам X армии,—гласил приказ Военного совета,—Революционный военный совет армии горд и счастлив отметить этот выдающийся случай геройской отваги и мужества как со стороны командного состава, так и со стороны товарищей-красноармейцев.

С такими войсками победные знамена Великой социалистической всемирной революции не будут знать поражения. Честь и хвала товарищам героям.

По предоставлении более подробного рапорта Реввоенсовет

---

[1] ЦАОР, ф. 130, оп. 1, д. 26, л. 168—169.
[2] «Солдат революции» № 93 от 27 ноября 1918 г.

армии наиболее отважных и отличившихся представит к боевой награде»[1].

Крупнейшим фактором укрепления боеспособности X армии, ее дисциплины явилась широко развернутая политическая работа. Был создан политотдел X армии, все большее значение в частях приобретали политические комиссары. 2—6 декабря в Царицыне происходил съезд коммунистов X армии, на повестке дня которого кроме докладов представителей отдельных частей стояли два важнейших вопроса: 1) роль и значение политических комиссаров и взаимоотношения их с коммунистическими ячейками и 2) взаимоотношения командного состава и ячеек. На съезде присутствовало 125 человек—100 с решающим, 25—с совещательным голосом, представляющих 89 коммунистических организаций армии, свыше 2 250 коммунистов. Доклады с мест рисовали яркую картину политической работы в армии, роль политических комиссаров и коммунистических ячеек. Большое внимание уделялось организации массово-политической работы среди населения освобождаемых от белогвардейцев местностей. С огромным вниманием выслушал съезд выступление представителя от калмыков, сражающихся в рядах X армии. В связи с его выступлением политотдел армии поставил перед съездом вопрос о необходимости всемерного усиления массово-политической работы среди калмыков. С большим подъемом принял съезд это предложение. Докладчики от отдельных частей рассказывали, как растет и крепнет армия, как наряду с ростом ее военной мощи укрепляется ее политическое сознание, как велика роль коммунистов в частях. В заключение была принята резолюция о правах и обязанностях коммунистических ячеек в армии, в которой особо подчеркивалось, что командиры и красноармейцы—коммунисты своей стойкостью, дисциплинированностью, сознательностью должны быть примером для всех бойцов, должны вести их за собой.

В начале декабря 1918 г., когда германские оккупационные войска покинули Украину и создалось Временное рабоче-крестьянское правительство Украины, т. Ворошилов, сразу же включенный в состав этого правительства, был переброшен партией на новый, еще более ответственный в создавшихся условиях участок борьбы. Уезжая из Царицына в 20-х числах декабря, когда вопрос о разгроме красновщины был уже предрешен и X армия крепко поставлена на ноги, т. Ворошилов обратился с теплым прощальным письмом к бойцам X армии:

«Дорогие товарищи красноармейцы X армии!

...С болью в сердце расстаюсь я, товарищи, с вами. Вот уже семь месяцев, сражаясь рядом с вами на Царицынском фронте, я полюбил вас, как боевых товарищей, доказавших не на словах, а на деле мужество, стойкость и преданность

---

[1] Приказ Военревсовета № 137 по войскам X армии от 26 ноября 1918 г., «Солдат революции» № 93 от 27 ноября 1918 г.

мировой революции... вашими усилиями враг уже повержен, но еще не добит. Нужно еще усилие, еще революционная воля и героический натиск, после чего банда Краснова со всей барской золотопогонной сворой разлетится в порошок.

И, зная вас, я, ваш командующий, глубоко верю в вашу победу. Я верю, что и без меня вы, дорогие товарищи и братья, будете так же храбры, мужественны и тверды».

Призывая далее бойцов к точному и безоговорочному выполнению приказов своих командиров, к еще большему поднятию дисциплины в армии, т. Ворошилов, обращаясь к командирам, требовал от них стойкости и беззаветной храбрости. Он писал в конце этого замечательного письма:

«...Пережитые вместе с вами горести и радости боевой жизни, сроднившие меня с вами, будут лучшими светлыми воспоминаниями лучших дней моей жизни. Стойко держитесь, славные герои, на вашем ответственном посту и покройте себя новой революционной славой» [1].

«Враг уже повержен, но еще не добит...»,—предупреждал т. Ворошилов накануне отъезда из Царицына.

Этот наказ т. Ворошилова—добить врага—был с честью выполнен бойцами X армии.

4. Конец красновщины.

В первых числах декабря последние эшелоны германских оккупационных войск оставили Ростов. На Украине и в Донской области не осталось почти ни одного немецкого солдата. Гетман Скоропадский бежал из Киева. Донская и украинская контрреволюция, продававшая родную страну, лишившись поддержки германских штыков, сразу же начала искать нового «хозяина», который помог бы ей кровавой рукой задушить растущее не по дням, а по часам революционное движение.

Начатые еще в сентябре—октябре переговоры донского командования с англо-французскими империалистами продолжались и в ноябре—декабре 1918 г. В начале ноября Краснов отправил в Париж и Лондон письма, прося об оказании ему помощи. 25 ноября (ст. ст.) Краснов встречал в Новочеркасске представителей «союзников». Во второй половине декабря в Кущевке произошло свидание Краснова с представителем английского командования генералом Пуль. Французские и английские империалисты охотно обещали «помочь» Краснову, но при условии выполнения им целого ряда требований. Они решительно настаивали на немедленной передаче командования Донской армией генералу Деникину, указывая, что Краснов как «патриот» должен согласиться на установление единого командования. Зная прекрасно о состоянии донской армии и

[1] «Солдат революции» № 112 от 19 декабря 1918 г.

ее окончательном разложении, «союзники» обещали помощь только при условии ввода англо-французских оккупационных войск в Донскую область «для наведения порядка и для борьбы с большевизмом». Заранее оговаривалось, что оккупационные войска будут содержаться за счет Донского правительства. Французы кроме того требовали немедленного возмещения всех убытков французских граждан, имущество которых находилось на территории как Донской области, так и Украины. Даже Краснову эти требования казались чрезмерными. Правда, его смущал лишь тот факт, что согласно этим требованиям Донское правительство должно платить не только за себя, но и за Украину. Таково во всяком случае было его мнение, изложенное им на заседании Войскового круга в феврале 1919 г.

Но Краснов и «Войсковое правительство» были уже не в таком положении, чтобы делать какой-то выбор. К тому же расплачиваться все равно должны были рабочие, крестьяне, донская беднота. Вопрос заключался только в том, чтобы помощь англо-французских империалистов прибыла как можно скорее, так как положение Краснова с каждым днем становилось все безнадежнее. Краснов с горечью и сожалением вспоминал «счастливые дни» лета и начала осени 1918 г.

«Когда на Украине находились германцы, когда там был гетман Скоропадский,—говорил Краснов на заседании Войскового круга 14 (1) февраля 1919 г.,—наш левый фланг и тыл были совершенно спокойны и вся западная граница с наиболее уязвимыми железными дорогами—Харьков—Юзовка—Луганск были прочно заняты германскими гарнизонами... Украина нам помогала оружием, и мы могли быть спокойны за весь наш западный фронт. В ноябре месяце мировая война закончилась поражением германцев, и зашаталась и стала разлагаться германская армия... Этим воспользовались большевики и ворвались в Харьковскую и Екатеринославскую губернии и создали новый фронт, самый опасный для нас фронт, самый уязвимый западный фронт, и наш фронт растянулся на 1 200 верст... Вот при каких обстоятельствах застала нас суровая, лютая зима» [1].

В декабре 1918 г. начался отход Донской армии Краснова из пределов Воронежской губернии сначала под напором красных частей, а потом стихийно. 28-й Верхне-Донской, Мигулинский и Казанский полки бросили позиции и разошлись по своим станицам. В конце декабря 1918 г.—начале января 1919 г. Воронежская губерния была совершенно очищена от красновцев. В начале января семь станиц во главе с Вешенской подняли восстание против Краснова и перебили своих офицеров. Одиночками, группами, полками и целыми дивизиями перебегали казаки в Красную Армию. Командование Краснова само признавалось, что к началу 1919 г. в армии Краснова осталась

---

[1] ЦАОР, ф. 1258, ВВД, д. 3—7, 1919, л. 8, 9.

едва ли $^1/_5$ ее прежнего состава, не больше 15—20 тыс. человек, да и то неспособных к какому бы то ни было сопротивлению. Вслед за Воронежской губернией красновцы вынуждены были в январе же 1919 г. очистить Хоперский и Верхне-Донской округа. Дон постепенно освобождался от власти красновской контрреволюции.

«Снова заболели тяжелой болезнью—большевизмом—донские казаки»[1],—горевал Краснов на заседании Войскового круга 14 (1) февраля 1919 г.

Никакие карательные меры уже не могли предупредить полный развал фронта. В казачестве происходил огромный политический перелом. Решающую роль в этом переломе сыграли победы Красной Армии под Царицыном. Кроме того, политика Краснова, политика удушения трудового казачества, политика карательных экспедиций, окончательно рассеяла генеральский обман. А самолеты красных частей все чаще и чаще разбрасывали над расположением белых частей листовки, воззвания, призывавшие казаков расправиться со своим белопогонным офицерством и переходить на сторону советской власти.

В приказе Военно-революционного совета X армии 13 ноября 1918 г. указывалось, что пробуждение политического сознания казачества происходит с огромной быстротой.

«Вместо того, чтобы вкупе с генералами, помещиками и капиталистами терзать трудовой народ, беднейшее казачество переходит теперь на сторону трудового народа, чтобы вместе с ним, братски участвуя в борьбе, добиться свободной и счастливой жизни под своей собственной властью—под властью рабочих, трудового крестьянства и казачества. Казак, понявший истинные интересы трудового народа, перешедший открыто на его сторону, больше не враг нам, а брат и товарищ в великой борьбе, которую мы ведем с насильниками—помещиками и капиталистами»[2].

Военно-революционный совет X армии приказывал командирам, красноармейцам принимать все меры к охране жизни и безопасности переходящих на нашу сторону казаков, братски принимать их в свою среду.

Так же как и сталинский приказ от 30 августа, приказ от 13 ноября, подписанный т. Ворошиловым, сыграл огромную роль в ускорении политического перелома в сознании трудовых казаков и переходе их на сторону красных частей.

Белое командование прилагало все усилия, чтобы как-нибудь задержать процесс разложения своей армии. В феврале 1919 г. была создана специальная комиссия Большого войскового круга «по обороне», которой поручено было разработать мероприятия по борьбе с дезертирством и поднятию дисциплины

---

[1] ЦАОР, ф. 1258, ВВД, д. 3—7, л. 6. Из речи Краснова на заседании Войскового круга 1 (14) февраля 1919 г.

[2] «Солдат революции» № 81 от 13 ноября 1918 г.

в частях. Так как карательные экспедиции уже были безрезультатны, комиссия для поднятия дисциплины в частях в числе прочих мер предлагала:

«а) Налагать наказание розгами или плетьми от 10 до 50 ударов за первое дезертирство, трусость на поле сражения, в разведке и сторожевке, за грабеж и за неисполнение боевых приказов.

б) За второе дезертирство—смертную казнь.

в) Заменять положенные уставом Воинских наказаний тюремные заключения поркой розгами или плетьми за каждый месяц тюрьмы—10 ударов, а всего не более 50 ударов»[1].

Приказ этот, буквально воспроизводящий времена крепостничества, только подливал масла в огонь. После розог казаки еще скорее перебегали на сторону Красной Армии.

В то время как армия Краснова катастрофически таяла, потеряв всякую боеспособность, на юге, на Кубани вырастала новая враждебная советской власти сила, ожесточенная борьба с которой развернулась в 1919 г. Это была армия Деникина, собиравшая при помощи англо-французских империалистов силы для организации нового натиска на Страну советов. По подсчетам самого командования «добровольческой» армии, 10 ноября 1918 г. в армии было налицо 42 136 штыков и сабель, свыше 400 пулеметов, около 100 орудий, около 1 млн. патронов и т. д., всего 7 дивизий, отряд Шкуро и другие части. В создавшихся условиях Краснов вынужден был под давлением союзников согласиться на установление единого командования и передать руководство остатками Донской армии Деникину.

26 декабря 1918 г. (ст. ст.) происходило свидание Краснова и Деникина в Торговой (Сальске). В тот же день был издан приказ Деникина:

«По соглашению с атаманом Всевеликого Войска Донского и Кубанского, сего числа я вступаю в командование всеми сухопутными и морскими силами, действующими на юге России. Генерал-лейтенант Деникин». К этому приказу Краснов со своей стороны приписал: «Единое командование—своевременная и неизбежная ныне мера для достижения полной и быстрой победы в борьбе с большевиками»[2].

Спустя месяц после опубликования приказа о назначении Деникина «главнокомандующим вооруженными силами юга России» Краснов на заседании Войскового круга буквально из кожи лез, чтобы заслужить похвалу своих новых хозяев.

«Царевна в светлом парчевом сарафане с нами и перед нами,—распинался он.—Эта царевна—доблестная добровольческая армия. Она идет к нам на помощь, чтобы вдохнуть новые силы в изнемогающие души борцов. И скоро будет так,

---

[1] ЦАОР, ф. 1258, оп. 2, д. 51, л. 3.

[2] «Вечернее время», Ростов-на-Дону, № 157 от 28 декабря 1918 г.

как в сказке: донской богатырь вступит в брак с этой царевной, и будем мы пир пировать, и на этот пир приедут гости иноземные. ...Единое командование осуществлено. С нами идут союзники, овеянные славой победы над германцами. С нами идет добровольческая армия»[1].

Но никакое краснобайство не могло уже спасти Краснова. На следующий день после этой речи, 2 (15) февраля 1919 г. Войсковой круг большинством голосов выразил недоверие командующему Донской армией генералу Денисову и принял отставку Краснова.

Дело было, конечно, не в личной неудаче Краснова, а в провале всего плана организации «казачьей Вандеи» на Дону. Создать «единый фронт» казачества против советской власти Краснову не удалось и не могло удаться. Трудовое казачество, те же крестьяне (за исключением казацких верхов—кулачества), в своем большинстве не могло итти в союзе с помещиками, буржуазией и интервентами против советской власти.

В тяжелейших условиях товарищ Сталин вместе с товарищем Ворошиловым организовали победу над Красновым и стоящим за его спиной германским империализмом. Уже один факт беспримерной по своему героизму и самоотверженности обороны Царицына внес смятение, создал перелом в рядах казачества. Сила Красной Армии, сила ее сопротивления, героизм, отвага ее командиров и руководителей внушали уважение, заставляли самых отсталых в армии противника задуматься над тем, что основа этой непобедимости в том, что бойцы Красной Армии дерутся за свое кровное дело, за дело всех трудящихся, всех рабочих и крестьян.

Большевистская, сталинская агитация раскалывала ряды казачества. Через окопы, через проволочные заграждения, через линию фронта—всюду проникали идеи Ленина—Сталина, пробуждая политическое сознание казаков. Огромной силы натиск красных частей со стороны Царицына и с каждым днем растущая борьба в тылу белогвардейцев в итоге своем привели к неизбежному краху красновщины.

Так был разбит враг на первом этапе гражданской войны в 1918 г. Огненное кольцо фронтов, которым окружили иностранные интервенты и русские белогвардейцы Советскую республику, было разорвано. Красная Армия разбила интервентов и на юге и на востоке страны. Но борьба на этом не кончилась, а только начиналась. На смену Краснову на юге пришел Деникин, на смену чехо-словакам—Колчак.

В 1919 и 1920 гг. империалисты всех стран организовали развернутый поход всех капиталистических стран против Страны советов. Впереди были еще более ожесточенные и трудные бои.

---

[1] ЦАОР, ф. 1258, ВВД, оп. 1, д. 7, л. 13, 15. Из речи Краснова на заседании Войскового круга 1 (14) февраля 1919 г.

Но уже в первый период гражданской войны вполне сложились и определились те основные условия побед Красной Армии, которые так четко и ярко обобщены в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Красная Армия показала, что она непобедима. Она знала, за что ведет борьбу. За Красной Армией стоял весь советский народ, который поднялся на отечественную войну. Во главе народа и армии стояли большевистская партия и вожди партии Ленин и Сталин. Поэтому враг был разбит в 1918 г., и были созданы все предпосылки, чтобы бить врага и в дальнейшем.

4 июля 1919 г. Ленин, выступая на заседании ВЦИК и Московского совета, сравнивал обстановку в стране в июле 1918 г. и в июле 1919 г.

«Товарищи, припомните положение год тому назад,—говорил Ленин.—Как раз в июле 1918 г. тучи, казалось бы, самые грозные и беды, казалось бы, совершенно непоправимые скопились вокруг Советской республики. Тогда, как и теперь, ухудшилось продовольственное положение именно перед новым урожаем, именно в конце старого продовольственного года, когда истекают запасы. В прошлом году положение было несравненно тяжелее. Как и теперь, к продовольственным трудностям прошлым летом прибавилось еще больше политических и военных трудностей внутри и вне. Когда летом прошлого года собрался съезд Советов, он совпал с восстанием левых эс-эров в Москве, он совпал с изменой тогдашнего командующего армией левого эс-эра Муравьева, который почти открыл у нас фронт. Лето 1918 г. совпало с громадным заговором в Ярославле, который был, как теперь доказано и признано участниками, вызван французским послом Нулансом, который подговорил Савинкова устроить этот заговор, гарантируя, что высаживающиеся в Архангельске французские войска придут на помощь в Ярославль, что при самом трудном положении Ярославля его ожидает соединение с Архангельском, соединение с союзниками и, следовательно, ближайшее падение Москвы. С востока врагу в это время удалось захватить Самару, Казань, Симбирск, Сызрань... С юга казацкие войска, подкрепляемые германским империализмом,—это установлено с полной точностью, — подкрепляемые германским империализмом, получали деньги и вооружение. Враги напали на нас, они окружили нас с двух сторон, они издевались над нами...

Вот каково было тогдашнее, казалось бы, совершенно безвыходное окружение Советской республики, при неслыханных трудностях продовольственного положения, и когда наша армия едва начинала складываться. У нее не было организации, у нее не было опыта, мы должны были наспех, наскоро сбивать отряд за отрядом,—о цельной систематической работе нечего было и думать. И если мы пережили этот год, если, опираясь на этот опыт и твердо держа его в своем воспоминании,

посмотрим на теперешнее положение, то мы с полным правом можем сказать: да, положение трудное, но сравнение того, что было пережито в прошлом году, с тем, каково положение сейчас,—это сравнение показывает даже со стороны внутреннего простого соотношения сил, даже со стороны сопоставления фактов, касающихся временных трудностей, что наше теперешнее положение несравненно более устойчиво, и поэтому тысячу раз было бы преступно поддаваться панике. Если год назад положение было несравненно тяжелее и все-таки трудности были преодолены, то мы с абсолютной уверенностью можем сказать, нисколько не преувеличивая сил и не преуменьшая трудностей, что и теперь мы их преодолеем»[1].

Ленин считал, следовательно, что обстановка летом 1918 г. была еще тяжелее, чем летом 1919 г., потому что в 1918 г. мы еще не имели опыта, Красная Армия только создавалась. К тому времени, когда на нас пошли походом 14 государств, когда борьба шла с Колчаком, Деникиным, Юденичем и Врангелем, была уже создана армия, закаленная в первых боях, армия, опыт которой умножался и рос. И если Красная Армия била врага на самом первом этапе гражданской войны, то не было сомнения в том, что она будет бить его еще более умело и успешно в дальнейших боях.

Огромную роль в дальнейших победоносных боях гражданской войны сыграл сталинский опыт, накопленный под Царицыном.

Когда в мае 1919 г., через 8 месяцев после отъезда товарища Сталина, Царицын вновь оказался в критическом положении, накануне захвата его белыми, Ленин в телеграмме от 30 мая 1919 г. дал защитникам красного города следующий важнейший, решающий совет:

«Немедленно выделите группу ответственнейших и энергичнейших царицынских работников, участвовавших в проведении назначаемых Сталиным мер по обороне Царицына, и поручите им начать проведение всех этих мер с такой же энергией. Имена ответственных телеграфируйте. Предсовобороны *Ленин*»[2].

Совет Ленина защитникам Царицына в 1919 г. был ясен: «действуйте, как Сталин в 1918 г.», «опирайтесь на кадры, прошедшие сталинскую школу,—в этом секрет победы». Это была замечательная ленинская оценка сталинского опыта работы в Царицыне. Это была оценка тех кадров, которые вырастил, воспитал Сталин на Царицынском фронте.

В эти летние месяцы 1919 г., когда Ленин посылал свою телеграмму, положение Царицына опять было чрезвычайно тяжелым. Едва вступив в командование всеми «вооруженными

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXIV, стр. 351—352.

[2] *К. Е. Ворошилов,* Сталин и Красная армия, М. Воениздат, 1937 г., стр. 71.

ЦАРИЦЫН—ЦЕНТР УДАРА
ЛИНИЯ ФРОНТОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К НАЧАЛУ СЕНТЯБРЯ 1918-го ГОДА
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Фронт империалистической войны
Направление наступления интервентов Германии, ее союзников и ставленников (Краснов)
Героический поход отрядов и армии товарища Ворошилова в период апрель—июнь 1918-го года
Налеты красновских банд на эшелоны армии товарища Ворошилова
Территория, оккупированная германскими интервентами.
Направление наступления интервентов Антанты и ее ставленников (чехословаков, Деникина, Дутова и пр.)
Эшелоны и пароходы с продовольствием, отправленные товарищем Сталиным из Царицына в голодающие центры страны в июне и июле 1918-го года
Героическая оборона Царицына под руководством товарища Сталина и товарища Ворошилова июль—октябрь 1918-го года
СТАЛИН ВОРОШИЛОВ
Линия фронтов гражданской войны к началу сентября 1918-го года
Штабы фронтов Красной Армии
СЕВЕРН.
Довоенные государственные границы
„ границы Финляндии
Бессарабия, оккупированная Румынией
Губернские города
Прочие города и населенные пункты
Железные дороги
МАСШТАБ 100 0 100 200 300 400 км
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
БАРЕНЦОВО МОРЕ
БЕЛОЕ МОРЕ
БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛИВ
ФИНСКИЙ ЗАЛИВ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
МУРМАНСК
ТОРНЕО
УЛЕОБОРГ
КЕМЬ
АРХАНГЕЛЬСК
КАЯНА
НУРМИС
НИКОЛАЙШТАД
КУОПИО
КРИСТИНЕСТАД
БЬЕРНЕБОРГ
ТАММЕРФОРС
ТАВАСТГУС
С.-МИХЕЛЬ
ПЛЕСЕЦКАЯ
ПЕТРОЗАВОДСК
АБО
ГЕЛЬСИНГФОРС
КОТКА
ВЫБОРГ
ГАНГЕ
РЕВЕЛЬ
ПЕТРОГРАД
СЕВЕРН.
ПЕРНОВ
ВОЛОГДА
ВЯТКА
ПЕРМЬ
ЕКАТЕРИНБУРГ
ВИНДАВА
НОВГОРОД
ЛИБАВА
РИГА
ПСКОВ
БОЛОГОЕ
ЛЕНИН СТАЛИН
КОСТРОМА
Район Ижевского мятежа
ИЖЕВСК
САРАПУЛЬ
КРАСНОУФИМСК
ЧЕЛЯБИНСК
МИТАВА
ЯРОСЛАВЛЬ
ИВ.-ВОЗНЕСЕНСК
ТВЕРЬ
ДВИНСК
ВОСТОЧН.
ЗЛАТОУСТ
КОВНО
ПОЛОЦК
ЗАПАДН.
МОСКВА
ВЛАДИМИР
Н. НОВГОРОД
КАЗАНЬ
ВИЛЬНА
ВИТЕБСК
АРЗАМАС
УФА
СУВАЛКИ
ОРША
СМОЛЕНСК
КАЛУГА
РЯЗАНЬ
СИМБИРСК
Мятеж чехословацкого корпуса
ЛОМЖА
ГРОДНО
МИНСК
МОГИЛЕВ
ТУЛА
ПЛОЦК
ВАРШАВА
ЛОДЗЬ
СЕДЛЕЦ
БРЕСТ-ЛИТОВСК
БРЯНСК
ПЕНЗА
САМАРА
ДУТОВ
ОРСК
ПЕТРОКОВ
РАДОМ
ЛЮБЛИН
ГОМЕЛЬ
ОРЕЛ
КОЗЛОВ
ТАМБОВ
ОРЕНБУРГ
КЕЛЬЦЫ
ХОЛМ
ХУТОР МИХАЙЛОВСКИЙ
Сталин
КУРСК
САРАТОВ
ЧАПАЕВ
УРАЛЬСК
АКТЮБИНСК
ЧЕРНИГОВ
СУДЖА
ВОРОНЕЖ
ЖИТОМИР
КИЕВ
БЕЛГОРОД
СТАЛИН ВОРОШИЛОВ
ЮЖН. ФРОНТ
КАМЫШИН
Уральские и астраханские белоказаки
ХАРЬКОВ
ВИННИЦА
ПОЛТАВА
ВАЛУЙКИ
КАМ.-ПОДОЛЬСК
КРЕМЕНЧУГ
ЦАРИЦЫН
МОГИЛЕВ
БАХМУТ
ЛУГАНСК
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
Ворошилов
КИШИНЕВ
ТАГАНРОГ
НОВОЧЕРКАССК
НИКОЛАЕВ
МАРИУПОЛЬ
РОСТОВ
ГУРЬЕВ
ХЕРСОН
БЕРДЯНСК
ЕЙСК
ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ
АСТРАХАНЬ
ОДЕССА
ПЕРЕКОП
КЕРЧЬ
ТИХОРЕЦКАЯ
СИМФЕРОПОЛЬ
ЕКАТЕРИНОДАР
АРМАВИР
СТАВРОПОЛЬ
ФЕОДОСИЯ
СЕВАСТОПОЛЬ
ЯЛТА
НОВОРОССИЙСК
Орджоникидзе
ТУАПСЕ
ГРОЗНЫЙ
ПЕТРОВСК
ВЛАДИКАВКАЗ
ТЕМИР-ХАН-ШУРА
СУХУМ
КУТАИС
ТИФЛИС
В ЗАКАВКАЗЬЕ
В ТУРКЕСТАН
БАТУМ
КРАСНОВОДСК
КАРС
ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ
БАКУ
ЭРИВАНЬ
НАХИЧЕВАНЬ
МРАМОРНОЕ МОРЕ

силами юга России», Деникин послал Врангеля для захвата Царицына. Ожесточенные бои вокруг Царицына продолжались и в 1919 г. Но это был другой период, другое время, и разгром Деникина происходил уже не с Царицынского плацдарма.

Разгром Деникина в 1919 г., как и Краснова в 1918 г., был осуществлен под руководством товарища Сталина, по сталинскому плану.

* *
*

В мае 1919 г. царицынский пролетариат за боевые заслуги в годы гражданской войны был награжден ВЦИК красным знаменем, а с апреля 1925 г. Царицын стал носить имя руководителя и организатора побед на Царицынском фронте, имя великого вождя большевистской партии—имя товарища Сталина.

Царицын по праву заслужил в годы гражданской войны свое новое имя—имя краснознаменного Сталинграда. Он стал городом Сталина именно в те суровые и грозные дни 1918 г., когда под непосредственным сталинским руководством организовывалась победа на Царицынском фронте.

Больше двух десятилетий отделяют нас от лета 1918 г., от героической борьбы за Царицын под руководством товарищей Сталина и Ворошилова. Но память об этих героических днях не только не тускнеет, но с каждым годом, с каждым часом становится все ярче и ярче.

Славная история сталинского руководства обороной Царицына давно перешагнула границы СССР. Она является незабываемым уроком для тех, кто борется против капитализма, капиталистического рабства, незабываемым уроком для трудящихся всех стран.

С чувством огромной благодарности и любви вспоминает советский народ о боевом руководстве Сталина и Ворошилова, обеспечившем победу над врагами в гражданской войне. Чувство законной гордости и уверенности в победе наполняет сердца всех трудящихся нашей страны при воспоминании о героической эпопее Царицына.

Изучая историю обороны Царицына, вчитываясь в слова сталинских телеграмм Ленину, ленинских—Сталину, вдумываясь в сталинские директивы и приказы Военного совета, каждый трудящийся сможет почувствовать и понять, в каких суровых боях Ленин и Сталин закалили нашу героическую Красную Армию и создали несокрушимую мощь первого в мире социалистического государства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава V

Глава VI

Э. Генкина. Борьба за Царицын
Политиздат при ЦК ВКП(б). 1940

Редактор *И. Разгон*
Карты составил генерал-майор, профессор *А. Н. Де-Лазари*
Художественный редактор *Л. Юркевич*
Заставки художника *А. Ермолаева*
Ответственные корректора *А. Михельс* и *З. Патеревская*
Технический редактор *М. Пиотрович*

Сдано в набор 17 июля. Подписано в печать 14 октября
Формат $60 \times 92^1/_{16}$. $13^3/_4$ п. л. Изд. № 158. Тираж 50 000 экз.
А 31973. Заказ № 1233. Цена в ледериновом переплете 7 р. 50 к., в переплете 7 р.

Типография «Красный пролетарий» Политиздата при ЦК ВКП(б).
Москва, Краснопролетарская, 16.

97

